

**МИНИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

— ГОД ОСНОВАНИЯ 1911 —

НЕОФИТ

**Сборник статей по материалам
научно-практических конференций студентов**

Выпуск 22

Нижний Новгород
2026

Министерство просвещения Российской Федерации
Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Мининский университет)

НЕОФИТ

**Сборник статей по материалам
научно-практических конференций студентов**

Выпуск 22

Нижний Новгород
2026

УДК 001(082)
ББК 94.3я431
Н529

Редакционная коллегия:

А. В. Гришина, А. Е. Сморкалова, А. Н. Морева, Д. Ю. Пичужкина

Рецензенты:

С. В. Напалков – кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, Арзамас

Е. Л. Дорожкин – кандидат философских наук, доцент, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Нижний Новгород

Неофит: сборник статей по материалам научно-практических конференций студентов. Выпуск 22. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2026. – 92 с.
ISBN

В сборнике представлены лучшие доклады студентов, посвященные актуальным проблемам современной фундаментальной и прикладной науки.

Сборник будет интересен научным работникам, преподавателям, магистрантам, аспирантам, студентам, школьникам.

УДК 001(082)
ББК 94.3я431

ISBN

© Мининский университет, 2026

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Серебрякова Т.А., кандидат психологических наук, заведующий кафедрой возрастной и педагогической психологии

Круподерова К.Р., кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры информатики и информационных технологий в образовании

Поначугин А.В., кандидат экономических наук, заведующий кафедрой информационных систем и цифровых сервисов в управлении

Зиновьева С.А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами

Бударагина Е.И., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи

Хамидулин А.М., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии

Кузнецова С.Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Представляем вам сборник статей «НЕОФИТ», подготовленный по результатам проведения Дней науки на базе Мининского университета в 2026 году и включающий лучшие доклады студентов.

В стенах нашего университета ежегодно в рамках Дней науки проходят очные студенческие научные и научно-практические конференции, посвященные обсуждению актуальных проблем в области науки и образования. Основной задачей данных конференций является привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности, раскрытие научного потенциала, развитие личностных и профессиональных компетенций.

В сборнике 2026 года представлены статьи, отражающие результаты современных научных исследований студентов по широкому спектру дисциплин: педагогике, психологии, филологии, философии, экономике и др., что обусловлено спецификой университета и соответствует приоритетным направлениям развития научно-исследовательской деятельности в вузе. В этом заключается теоретическая и практическая ценность сборника для различных специалистов.

Представленные в сборнике доклады отличает интересная проблематика, полнота раскрытия темы научного исследования и хорошее литературное изложение. Ценно и то, что в статьях содержится не только теоретический анализ материала, но и практические разработки и рекомендации в области гуманитарных и точных наук.

Тот факт, что сборник выходит 22 раз, свидетельствует о неослабевающей научно-поисковой активности студентов, стремлении раскрыть свой научно-практический, профессионально-личностный потенциал, желании состояться в научной и практической деятельности, а также умении ориентироваться в многообразии научных проблем, самостоятельности в постановке проблемы научной работы, способности глубоко и аналитически мыслить.

Заместитель проректора по науке и организации приемной кампании
НГПУ им. К. Минина, кандидат
психологических наук, доцент

А.В. Гришина

УДК 372.862

**АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ИНФОРМАТИКИ
В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ**

Мансурова А.Н., студент 5 курса
Факультет информационных технологий
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье рассматриваются возможности активизации познавательной деятельности обучающихся в условиях предметной цифровой среды обучения информатике. Для ее развития на уроках информатики предлагается использование интерактивных методов и средств, нетрадиционных форм уроков, проектной деятельности. Рассмотрены способы активизации познавательной деятельности обучающихся при изучении в 7-9 классах теоретических основ информатики. Разработаны интерактивные упражнения для активизации познавательной деятельности обучающихся на платформах LearningApps, Удоба, Wordwall. Приведены примеры заданий с использованием инструментов Веб 2.0. Также в качестве примера описана ролевая игра «Информационный квест: путешествие по процессам».

Ключевые слова: познавательная деятельность, предметная цифровая среда обучения информатике, теоретические основы информатики, цифровые образовательные платформы, цифровые инструменты.

ACTIVATION OF STUDENTS' COGNITIVE ACTIVITY IN STUDYING THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF COMPUTER SCIENCE IN SECONDARY SCHOOL

Mansurova A.N., 5th year student
Department of Information Technology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines opportunities for enhancing students' cognitive activity in a digital computer science learning environment. To develop this activity in computer science lessons, the use of interactive methods and tools, non-traditional lesson formats, and project-based activities is proposed. Methods for enhancing students' cognitive activity during the study of the theoretical foundations of computer science in grades 7-9 are discussed. Interactive exercises for enhancing students' cognitive activity have been developed using the LearningApps, Udoba, and Wordwall platforms. Examples of tasks using Web 2.0 tools are provided. A role-playing game, «Information Quest: A Journey through Processes» is also described as an example.

Keywords: cognitive activity, subject-based digital environment for teaching computer science, theoretical foundations of computer science, digital educational platforms, digital tools.

В центре образовательного процесса лежит феномен познавательной деятельности обучающегося, который можно рассматривать, как совокупность интеллектуальных усилий, личностных мотивов и целенаправленных действий, ведущих к открытию нового знания и преобразованию учебного процесса, в котором обучающийся будет не «пассивным» субъектом, а «активным» субъектом образовательного процесса.

В наиболее широком смысле понятие «познавательная деятельность» трактуется как специфическая форма активного отношения субъекта к миру, содержание которой составляет целенаправленное отражение и преобразование реальности в процессе учебного взаимодействия.

Если познавательная деятельность задает общую характеристику и траекторию процесса учения, определяя его цели, содержание, способы действий и результаты, то познавательная активность характеризует качество и меру реализации этой деятельности со стороны субъекта. Т.е. деятельность представляет собой объективную, нормативно заданную систему, в то время как активность является ее субъективным решением.

О.И. Ваганова и М.П. Прохорова в статье [3] отмечают, что важнейшим условием активизации образовательного процесса является опора на интерес и познавательную потребность обучающегося, минимализация внешних воздействий, усиление самостоятельности и активности ученика. Г.Ю. Ахметова [1] утверждает, что именно в активизации учебного процесса кроется возможность в сокращении разрыва противоречия между требованиями и запросами общества к образованию и массовым опытом преподавания, а также между педагогическими концепциями и теорией, и школьной практикой, которая чаще всего колоссально отличается от теоретической составляющей. Познавательная деятельность – ведущая форма деятельности ребенка, учебную деятельность можно стимулировать с помощью познавательного интереса. Именно поэтому необходимо в учебной деятельности применять инновационные подходы, которые будут способствовать активизации познавательной деятельности обучающихся.

Дополнительные возможности для активизации познавательной деятельности обучающихся создаются в условиях предметных цифровых образовательных сред. Сегодня значительно возрастает роль предмета «Информатика» [2; 8]. Активизации познавательной деятельности обучающихся на уроках информатики посвящены публикации [5; 9; 10].

Нами разработана ментальная карта «Способы активизации познавательной деятельности обучающихся на уроках информатики» (<https://inlnk.ru/84kAaG>). Для активизации познавательной деятельности обучающихся следует применять интерактивные методы и средства обучения, проектно-исследовательскую деятельность, игровые технологии, кейс-метод, межпредметные связи, нестандартные формы уроков (экскурсии, ролевые игры, уроки-соревнования, уроки-пресс-конференции и т.п.).

Рассмотрим способы активизации познавательной деятельности обучающихся при изучении в 7-9 классах теоретических основ информатики. Раздел «Теоретические основы информатики» занимает особое место в структуре школьного курса информатики, выступая фундаментом для формирования научного мировоззрения и понятийного аппарата обучающихся, однако его значение не ограничивается трансляцией готовых знаний. В контексте требований ФГОС ООО и современных тенденций цифровой трансформации образования именно этот раздел обладает значительным потенциалом для активизации познавательной деятельности школьников, поскольку он оперирует такими категориями, как информация, модель, алгоритм, логика, которые лежат в основе любого исследования и решения проблем. Например, авторы статей [4; 7] указывают на важную роль темы моделирования в активизации познавательной деятельности обучающихся.

Современный урок информатики невозможно представить без использования цифровых инструментов. Их применение не только соответствует запросам поколения, выросшего в окружении технологий, но и открывает новые возможности для активизации познавательной деятельности. В отличие от традиционных методов, цифровые сервисы позволяют сместить акцент с пассивного восприятия готовых знаний на активную, исследовательскую и творческую работу, что напрямую соотносится с требованиями системно-деятельностного подхода. Различные цифровые образовательные платформы и цифровые инструменты представлены в пособии [6].

На платформах LearningApps, Удоба, Wordwall мы создали собственные задания на развитие конкретных познавательных УУД. При изучении темы «Представление информации» в 7 классе в рамках урока «Разнообразие языков и алфавитов. Естественные и формальные языки» (<https://clck.ru/3Rgsx9>) можно предложить выполнить задание «Классификация примеров на естественные и формальные языки» на платформе Wordwall; упражнение «Алфавиты мира» (<https://clck.ru/3RgtiE>) в сервисе LearningApps, направленное на соотнесение

примеров письменности с типами алфавитов, задание «Виды языков и алфавитов» на платформе Удоба (<https://clck.ru/3RgyHu>), в котором необходимо соотнести термины с их определениями.

При изучении темы «Элементы математической логики» в 8 классе в рамках урока «Логические высказывания» можно предложить выполнить задание «Логические высказывания» (<https://clck.ru/3RgyVf>) на платформе Удоба и задание «Высказывания и высказывательные формы» на платформе LearningApps (<https://clck.ru/3RgyVf>), где обучающиеся учатся отличать логические высказывания от других типов предложений.

Кроме заданий, созданных на платформах, потенциал для активизации познавательной деятельности обучающихся имеют облачные сервисы и инструменты Веб 2.0, позволяющие организовать совместную работу, обмен информацией и визуализацию учебного содержания. Примеры таких заданий приведены в таблице (таблица 1).

Таблица 1 – Примеры заданий с использованием инструментов Веб 2.0

Темы	Примеры заданий, используемый сервис
Информация и информационные процессы	Создать кластер «Виды информации» с примерами на каждый вид (шаблон MindMap из Яндекс-доски) Заполнить совместную Яндекс-таблицу «Примеры схем передачи информации» (https://disk.yandex.ru/i/7neYrHUg7x_22g) Составить с помощью шаблона «Диаграмма Исикавы» «Причины информационных помех» (Яндекс-доски)
Представление информации	Создать ленту времени «История развития теории информации» (сервис Time.graphic) Создать инфографику по теме «Способы кодирования информации» Создать глоссарий «Единицы измерения информации» с визуальными аналогиями (Яндекс-доски, шаблон «Канбан») (https://clck.ru/3T7qDx)
Системы счисления	Работа с ИРЛ «Различные системы счисления» (Яндекс доски) (https://clck.ru/3T7tYv) Создать ментальную карту «Алгоритмы перевода между системами счисления» (сервис IOctopus) Заполнить Яндекс-таблицу «Сравнительная таблица позиционных систем» (https://disk.yandex.ru/i/UPnCUb3I9Zk0Vg)
Элементы математической логики	Разделившись на группы по 3-4 человека, представьте с помощью шаблона «Диаграмма Венна» Яндекс-досок диаграммы для основных логических функций (шаблон «Диаграмма Венна» Яндекс-досок) Составить схему с помощью шаблона «Диаграмма Исикавы» «Причины логических ошибок в условных операторах» (Яндекс-доски)
Моделирование как метод познания	Подобрать примеры моделей виртуальной реальности на совместной доске с их описанием (привести фото, указать разработчика) Создать схему «Виды информационных моделей» с примерами из физики, биологии и других предметов (IOctopus, шаблон «Дерево»)

Для активизации познавательной деятельности следует использовать активные и интерактивные методы обучения. На основе анализа Федеральной рабочей программы по информатике, публикаций по теме применения интерактивных методов обучения на уроках информатики и передового педагогического опыта учителей информатики нами сформулированы предложения по применению интерактивных методов при изучении раздела «Теоретические основы информатики». Например, в теме «Информация и информационные процессы» можно провести ролевую игру «Информационный квест: путешествие по процессам». Работа в командах. Каждой команде присваивается роль – один из информационных процессов: «Сборщики информации» ищут и собирают данные. «Хранители информации» отвечают за сохранение данных. «Обработчики информации» анализируют и преобразуют

данные. «Передачики информации» передают данные другим. «Защитники информации» обеспечивают безопасность данных. Примеры заданий:

- Для «Сборщиков информации»: найти в интернете 3 примера использования информации в разных сферах; собрать информацию о видах информации по способу восприятия и привести по 2 примера для каждого вида.

- Для «Хранителей информации»: придумать 3 способа хранения информации в древности и сейчас, сравнить их преимущества и недостатки.

- Для «Обработчиков информации»: расшифровать сообщение, закодированное с помощью азбуки Морзе или простого шифра; решить логическую задачу, связанную с преобразованием данных.

- Для «Передачиков информации»: передать закодированное сообщение (с помощью рисунков или символов) другой команде так, чтобы оно было правильно понято.

- Для «Защитников информации»: придумать правила безопасного поведения в сети Интернет.

- Результаты можно оформить в виде совместной презентации.

Познавательная деятельность, в ее подлинном смысле – когда обучающийся не просто слушает, а ищет, сомневается, проверяет гипотезы и открывает для себя закономерности – становится главным ресурсом качественного образования. Именно поэтому применение и использование возможностей предметной цифровой среды обучения информатике – насущная необходимость современного школьного образования.

Список литературы

1. Ахметова Г.Ю., Капинос Н.В. Активизация познавательной деятельности учащихся в условиях обновленного содержания образования // Вестник науки. 2021. Т. 2, № 5 (38). С. 12-16.

2. Босова Л.Л. О новых подходах к изучению школьной информатики в условиях цифровой трансформации общества // Информатика в школе. 2022. № 4. С. 5-14.

3. Ваганова О.И., Прохорова М.П. Активизация познавательной деятельности обучающихся средствами информационной образовательной среды // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7, № 1. С. 43-48.

4. Горностаева Т.Н., Горностаев Т.Н. Компьютерное моделирование в школьном и вузовском курсе информатики // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 1-13.

5. Гречкина М.А. Активизация познавательной деятельности учащихся посредством использования современных ИКТ-технологий на уроках информатики // Universum: психология и образование. 2021. № 10 (88). С. 7-9.

6. Круподерова Е.П., Круподёрова К.Р. Технологии цифрового образования. Н. Новгород: Мининский университет, 2022. 204 с.

7. Мохова Л.А., Итпекова Г.С. Обучение старшеклассников моделированию физических процессов в курсе информатики // МНКО. 2018. № 4 (71). С. 154-158.

8. Роберт И.В., Козлов О.А., Мухаметзянов И.Ш., Поляков В.П., Шихнабиева Т.Ш., Касторнова В.А. Актуализация содержания предметной области «Информатика» основной школы в условиях научно-технического прогресса периода цифровых технологий // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 3 (37). С. 58-72.

9. Сабойдалова М.А. Использование активных и интерактивных методов обучения на уроках «Информатики и ИКТ» // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2017. С. 120-124.

10. Стекольников Н.С., Штепа Ю.П. Развитие познавательного интереса школьников на уроках информатики с использованием интерактивных заданий // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2020. № 1. С. 124-131.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Гаврилов И.А., студент 3 курса
Факультет информационных технологий
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных сетей как современного инструмента популяризации науки среди молодежи в условиях цифровой трансформации общества. Рассматривается переход от традиционных форм научной коммуникации к интерактивным цифровым форматам, обусловленный изменением медиапотребления и когнитивных особенностей молодого поколения. Проанализированы наиболее востребованные платформы (ВКонтакте, Яндекс.Дзен) и форматы научного контента, включая видеоролики, карусели и сторис. Особое внимание уделяется специфике восприятия информации современной молодежью, характеризующейся клиповым мышлением, преобладанием визуального контента и ориентацией на горизонтальные коммуникации. Выявлены как преимущества социальных сетей в распространении научных знаний, так и риски, связанные с фрагментарностью восприятия, дезинформацией и снижением глубины усвоения материала.

Ключевые слова: популяризация науки, социальные сети, молодежь, цифровая среда, медиапотребление, научная коммуникация, клиповое мышление, визуальный контент, интерактивные форматы, медиаграмотность.

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR POPULARIZING SCIENCE AMONG YOUNG PEOPLE

Gavrilov I.A., 3rd year student
Department of Information technology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the study of social networks as a modern tool for popularizing science among young people in the context of digital transformation of society. The transition from traditional forms of scientific communication to interactive digital formats is considered, due to changes in media consumption and cognitive characteristics of the younger generation. The most popular platforms (VKontakte, Yandex.Zen) and formats of scientific content, including videos, carousels and stories, are analyzed. Special attention is paid to the specifics of information perception by modern youth, characterized by clip-based thinking, predominance of visual content and orientation towards horizontal communication. The advantages of social networks in the dissemination of scientific knowledge, as well as the risks associated with fragmented perception, misinformation and a decrease in the depth of assimilation of the material are revealed.

Keywords: popularization of science, social networks, youth, digital environment, media consumption, scientific communication, clip thinking, visual content, interactive formats, media literacy.

Цифровая трансформация коммуникационных практик существенно изменила способы распространения знаний, выдвинув социальные сети на ведущие позиции среди каналов взаимодействия с молодежной аудиторией. Если ранее популяризация науки преимущественно осуществлялась через традиционные формы – лекции, учебники и музейные экспозиции, то в настоящее время наблюдается их активная трансформация в цифровые и интерактивные форматы. Согласно исследованиям медиапотребления, лишь около трети молодых людей используют телевидение в качестве основного источника информации, в то время как более 60% отдают предпочтение интернету и социальным сетям [2]. Это свидетельствует о

качественном изменении информационной среды и требует адаптации научной коммуникации к новым условиям.

Современная молодёжь формирует свои когнитивные и поведенческие стратегии в рамках цифровой среды. Для нее характерны:

- Доминирование визуального восприятия.
- Клиповое мышление.
- Ориентация на горизонтальные коммуникации.

Таким образом, возникает противоречие: при высокой доступности информации уровень научной грамотности остается недостаточным. Это обуславливает необходимость поиска эффективных механизмов интеграции научного знания в повседневные цифровые практики молодёжи.

Социальные сети представляют собой сложную медиасреду, сочетающую возможности широкого распространения информации с алгоритмическим управлением пользовательским вниманием.

Вконтакте является одной из ключевых платформ среди молодежи благодаря высокой вовлеченности аудитории в возрасте 14-25 лет. Например, Яндекс.Дзен ориентирован на пользователей, заинтересованных в более глубоком и аналитическом контенте. С полным анализом социальных сетей можно ознакомиться в таблице 1 «Анализ социальных сетей».

Таблица 1 – Анализ социальных сетей

Название	Краткое описание
Вконтакте	«ВКонтакте» (VK) – это крупнейшая российская социальная сеть, которая позволяет пользователям общаться, обмениваться контентом (фото, видео, музыка), создавать и вступать в сообщества по интересам, а также играть в игры и пользоваться различными приложениями. Сеть предоставляет возможность создавать личные страницы, находить друзей и знакомых, а также предоставляет инструменты для бизнеса.
Яндекс.Дзен	Блог-платформа, которая принадлежит компании VK и предоставляет пользователям возможность создавать и просматривать контент: статьи, видео и посты

Алгоритмы рекомендаций играют важную роль в формировании информационного поля пользователей. Они создают эффект «фильтрующего пузыря», при котором пользователь преимущественно сталкивается с контентом, соответствующим его интересам. С одной стороны, это повышает релевантность информации, с другой ограничивает когнитивное разнообразие и снижает вероятность знакомства с научными материалами.

Кроме того, конкуренция научного контента с развлекательным приводит к снижению его видимости. Развлекательные форматы чаще получают приоритет в алгоритмах, что усложняет продвижение образовательных материалов.

Социальные сети предлагают пользователям разные форматы, каждый из которых по-своему уникален, с их описанием можно познакомиться в таблице 2.

Исследования показывают, что визуализированный контент запоминается значительно лучше текстового [5], что подтверждает необходимость активного использования визуальных инструментов в научной коммуникации.

Одной из ключевых характеристик современной молодежи является клиповое мышление – фрагментарное восприятие информации, сопровождающееся быстрым переключением внимания между различными источниками.

Таблица 2 – Анализ контента в социальных сетях

Контент	Описание
Короткие видеоролики (15-60 секунд)	Являются наиболее популярным форматом среди молодежи. Они соответствуют клиповому мышлению и помогают быстро понять основную идею. Их главные минусы заключаются в поверхностности восприятия и ограниченности, глубины объяснения
Длинные видео	Обеспечивают более глубокое погружение в тему, но требуют высокой концентрации внимания, что снижает их эффективность среди части аудитории
Карусели и инфографика	Позволяют структурировать сложную информацию, разбивая её на логические блоки. Такой формат способствует лучшему пониманию и запоминанию материала
Сторис	Создают эффект срочности и активно используются для интерактивного взаимодействия, однако плохо подходят для передачи фундаментальных знаний

Формирование данного типа мышления связано с постоянным взаимодействием с цифровыми устройствами и потоками информации. В результате:

- Снижается способность к длительной концентрации.
- Усложняется восприятие сложных научных концепций.
- Возрастает потребность в визуализации.

Дополнительным фактором является цифровая многозадачность. Одновременное использование нескольких источников информации создает иллюзию продуктивности, однако фактически снижает глубину усвоения материала.

Также важную роль играет ориентация на горизонтальные коммуникации. Молодёжь чаще всего доверяет блогерам и лидерам мнений, чем традиционным академическим источникам. По данным исследований, более 60% молодёжи ориентируются на блогеров при формировании мнения [4].

Несмотря на изменения в медиапотреблении, интерес к научному контенту среди молодёжи остается достаточно высоким. Видеоматериалы научной тематики демонстрируют высокие показатели вовлеченности. Однако выявляется ряд проблем:

- Фрагментарность знаний.
- Недостаточное понимание научной методологии.
- Сложности в интерпретации данных.

Кроме того, распространение дезинформации в социальных сетях создает риски формирования искаженного представления о науке. Пользователи могут доверять непроверенным источникам, особенно если информация подается в привлекательной форме. Дополнительным фактором является психологическое влияние социальных сетей:

- Рост тревожности из-за сравнения с другими.
- Цифровая перегрузка.
- Снижение когнитивной устойчивости.

Анализируя научный контент, публикующийся в Мининском университете, была выявлена эффективность комплексного подхода к популяризации науки. Используются следующие форматы:

- Видеопроекты и интервью с учеными.
- Научные квизы и интерактивные форматы.
- Научные слэмы.
- Конкурсы и образовательные мероприятия.

Особое значение имеет создание сообщества вокруг научного контента, что способствует устойчивому интересу аудитории. На примере интерактивных форматов для анализа

были выбраны мероприятия, проводимые Мининским университетом. С результатами и анализом можно познакомиться в таблице 3.

Таблица 3 – Анализ мероприятий Мининского университета

Направление решения	Конкретные мероприятия (форматы и примеры с сайта)	Целевая аудитория (ЦА) и охват	Цель и решаемая проблема
Создание актуального научно-популярного контента	Видеопроjekt «Разговоры о важном. Ученые»: цикл интервью с исследователями университета. Научно-популярные статьи и дайджесты в медиазоне и блоге университета	ЦА: Абитуриенты, студенты, широкая интернет-аудитория, интересующаяся наукой. Охват: Широкий, неограниченный географически (онлайн-формат)	Преодоление «скучного» формата через личные истории ученых, персонализация науки, ответ на вызов цифровой среды
Организация интерактивных форматов взаимодействия	«Неделя науки»: включает научные квесты, интеллектуальные игры (например, «Что? Где? Когда?»), мастер-классы и дискуссии. Конкурс «Научная журналистика» для студентов и школьников	ЦА: Студенты и школьники. Охват: Локальный (участники университета и партнерских школ), очные мероприятия	Превращение обучающихся из пассивных слушателей в активных участников, развитие диалога и мягких навыков через практику
Прямой диалог с учеными и популяризаторами	Научный слэм (Science Slam): соревнование ученых, которые представляют свои исследования в формате коротких увлекательных выступлений. Проект «Академическая среда»: регулярные встречи и открытые лекции с профессорами и приглашенными экспертами	ЦА: Студенты, молодые ученые, городская аудитория, интересующаяся наукой. Охват: Локальный (очные мероприятия в университете и городских пространствах)	Разрушение образа «неприступной» науки, формирование живого сообщества, мотивация к исследованиям через неформальное общение

Для эффективной популяризации науки необходимо учитывать следующие принципы:

- Адаптация формата, а не упрощение содержания. Информация должна сохранять научную достоверность, но подаваться в доступной форме.
- Использование визуализации. Инфографика, опросы и обсуждения вовлекают аудиторию.
- Интерактивность. Квизы, опросы и обсуждения вовлекают аудиторию.

- Развитие медиаграмотности. Важно формировать навыки критического мышления и проверки информации.
- Сотрудничество с блогерами и молодыми учёными. Это повышает доверие аудитории.

Социальные сети представляют собой эффективный, но противоречивый инструмент популяризации науки. Они обеспечивают широкий доступ к знаниям и создают новые формы научной коммуникации, однако одновременно способствуют поверхностному восприятию информации. Эффективность популяризации науки зависит не столько от присутствия в социальных сетях, сколько от качества контента и стратегии его подачи.

Список литературы

1. Аверина Е.В., Простякова В.А., Стыкалина О.С. Современные тенденции рекламного образования в США // Педагогический журнал. 2015. № 6. С. 125-146.
2. Богдановская И.М., Углова А.Б., Низомутдинов Б.А. и др. Современные практики медиапотребления у студенческой молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 2. С. 1-13.
3. Васильева О.В., Никитина Н.А., Павлов А.П. Социологический анализ информационного потребления молодежи красноярского края // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. № 4. С. 70-99.
4. Геворкян Е.Н., Вачкова С.Н., Шиян И.Б. и др. Популяризация науки в университетах: модель центра публичной науки // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 2. С. 17-29.

УДК 373.2

РАЗВИТИЕ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ: ОТ АНАЛИЗА ТЕОРИИ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Кузнецова Е.В., магистрант 1 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения игровой активности детей старшего дошкольного возраста. На основе анализа культурно-исторической теории Л.С. Выготского и концепции Д.Б. Эльконина раскрываются сущность проектирования игровой деятельности в условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта. Автором представлены результаты теоретического обоснования комплекса мероприятий по обогащению сюжетно-ролевых игр детей 5-7 лет, описаны критерии диагностики и методические рекомендации по созданию развивающей предметно-игровой среды и организации взаимодействия с семьей.

Ключевые слова: игровая деятельность, старший дошкольный возраст, проектирование, сюжетно-ролевая игра, предметно-игровая среда, педагогическое сопровождение.

DEVELOPMENT OF PLAY ACTIVITIES IN SENIOR PRESCHOOLERS: FROM THEORY ANALYSIS TO DESIGNING A DEVELOPMENTAL ENVIRONMENT

Kuznetsova E.V., 1st year Master's student
Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines the problem of declining play activity in older preschool children. Based on an analysis of L.S. Vygotsky's cultural-historical theory and D.B. Elkonin's concepts, the article reveals the essence of designing play activities within the context of implementing the Federal State Educational Standard. The author presents the results of a theoretical justification for a set

of activities to enrich role-playing games for children aged 5-7 years, and describes diagnostic criteria and methodological recommendations for creating a developmental play environment and organizing interactions with families.

Keywords: play activity, senior preschool age, FSES PE, design, role-playing game, subject-spatial environment, and pedagogical support.

Дошкольное детство – уникальный период расцвета воображения, становления личности и первых социальных навыков. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования (далее ФГОС ДО), игра рассматривается не как простое развлечение, а как «сквозной механизм развития ребенка» и ведущая форма организации детской жизни [6]. Именно в игре формируются произвольность поведения, творческие способности и готовность к школьному обучению.

Однако на практике педагоги и психологи фиксируют тревожную тенденцию: игра уходит из жизни современных дошкольников. Сюжеты становятся однообразными (в основном повторяют сценарии мультфильмов и компьютерных игр), ролевое взаимодействие – примитивным, а свободная игра вытесняется ранним обучением и увлечением гаджетами. Особенно остро эта проблема проявляется у детей 5-7 лет, когда сюжетно-ролевая игра должна достигать своего расцвета [10]. Возникает противоречие: стандарт требует развития игры, а реальная образовательная практика часто её подавляет жестким планированием и регламентацией.

Цель данной статьи – теоретически обосновать и предложить практический комплекс мер по проектированию игровой деятельности старших дошкольников, соответствующий современным требованиям ФГОС ДО.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что понимание природы игры прошло долгую эволюцию. Если зарубежные теории (К. Гросс, Ф. Шиллер) трактовали игру как упражнение или трату избыточной энергии, то отечественная школа (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) сделала акцент на её социальном происхождении. Так, Л.С. Выготский утверждал, что игра создает «зону ближайшего развития» [4]. Д.Б. Эльконин доказал, что игра возникает из желания ребенка участвовать в жизни взрослых, которое невозможно реализовать напрямую. В сюжетно-ролевой игре дети моделируют не предметные действия, а отношения между людьми [10].

В старшем дошкольном возрасте (5-7 лет) содержание игры качественно меняется:

1. Сюжеты становятся развернутыми и комбинированными (например, «космическое путешествие со спасением животных»).
2. Роли распределяются до начала игры («сговор на игру»), появляются роли второго плана.
3. Взаимодействие смещается от манипуляции предметами/игрушками к передаче чувств и поступков героев [1].

Однако эти возрастные возможности реализуются только при определенных педагогических условиях. Н.А. Короткова и Н.Я. Михайленко предложили модель руководства игрой, которая включает обогащение опыта детей, совместные обучающие игры и своевременное изменение среды [7]. Традиционное «руководство игрой» с жестким распределением ролей и тем уступает место понятию «проектирование». В контексте ФГОС ДО проектировать – значит создавать условия для самостоятельного возникновения и развития игры по инициативе детей [6].

Нами был разработан проект «Мир игры: от замысла к воплощению», который включает три этапа: диагностический, основной и заключительный. В основе проекта лежат четыре взаимосвязанных направления, представленных в таблице 1.

Особо подчеркнем требования к предметно-пространственной среде. Исследования Е.О. Смирновой и С.Л. Новоселовой показывают, что переизбыток реалистичных игрушек с фиксированной функцией тормозит развитие фантазии [5; 7; 8]. Вместо готовой «кухни» или

«кассы» ребенку нужны полифункциональные предметы: коробки, палочки, лоскуты ткани, природный материал. Именно они позволяют ребенку быть творцом игрового пространства.

Таблица 1 – Направления работы по проектированию игровой деятельности детей

Направление	Содержание работы	Ожидаемый результат
Гибкое планирование	Отказ от расписания игр, планирование ситуаций обогащения (экскурсии, чтение, беседы)	Актуализация новых сюжетов («МЧС», «Озон», «Кафе», «Космос»)
Обогащение сюжетов	Метод проблемных ситуаций («пароход дал течь»), создание книг-самodelок, введение предметов-заместителей	Развитие воображения, комбинирование событий
Развивающая среда	Использование ширм, модулей, ткани, бросового материала вместо жестких зон «Магазин» или «Больница»	Трансформируемость пространства, гибкость замысла
Взаимодействие с родителями	Совместное изготовление атрибутов, игротеки, консультации «Игра – не забава»	Понимание ценности игры, перенос опыта в семью

Для эффективной работы необходима диагностика. Мы выделили шесть критериев уровня развития игры (на основе разработок Д.Б. Эльконина и Р.И. Жуковской): наличие замысла, разнообразие сюжетов, ролевое поведение, игровые действия, взаимодействие и использование атрибутов. Наблюдение за свободной игрой – основной метод – показывает, что у большинства детей с преобладанием гаджетов в досуге наблюдается «средний» или «низкий» уровень по критерию «использование предметов-заместителей» и «разнообразие сюжетов». В качестве примера приведем фрагмент комплекса мероприятий на октябрь (тема «Кто нас лечит»):

- Обогащение опыта: экскурсия в медицинский кабинет детского сада, чтение сказки «Доктор Айболита» К. Чуковского.
- Внесение атрибутов: «чехол для врача» из пустых флаконов, палочек, ваты.
- Игровая проблемная ситуация: «В зоопарке заболели животные, а ветеринарная лечебница закрыта. Что делать?».
- Включение педагога: в роли «капризного пациента» или «регистратора» для стимуляции ролевого диалога.
- Обобщая теоретические и практические выводы, сформулируем ключевые рекомендации для воспитателей и родителей:
 - Наблюдайте прежде, чем вмешиваться. Вмешательство возможно только как партнерство («Можно, я буду пассажиром?»), а не как директива [7].
 - Обогащайте реальный опыт. Без впечатлений (экскурсии, чтение, беседы о профессиях) игра становится штампом.
 - Меняйте среду. Уберите на неделю «готовые» атрибуты, оставив только коробки и ткани. Дети вынуждены будут дорисовывать воображением недостающее.
 - Работайте с семьей. Родители должны понять: лучшая игрушка – это не робот на батарейках, а набор для творчества и возможность поиграть вместе.

Для родителей важно: ограничить время за экраном, играть с ребенком в «семью» или «стройку», обсуждать сюжеты, посещать музеи и театры, читать детские рассказы. Как писал А.С. Макаренко, «игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба» [10].

Проведенное исследование подтвердило гипотезу: проектирование игровой деятельности детей 5-7 лет будет эффективным, если оно основано на учете возрастных особенностей.

стей, предполагает систематическое обогащение сюжетов, создание трансформируемой предметно-пространственной среды и активное взаимодействие с родителями.

Игра не является «антонимом» учебы. Напротив, именно через игру у старшего дошкольника формируются воображение, произвольность и навыки общения – те качества, которые составляют основу успешного школьного обучения. Задача современного воспитателя – не учить играть по инструкции, а стать чутким архитектором игрового пространства, где каждый ребенок сможет проявить свою инициативу.

Без возвращения игре её законного статуса в детском саду и дома все разговоры о личностно-ориентированном образовании останутся лишь декларацией. Как точно заметил Й. Хейзинга, «игра старше культуры» [9]. И наша задача – не дать культуре потерять эту основу.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба? М.: Даниловский благовестник, 2019. 240 с.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62-76.
3. Короткова Н.А., Михайленко Н.Я. Организация сюжетной игры в детском саду. М.: Линка-Пресс, 2017. 96 с.
4. Макаренко А.С. Игра // Сочинения: в 7 т. Т. 4. М.: АПН РСФСР, 1951. С. 373-384.
5. Новоселова С.Л. Развивающая предметно-игровая среда детства // Дошкольное воспитание. 2018. № 4. С. 27-33.
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». Режим доступа: КонсультантПлюс.
7. Смирнова Е.О. Детская психология. М.: Владос, 2019. 366 с.
8. Ханова Т.Г., Карамирзаева А.М. Формирование профессионально-игровой компетентности педагога дошкольного образования // Мир педагогики и психологии. 2022. № 12(77). С. 38-43.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 400 с.
10. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.

УДК 373.2

БЕСШОВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕМЬИ И ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Лезина Н.М., магистрант 1 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и значение бесшовного подхода в организации взаимодействия современной дошкольной образовательной организации и семьи воспитанников для формирования единого образовательного пространства в целях развития гармоничной личности ребенка. Автором выделены основные условия реализации бесшовной коммуникации во взаимодействии семьи и дошкольной организации. Подчеркивается, что в условиях сотрудничества родители и педагоги становятся равноправными партнерами, разделяющими как воспитательные задачи, так и ответственность за полноценное развитие личности.

Ключевые слова: единое образовательное пространство, бесшовное взаимодействие, дошкольная образовательная организация, семья, взаимодействие семьи и дошкольной организации, открытость.

SEAMLESS COMMUNICATION AS A CONDITION FOR CREATING A UNIFIED EDUCATIONAL SPACE BETWEEN FAMILY AND PRESCHOOL

Lezina N.M., 1st year Master's student
Department Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines the essence and significance of a seamless approach to organizing interactions between a modern preschool educational institution and its students' families to create a unified educational space for the development of a child's harmonious personality. The author identifies the key conditions for implementing seamless communication in the interactions between family and preschool. It is emphasized that in this collaborative environment, parents and teachers become equal partners, sharing both educational goals and responsibility for the full development of the individual.

Keywords: unified educational space, seamless interaction, preschool educational institution, family, interaction between family and preschool, openness.

Взаимодействие семьи и дошкольной образовательной организации (далее ДОО) приобретает все большее значение в условиях быстроменяющегося современного мира. Цифровизация, глобализация, необходимость постоянного расширения и обновления знаний требуют от системы образования гибкости и эффективности, формирования у детей готовности к непрерывному обучению, умения быстро адаптироваться к изменениям и вызовам времени, психологической устойчивости и уверенности в собственных силах. Поэтому важными характеристиками современного единого образовательного пространства являются плавный переход от одной ступени образования к другой, развитие сквозных компетенций, персонализация образовательных маршрутов, интеграция цифровых технологий на всех этапах.

Формирование единого образовательного пространства – задача и ответственность не только образовательной организации, но и семьи, родителей. Качество и эффективность взаимодействия современных педагогов и родителей будет напрямую влиять на результаты развития, обучения и воспитания нового поколения детей. Суть концепции единого образовательного пространства в переходе от модели, при которой ответственность за обучение и воспитание лежит только на образовательной организации, к модели совместной ответственности и сотрудничества семьи и образовательной организации.

Бесшовная коммуникация – один из ключевых подходов в формировании единого образовательного пространства. Само понятие бесшовной коммуникации или взаимодействия пришло в разные сферы жизни современного человека из бизнеса, а в последнее время закрепились и в образовании [3].

Какими характеристиками можно описать такой подход в коммуникации? Во-первых, непрерывное и открытое взаимодействие родителей со всеми участниками образовательного и воспитательного процессов в ДОО с использованием различных каналов коммуникаций, в том числе, и цифровых. Во-вторых, общение участников образовательного и воспитательного процесса в формате конструктивного диалога, взаимного доверия и уважения. В-третьих, единство воспитательных подходов, целей, методов и ценностей воспитания в семье и дошкольной организации. В-четвертых, внимание образовательной организации к индивидуальным особенностям, характеристикам, запросам семьи. В-пятых, преемственность, подразумевающая обмен опытом, методиками, информацией между педагогами и родителями на всех ступенях образования. Бесшовная коммуникация будет исключать любые разрывы, недопонимание, отсутствие информированности и открытости, а также формальный подход к взаимодействию с родителями.

Одним из ключевых факторов, определяющих успешность развития и социализации ребенка, является взаимодействие семьи с дошкольной организацией. Семья и детский сад – не конкурирующие, а взаимодополняющие и усиливающие друг друга институты в жизни

ребенка, выполняющие свои уникальные функции и задачи по развитию, обучению и воспитанию детей.

Семья – первый и самый важный институт социализации ребенка. Она обеспечивает базовую потребность ребенка в безопасности и защищенности, эмоциональный и физический комфорт, формирует ценности и нравственные ориентиры, отношение к окружающему миру и жизни, передает традиции, культуру, закладывает основы личности и оказывает поддержку на всех этапах становления личности ребенка, помогает приобрести первый социальный опыт.

Дошкольная образовательная организация развивает самостоятельность, коммуникативные навыки, познавательную активность ребенка, влияет на его физическое, интеллектуальное, эмоционально-волевое развитие, расширяет его социальные контакты и круг общения. Педагоги помогают личности ребенка раскрывать свой потенциал, поддерживают заложенный в нем самой природой интерес к познанию мира, формируют мотивацию к учебной деятельности, помогают адаптироваться и социализироваться в условиях детского коллектива.

Согласованность и единство воспитательных целей и подходов родителей и педагогов формируют для ребенка точные ценностные ориентиры и базовое доверие к миру, исключают появление внутреннего напряжения или конфликтности в поведении ребенка. Совместные и согласованные усилия взрослых в направлении развития и воспитания помогают более полно раскрывать потенциал личности ребенка, его способности и возможности во всех направлениях: интеллектуальном, физическом, творческом, эмоциональном [4]. При этом семья в полной мере может обеспечить эмоциональный комфорт и поддержку, а образовательная организация педагогическое и психологическое сопровождение. Атмосфера, в которой растет и развивается ребенок при бесшовной коммуникации, комфортная для детской психики, мотивирующая для познавательного развития, позитивная для общения с ровесниками и другими взрослыми. Бесшовная коммуникация формирует партнерские взаимоотношения и доверие между семьей и ДОО. Регулярный и конструктивный диалог и обмен информацией родителей и педагогов способствуют совместному решению задач, трудностей и проблем, возникающих в процессе обучения и воспитания детей. Родители активно включаются в воспитательную деятельность, меняя роль пассивного наблюдателя на активного участника. Благодаря постоянному обмену информацией педагогами формируются оптимальные образовательные маршруты для каждого ребенка, учитывающие индивидуальные особенности детей, семейной системы и среды. А родители могут получить адресные и персонализированные советы и рекомендации педагогов по семейному воспитанию. Таким образом, любые возникающие трудности и проблемы в воспитании и обучении будут решаться оперативно, своевременно совместными и со-направленными усилиями и действиями семьи и образовательной организации.

Открытая коммуникация помогает быстро выявлять причины трудностей и отклонений в поведении, здоровье или обучении ребенка, не допуская осложнений, находить пути и средства решения проблем.

Для формирования бесшовной коммуникации с семьей сама система образования также должна обеспечивать бесшовность на всех этапах и ступенях образования, поэтому важными компонентами образовательно-воспитательного процесса, обеспечивающими возможность бесшовной коммуникации, в образовательных организациях будут:

- преемственность образовательных программ в соответствии с возрастом,
- включенность всех специалистов на всех ступенях образования в формирование персонального образовательного маршрута каждого ребенка,
- использование всех каналов связи с семьей и родителями в формате открытого конструктивного диалога,
- родительское просвещение для формирования педагогической и психологической грамотности родителей и осознанного у них отношения к родительству [2].

Бесшовная коммуникация – подход во взаимодействии, при котором семья и образовательная организация становятся полноправными и ответственными партнерами, единой целью взаимодействия которых становится воспитание гармонично развитой личности ребенка. В отличие от традиционного взаимодействия такой подход будет строиться на постоянном диалоге, совместном принятии решений, использовании всех возможных инструментов коммуникации, в том числе и цифровых, повышении профессиональных и универсальных компетенций педагогов и родительских компетенций и знаний в сфере развития и воспитания детей.

Для обеспечения бесшовной коммуникации ДОО и семьи для формирования единого образовательного пространства будут характерны и обязательны:

- системность и регулярность общения, подразумевающие постоянное и периодичное взаимодействие, а также краткосрочное и долгосрочное планирование коммуникаций;
- открытость и неформальность общения в режиме реального времени и с использованием цифровых средств коммуникации;
- совместную инициативу и включенность педагогов и родителей в образовательный и воспитательный процессы;
- использование современных инструментов коммуникации, обмена информацией и обучения, таких как мессенджеры, онлайн-чаты, цифровые портфолио, онлайн платформы, а также интерактивных форм работы – совместные проекты, открытые занятия и события, конкурсы, дискуссии, экскурсии и др.;
- ориентация в коммуникациях родителей и педагогов на совместное решение педагогических задач, обмен опытом и информацией, взаимную поддержку и поиск совместных оптимальных решений;
- вовлеченность родителей как полноправных партнеров образовательной организации в планирование и реализацию образовательных, воспитательных, развивающих проектов и событий;
- своевременная и двусторонняя обратная связь в формате конструктивного диалога и совместного обсуждения;
- единство целей в формировании единого образовательного пространства для каждого ребенка и развитии партнерства участников образовательного и воспитательного процессов;
- всесторонняя поддержка ДОО семьи в вопросах обучения и воспитания детей.

Бесшовная коммуникация позволяет родителям всегда быть в курсе событий ДОО и своего ребенка и своевременно реагировать на них, а педагогам знать и учитывать в педагогической деятельности и общении с родителями особенности семейной системы и среды. Объединяя свои усилия для создания благоприятных условий развития и воспитания личности ребенка, родители и педагоги становятся равноправными партнерами, разделяющими как воспитательные задачи, так и ответственность [1]. Бесшовная коммуникация во взаимодействии семьи и ДОО исключает потери информации и недопонимание, разрушает барьеры и препятствия в общении и совместной деятельности, снимает напряжение и конфликтность, повышает доверие и открытость участников образовательного и воспитательного процессов.

Итак, бесшовная коммуникация дошкольной образовательной организации и семьи – важное условие формирования единого образовательного пространства, в условиях которого возможно всестороннее гармоничное развитие личности ребенка, формирование у него чувства защищенности, уверенности в своих силах и стремления к познанию мира, а значит и залог его успешного будущего.

Список литературы

1. Арнаутова Е.П. Педагог и семья: 3-7 лет. М.: Карапуз, 2001. 264 с.
2. Журавлева В.В., Чуприна А.А., Тоторкулова М.А. Педагогическое сопровождение эффективного сотрудничества и партнерства ДОО с семьями воспитанников // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-soprovozhdenie-effektivnogo-sotrudnichestva-i-partnerstva-doo-s-semyami-vospitannikov> (дата обращения: 28.05.2026).

3. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь. М., 2005. 94 с.

4. Ханова Т.Г., Цветкова Н.В., Кокурина Ю.С. Необходимость взаимодействия педагогов дошкольной организации с семьями воспитанников // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1.

УДК 376.37

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИГРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДЕТСКОГО САДА

Кузнецова Т.А., магистрант 2 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме повышения профессиональной компетентности воспитателей дошкольных образовательных организаций в вопросах применения игры в образовательном процессе. В условиях реализации Федерального образовательного стандарта дошкольного образования и Федеральной образовательной программы дошкольного образования игра рассматривается как ведущий вид деятельности и центральный инструмент развития личности дошкольника. Однако практика показывает, что многие воспитатели испытывают трудности в организации и педагогическом сопровождении детской игры, что актуализирует проблему целенаправленного повышения их профессиональной компетентности в данной области. Целью исследования является изучение особенностей повышения профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры в образовательном процессе детского сада. Профессиональная компетентность воспитателя рассмотрена как интегративная характеристика, включающая мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и личностно-профессиональный компоненты.

Ключевые слова: профессиональная компетентность воспитателей ДОО, игра, игровые технологии, повышение квалификации, методическая работа, семинар-практикум, мастер-класс.

ENHANCEMENT OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF TEACHERS IN THE USE OF GAMES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF KINDERGARTENS

Kuznetsova T.A., 2nd year Master's student,
Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines the pressing issue of enhancing the professional competence of preschool teachers in the application of play in the educational process. Within the context of the implementation of the Federal Educational Standard for Preschool Education and the Federal Educational Program for Preschool Education, play is considered a key activity and a central tool for preschooler development. However, experience shows that many teachers experience difficulties in organizing and providing pedagogical support for children's play, which highlights the need to purposefully enhance their professional competence in this area. The aim of this study is to examine the specifics of enhancing teachers' professional competence in the application of play in the educational process in kindergartens. A teacher's professional competence is considered as an integrative characteristic, including motivational-value, cognitive, activity-based, and personal-professional components.

Keywords: professional competence of preschool teachers, play, gaming technologies, professional development, methodological work, workshop, master class, Federal State Educational Standard for Preschool Education, Federal Educational Program for Preschool Education.

В условиях модернизации российского дошкольного образования, реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО) и Федеральной образовательной программы дошкольного образования (ФОП ДО) требования к профессиональному уровню педагога существенно возрастают. Игра занимает «центральное место в жизни ребенка» (ФОП ДО), выступая не просто развлечением, а ведущим видом деятельности и ключевым инструментом развития всех сфер личности дошкольника: когнитивной, эмоциональной, социальной и физической. Именно в игре закладываются основы личности, развиваются психические процессы, формируются навыки кооперации. Однако исследования показывают, что многие педагоги, независимо от стажа, испытывают трудности в организации и руководстве детской игрой из-за недостаточного владения современными игровыми методиками, разрыва между теорией и практикой, слабого развития рефлексивного компонента. Проблема формирования готовности воспитателей к грамотной организации детской игры остается особенно актуальной, поскольку именно эта готовность выступает важнейшим условием полноценного развертывания игры как ведущей деятельности дошкольников. В связи с этим повышение профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры в образовательном процессе имеет существенное значение для обеспечения высокого качества дошкольного образования.

Целью исследования явилось изучение особенностей повышения профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры в образовательном процессе детского сада.

Профессиональная компетентность педагога рассматривается как интегративная характеристика, определяющая способность эффективно решать профессиональные задачи. В структуре профессиональной компетентности воспитателей выделены четыре ключевых компонента: мотивационно-ценностный (ценностные установки на реализацию ФГОС ДО и понимание задач поддержки игры), когнитивный (знания закономерностей развития игры и возрастных особенностей детей), деятельностный (умение создавать условия для развития игры и использовать игровые технологии), личностно-профессиональный (способность к самоанализу и рефлексии игровой деятельности).

Исследование проводилось на базах дошкольных учреждений города Володарска Нижегородской области: МБДОУ «Детский сад № 9» и МБДОУ «Детский сад № 10». В эксперименте принимали участие 20 воспитателей, которые были распределены на экспериментальную группу (10 человек) и контрольную группу (10 человек). Качественный анализ состава групп по образованию, квалификационной категории, стажу и возрасту показал, что группы являются примерно равноценными.

Исследование состояло из трех этапов:

- Констатирующий эксперимент, целью которого было исследование исходного уровня профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры. Использовались методики О.В. Лещинской-Гуровой, включающие: беседу для оценки мотивационно-ценностного компонента (15 вопросов), анкету-тест для оценки когнитивного компонента (15 вопросов, максимальный балл 30), карту наблюдения для оценки деятельностного компонента (18 показателей), задания на самоанализ для оценки личностно-профессионального компонента.

- Формирующий эксперимент, в ходе которого с педагогами экспериментальной группы была реализована разработанная система методической работы.

Система работы включала три этапа:

- Теоретический этап: дискуссия «Игра – не развлечение, а обучение: как вернуть игру в образовательный процесс ДОО», семинары-практикумы «Игра как ведущий инструмент образовательного процесса в условиях ФГОС ДО», «Дидактическая игра как эффектив-

ный инструмент реализации ФОП ДО: от теории к практике», «Интерактивная игра как современный инструмент развития дошкольника: играем, познаем, взаимодействуем».

– Методический этап: тренинг «Игра – дело серьезное: современные подходы к организации игровой деятельности в ДОУ», мастер-классы «Дидактическая игра как эффективный инструмент реализации ФГОС ДО», «Волшебный экран: применение интерактивных игр в образовательном процессе детского сада».

– Практический этап: посещение открытых мероприятий с последующим коллективным анализом, направленным на закрепление полученных знаний и умений.

– Контрольный эксперимент, целью которого было выявление динамики уровня профессиональной компетентности воспитателей после проведения формирующих мероприятий. Повторная диагностика проводилась по тем же методикам, что и на констатирующем этапе.

Результаты констатирующего эксперимента показали, что исходный уровень профессиональной компетентности в вопросах применения игры в обеих группах был примерно одинаковым и характеризовался как невысокий. В экспериментальной группе высокий уровень (компоненты «выражен») был выявлен только у 1 человека (10%), средний уровень («слабо выражен») – у 5 человек (50%), низкий уровень («не выражен») – у 4 человек (40%). В контрольной группе показатели были незначительно выше: высокий уровень – у 2 человек (20%), средний – у 5 человек (50%), низкий – у 3 человек (30%). Педагоги с низким уровнем недооценивали значение игры, затруднялись определить задачи педагога в организации игровой деятельности, не связывали игру с требованиями ФГОС ДО, а на практике либо игнорировали игровую деятельность, либо действовали противоположным образом (например, запрещали трогать игрушки вместо обновления среды).

В ходе формирующего эксперимента была разработана и апробирована система методической работы, направленной на повышение профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры в образовательном процессе детского сада.

1. Разработанная система методической работы носит целостный характер и логически выстроена в соответствии с классической трехэтапной моделью повышения квалификации (теоретический, методический, практический этапы). Такая последовательность позволила перейти от формирования мотивации и первичных знаний к отработке конкретных умений, а затем – к закреплению навыков в реальной педагогической практике.

2. На теоретическом этапе с помощью активных форм взаимодействия (проблемная дискуссия «Игра – не развлечение», семинары-практикумы) удалось преодолеть формальный подход воспитателей к игре. Произошел переход от восприятия игры как второстепенного элемента или жестко регламентированного занятия к пониманию игры как самоценной, ведущей деятельности и приоритетной формы организации образовательного процесса. Участники пришли к выводу о необходимости баланса между свободной детской инициативой и обучающим воздействием взрослого (позиция «играющего партнера»).

3. Освоение современного методического инструментария. На методическом этапе (тренинг, мастер-классы) воспитатели не просто расширили свои знания о классификации игр, но и овладели прикладными навыками: научились трансформировать традиционные дидактические игры в интерактивные и полифункциональные, используя методические конструкторы и техники (например, «Пазл», «Карусель»); освоили алгоритмы безопасного и педагогически оправданного включения цифровых технологий (интерактивных досок) в образовательный процесс, что позволило преодолеть барьер «боязни техники» и сместить фокус с технической стороны на методическую ценность цифровых ресурсов.

4. Применение активных и тренинговых форматов (решение педагогических кейсов, проигрывание этюдов «в роли ребенка», оживление бросового материала) обеспечило смещение с пассивного восприятия теории на деятельностное освоение материала. Реализация практического этапа через систему открытых просмотров и коллективного анализа позволила перевести полученные знания в плоскость реального взаимодействия с детьми и провести своевременную рефлексию профессиональных действий.

5. Апробация системы подтвердила ее эффективность в решении задач по формированию всех компонентов профессиональной компетентности воспитателей: мотивационно-ценностного (осознание приоритета игры), когнитивного (усвоение теории и принципов организации игр) и деятельностного (овладение вариативными приемами организации, сопровождения и анализа игры). Итогом работы стало создание банка методических материалов (памятки, чек-листы, сценарии), готовых к применению в работе с субъектами образовательного процесса.

Результаты контрольного эксперимента выявили существенные различия между группами. В экспериментальной группе выявлена значительная положительная динамика: количество педагогов с высоким уровнем профессиональной компетентности увеличилось до 4 человек (40%), со средним уровнем – до 6 человек (60%), а педагоги с низким уровнем отсутствовали полностью (0%). В контрольной группе значимых изменений не произошло: высокий уровень остался у 2 человек (20%), средний уровень – у 6 человек (60%), низкий уровень – у 2 человек (20%).

Сравнительный анализ уровня развития профессиональной компетентности на этапах констатирующего и контрольного экспериментов в экспериментальной группе показал устойчивую положительную динамику по всем четырем компонентам: мотивационно-ценностному, когнитивному, деятельностному и личностно-профессиональному (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительные обобщенные результаты уровня профессиональной компетентности воспитателей (констатирующий и контрольный эксперименты)

Уровень	Экспериментальная группа (констат.)	Экспериментальная группа (контр.)	Контрольная группа (кон-стат.)	Контрольная группа (контр.)
Высокий	1 чел. (10%)	4 чел. (40%)	2 чел. (20%)	2 чел. (20%)
Средний	5 чел. (50%)	6 чел. (60%)	5 чел. (50%)	6 чел. (60%)
Низкий	4 чел. (40%)	0 чел. (0%)	3 чел. (30%)	2 чел. (20%)

Наиболее значительный прогресс был отмечен в развитии мотивационно-ценностного и личностно-профессионального компонентов. Педагоги экспериментальной группы стали осознанно относиться к ценности игры, демонстрировать заинтересованность в развитии игровой деятельности детей, активно применять игровые технологии на практике, а также проявлять способность к самоанализу и рефлексии собственной профессиональной деятельности. Они отмечали, что разработанные в ходе семинаров и мастер-классов конспекты и памятки («10 заповедей играющего педагога», чек-листы интерактивной игры) стали их настольными методическими материалами.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило сделать следующие выводы:

Профессиональная компетентность воспитателей в вопросах применения игры требует целенаправленного и систематического развития, поскольку исходный уровень компетентности у значительной части педагогов характеризуется как средний и низкий. Педагоги испытывают трудности в понимании ценности игры как ведущей деятельности, недостаточно владеют теоретическими знаниями об игровых технологиях и не в полной мере умеют применять их на практике.

Разработанная и апробированная система методической работы, включающая три последовательных этапа (теоретический, методический и практический) и охватывающая все компоненты образовательного процесса (занятия, совместную деятельность, самостоятельную деятельность детей), является высокоэффективной. Использование активных форм обучения (дискуссии, семинары-практикумы, тренинги, мастер-классы) способствует формированию мотивационно-ценностного отношения к игре, углублению профессиональных знаний и совершенствованию практических умений педагогов.

Результаты контрольного эксперимента свидетельствуют о значительной положительной динамике в экспериментальной группе по сравнению с контрольной; это доказывает, что выстроенная система методической работы, нацеленная на развитие применения игры и охватывающая все компоненты образовательного процесса, обеспечивает эффективное развитие профессиональной компетентности воспитателей.

Таким образом, систематическое и целенаправленное использование разработанной системы методической работы в ДОО способствует значительному повышению профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры, что является важнейшим условием полноценного развития личности ребенка-дошкольника, успешной социализации и подготовки к школьному обучению. Представленная в исследовании система методических мероприятий (дискуссии, семинары-практикумы, тренинги, мастер-классы) с подробными конспектами и раздаточными материалами может быть рекомендована к использованию в практике работы старших воспитателей, методистов и руководителей дошкольных образовательных учреждений для организации внутрикорпоративного повышения квалификации педагогических кадров.

Список литературы

1. Афонькина Ю.А. Мониторинг профессиональной деятельности педагога ДОУ: диагностический журнал. М.: Учитель, 2013. 78 с.
2. Белая К.Ю. Методическая работа в ДОУ: анализ, планирование, формы и методы. М.: Перспектива, 2010. 290 с.
3. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4.
4. Игра дошкольника / Л.А. Абрамян, Т.В. Антонова, Л.В. Артемова и др.; под ред. С.Л. Новоселовой. М.: Просвещение, 2009. 286 с.
5. Смирнова Е.О. Современный дошкольник: особенности игровой деятельности // Дошкольное воспитание. 2002. № 4. С.70-74.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/7dcd2fd1d14f608ec97e9ef6699f99ae/> (дата обращения: 28.05.2026).
7. ФОП ДО (Приказ Министерства просвещения РФ от 25 ноября 2022 г. № 1028). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/0e6ad380fc69dd72b6065672830540ac/> (дата обращения: 28.05.2026).
8. Эльконин Д.Б. Игра, ее место и роль в жизни и развитии детей // Дошкольное воспитание. 1976. № 5. С. 8-13.

УДК 377.112.4

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Кудинова Е.И., магистрант 2 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Панкратова А.С., студент 4 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессиональной компетентности педагога дошкольного образования как ключевого условия формирования у детей целостной естественно-научной картины мира. На основе теоретического анализа обоснована структура го-

товности педагога (когнитивный, операционально-деятельностный, рефлексивный компоненты) и ее специфика в контексте организации исследовательской деятельности дошкольников. Раскрываются основные профессиональные дефициты педагогов (неуверенность в естественно-научных знаниях, неумение проектировать исследовательские ситуации), предлагаются направления и способы их преодоления через практико-ориентированные технологии повышения квалификации.

Ключевые слова: компетентность педагога, естественно-научная грамотность, естественно-научная картина мира, исследовательская деятельность, готовность к проектированию, дошкольное образование.

TEACHER COMPETENCE AS A SYSTEM-FORMING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A NATURAL-SCIENCE WORLDVIEW IN PRESCHOOL CHILDREN

Kudinova E.I., 2nd year Master's student

Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Pankratova A.S., 4th year student

Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines the issue of preschool teacher professional competence as a key condition for developing a holistic scientific worldview in children. Based on theoretical analysis, the structure of teacher readiness (cognitive, operational-activity, and reflective components) and its specificity in the context of organizing preschool children's research activities are substantiated. The article explores the key professional deficiencies of teachers (lack of confidence in scientific knowledge, inability to design research situations), and proposes areas and methods for overcoming them through practice-oriented professional development technologies.

Keywords: teacher competence, scientific literacy, scientific worldview, research activities, readiness for design, and preschool education.

Современный этап развития дошкольного образования, регламентируемый Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС ДО) и Федеральной образовательной программой дошкольного образования (ФОП ДО), ставит во главу задачу познавательного развития детей [6]. Одним из важнейших результатов этого развития является формирование у дошкольников предпосылок целостной естественно-научной картины мира. Однако, как показывает анализ педагогической практики и научных исследований (Н.Н. Поддьяков, А.И. Савенков, О.В. Дыбина, др.), успешность решения этой задачи напрямую зависит не только от наличия готовых методик, сколько от личности педагога, уровня его профессиональной готовности к организации познавательно-исследовательской деятельности детей [3].

В.А. Хуторской подчеркивает, что методологическая культура и профессиональные компетенции учителя-инноватора являются определяющим фактором успешности внедрения новых образовательных подходов [7].

Педагог выступает не транслятором знаний, а «проводником» и «со-исследователем». Возникает противоречие между высокими требованиями к развитию познавательной активности детей и реальным уровнем подготовленности педагогов к проектированию и реализации исследовательской деятельности, направленной на формирование естественно-научной грамотности.

Цель статьи – на основе теоретического анализа обосновать структуру компетентности педагога как необходимого условия формирования у детей естественно-научной картины мира.

Анализ требований ФГОС ДО и Профессионального стандарта «Педагог» позволяет выделить, что современный педагог ДОО должен обладать не просто разрозненными знаниями, а сложной системой компетенций [4; 5; 6]. В исследованиях А.В. Хуторского, посвященных методологии проектирования инновационного обучения, обосновывается, что профессиональная компетентность педагога включает не только владение содержанием, но и способность к инновационной деятельности, методологическую культуру и рефлексивную позицию [7, с 45-62].

Применительно к формированию естественно-научной грамотности детей, готовность педагога представляет собой интегративное личностное образование, включающее три ключевых компонента:

1. Когнитивный компонент, куда входит понимание сущности и специфики естественно-научной грамотности дошкольника. Важно, что это не усвоение системы научных фактов, а комплекс предпосылок научного мышления (наблюдение, сравнение, эксперимент), способность к простейшим объяснениям. Педагог должен четко различать «донаучный» характер знаний дошкольника и не требовать от него точных академических формулировок.

2. Операционально-деятельностный компонент, который включает в себя владение технологиями организации познавательно-исследовательской деятельности. Как отмечают О.В. Дыбина, Н.П. Рахманова и В.В. Щетинина, исследовательская деятельность является наиболее адекватным средством формирования представлений о физических явлениях (свет, звук, магнетизм, свойства веществ) [1, с.5-12]. Компетентность педагога выражается в следующих умениях: проектировать проблемные ситуации, побуждающие детей к выдвижению гипотез, подбирать безопасное и вариативное оборудование для экспериментов (лупы, магниты, весы, природные материалы), использовать метод фиксации результатов (рабочие листы, схемы и дневники наблюдений), интегрировать исследовательскую деятельность в игру и режимные моменты.

3. Рефлексивный компонент, включающий способность к анализу собственной деятельности. Это умение педагога критически оценить, насколько удачно спроектирован опыт, почему дети проявили/не проявили интерес, как скорректировать свои действия. Рефлексия позволяет преодолеть формализм в проектировании и выстроить индивидуализированную траекторию познания для каждого ребенка.

Несмотря на декларируемую важность проблемы, в реальной педагогической практике выявляется ряд устойчивых трудностей в подготовке педагогов к данной работе.

Первая группа трудностей связана с методологической и содержательной подготовкой. Педагоги часто испытывают «естественно-научную тревожность» – неуверенность в собственных знаниях физики, химии и биологии на уровне, достаточном для ответа на детские «почему». Это приводит к тому, что они избегают сложных тем или ограничиваются демонстрацией опытов без объяснения причинно-следственных связей. Кроме того, наблюдается разрыв между академическими знаниями, полученными в вузе, и практическими умениями проектировать именно исследовательскую, а не репродуктивную деятельность.

Вторая группа трудностей носит операционально-технологический характер. Многие педагоги не владеют техникой постановки проблемных вопросов, стимулирующих мышление. Вместо вопроса «Почему вы так думаете?» склонны сразу давать готовый ответ. Затруднения вызывают навыки организации безопасного экспериментирования и, что особенно важно, использование рабочих листов как средства рефлексии и фиксации. Часто рабочие листы превращаются в формальный отчет, а не в инструмент осмысления опыта.

Третья группа включает в себя личностные и мотивационные барьеры. Консерватизм, страх перед инновациями и высокая нагрузка приводят к тому, что педагоги не стремятся осваивать новые, более трудоемкие методы проектной и исследовательской работы. Подлинное проектирование для дошкольника должно быть направлено на развитие способностей (воображения, мышления), а не на «натаскивание», однако на практике это понимание часто может отсутствовать. Исследования И.Э. Куликовской и Н.Н. Совгир показывают, что

успешность внедрения экспериментальной деятельности напрямую зависит от готовности педагога к освоению новых технологий [2].

Для преодоления выявленных дефицитов необходим переход к практико-ориентированным моделям повышения квалификации. Теоретический анализ позволяет выделить ряд эффективных условий и технологий:

1. Практико-ориентированное обучение (кейс-стади и тренинги). Педагогу недостаточно прослушать лекцию о свойствах воды. Ему необходимо самому оказаться в роли ребенка: провести опыт, зафиксировать результаты на рабочем листе, столкнуться с проблемной ситуацией, а затем проанализировать свой опыт. Кейс-метод (анализ видеозаписей занятий, конспектов) позволяет формировать критическое мышление;

2. Освоение методики проектирования и рефлексии. Эффективной формой является проектный семинар, где педагоги проходят полный цикл: от постановки цели (SMART) до разработки конспекта образовательной ситуации и его последующей апробации (стажировки). Обязательным элементом является рефлексивный анализ – обсуждение того, как реагировали дети, насколько удачно были подобраны средства (рабочие листы и оборудование);

3. Формирование исследовательской позиции у самого педагога. Важно развивать у педагога не только методические навыки, но и собственный познавательный интерес. Педагог, который искренне удивляется эксперименту вместе с детьми, создает ту самую эмоционально-деятельностную среду, в которой формируется исследовательское поведение ребенка.

Формирование у детей дошкольного возраста естественно-научной картины мира – процесс, сложность которого заключается в его «донаучном» характере. Он требует от педагога не столько глубоких энциклопедических знаний, сколько особого типа профессионального мышления и готовности к фасилитации детского познания. Ключевым условием успешности этого процесса является сформированная компетентность педагога, включающая когнитивное понимание специфики естественно-научной грамотности, владение технологиями исследовательской деятельности и развитую рефлексивную позицию. Преодоление существующих профессиональных дефицитов возможно через внедрение в систему повышения квалификации активных, практико-ориентированных форм обучения, которые позволят педагогу перейти от роли транслятора знаний к позиции мудрого партнера и организатора детских открытий. Только такой педагог способен создать условия, в которых для ребёнка мир природы станет не набором фактов, а удивительным и познаваемым пространством.

Список литературы

1. Дыбина О.В., Рахманова Н.П., Щетинина В.В. Неизведанное рядом: занимательные опыты и эксперименты для дошкольников. М.: ТЦ «Сфера», 2005. 188 с.
2. Куликовская И.Э., Совгир Н.Н. Детское экспериментирование. Старший дошкольный возраст: учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2003. 80 с.
3. Поддьяков Н.Н. Творчество и саморазвитие детей дошкольного возраста: концептуальный аспект. Волгоград: Перемена, 1995.
4. Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования» (Зарегистрирован в Минюсте России 28.12.2022 № 71847). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/0e6ad380fc69dd72b6065672830540ac/> (дата обращения: 28.05.2026).
5. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/129> (дата обращения: 28.05.2026).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/7dcd2fd1d14f608ec97e9ef6699f99ae/> (дата обращения: 28.05.2026).
7. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика: научное издание. М.: Изд-во УНЦ ДО, 2005. 222 с.

УДК 14

**СТОИЦИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ:
ОТ МАРКА АВРЕЛИЯ К УПРАВЛЕНИЮ ВНИМАНИЕМ**

Юлчиева А.М., студент 1 курса

Факультет управления и социально-технических сервисов
Нижегородский государственный педагогический университет им К. Минина

Аннотация. В статье рассматривается возрождение стоицизма в цифровую эпоху. Автор показывает на основе анализа современных исследований и древних текстов, что античное учение о различении контролируемого и неконтролируемого обретает новую актуальность в условиях переизбытка информации. Особое внимание уделяется преобразованию стоических практик в современные методы цифровой гигиены и управления вниманием. В статье анализируются две стороны: как адаптация стоицизма помогает, и как она становится инструментом для самоэксплуатации. В заключении раскрывается, что стоические практики отлично подходят для цифрового общества, но только при условии сохранения этического ядра философии.

Ключевые слова: стоицизм, технологии, философия, античность, цифровая эпоха.

**STOICISM AS A PHILOSOPHICAL PRACTICE FOR THE DIGITAL AGE:
FROM MARCUS AURELIUS TO ATTENTION MANAGEMENT**

Yulchieva A.M., 1st year student

Department of Management and Socio-Technical Services
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article examines the revival of stoicism in the digital age. Based on the analysis of modern research and ancient texts, the author shows that the ancient doctrine of the distinction between controlled and uncontrolled is gaining new relevance in the context of an overabundance of information. Special attention is paid to the transformation of stoic practices into modern methods of digital hygiene and attention management. The article analyzes two sides: how the adaptation of stoicism helps, and how it becomes an instrument for self-exploitation. In conclusion, it is revealed that Stoic practices are great for a digital society, but only if the ethical core of philosophy is preserved.

Keywords: stoicism, technology, philosophy, antiquity, digital age.

В современное постиндустриальное общество активно внедряются цифровые технологии, медиакоммуникации и искусственный интеллект, что противоречиво сказывается на человеческой психике. Социум сталкивается с интенсивным развитием системного и понятийного мышления, которое препятствует трудовой деятельности, приводит к эмоциональному расстройству и снижает результативность [7]. С постоянным использованием социальных сетей, мобильных приложений и медиаплатформ человек становится их «заложником», теряя концентрацию внимания и нарушая психологическую устойчивость. Цифровая эпоха заставляет общество быстро «переключаться», заменяя устойчивый фокус на мгновенную, но легко утасующую реакцию. Поэтому в этих условиях человек лишается способности управлять своим вниманием.

Аналогичную проблему затрагивали еще в античности. Римский император, Марк Аврелий, в своем трактате «О краткости жизни» сожалел о том, что люди позволяют распоряжаться собственным временем посторонним, жертвуя самым ценным ресурсом. Если две тысячи лет назад главная опасность для человека представляла участие в политических ин-

тригах, то сегодня угроза в том, что технологии абсолютно везде, и мы не сможем от них отказаться, не изменив собственную жизнь.

В цифровую эпоху стоическое учение можно адаптировать по нескольким направлениям:

- Информационная гигиена. Древнегреческий философ-стоик Эпиктет учил, что человек страдает, когда старается управлять тем, что ему неподвластно. В цифровом мире невозможно противоборствовать алгоритмам социальных сетей, но можно взять под контроль собственное внимание. За цифровым минимализмом скрывается то, что Эпиктет называл искусством различения, представляющее собой способность человека правильно оценивать внешние обстоятельства и свои внутренние реакции [6].

- Современные инструменты такие, как блокировщики рекламы и приложения с трекером времени, по отношению к вниманию выполняют функцию, как и стоики – к своим мыслям: готовятся заранее к тому, что может их отвлечь или обмануть.

- Практика внимательности. В центре стоического учения находится особое умение – просохе. Его суть заключается в особенном непрерывном внимании к своим мыслям, эмоциям и действиям. Эпиктет объяснял это так: мудрец должен следить за своими представлениями, подобно стражу у ворот, тщательно обдумывая каждое суждение.

В современном информационном мире древняя практика внимания к себе приобретает иные черты. Человеку необходимо научиться задумываться о своих действиях, ведь он незаметно тянется к телефону на бессмысленный сигнал и легко ввязывается в рекламную провокацию. Теперь вернуть себе свободу сможет только тогда, когда освоит умение направлять и удерживать фокус там, где нужно именно ему [5].

Негативные представления. Еще одна из стоических техник «предварительное обдумывание зол» отлично подойдет в цифровом обществе. Марк Аврелий учил: чтобы ценить настоящее, необходимо вообразить его потерю. Если он представлял себе смерть и утрату, то сегодняшнему человеку – дни без Интернета. После начала практики результаты не заставят ждать: человек начнет понимать, насколько технологии влияют на его покой, эмоции и самочувствие [1; 3].

У возрождения интереса к стоицизму есть и свои недостатки. Как отмечают критики, «в погоне за эффективностью современные интерпретаторы стоицизма часто выхолащивают его этическое ядро, превращая в инструмент еще большей самоэксплуатации» [2]. Таким образом истинная философия стоицизма теряет свой преобразующий потенциал.

Классический стоицизм является частью большой картины мира, включающей в себя физику (учение о логосе, пронизывающем космос) и социальную философию (космополитизм, идея всеобщего братства людей). Цель этой философии – не сделать человека более эффективным элементом в рабочей системе, а наоборот, полностью изменить его отношение к деньгам, славе, успеху и продуктивности, перестав считать их настоящим добром.

В информационном обществе стоицизм превратился в «философию успеха», в то, как лучше и эффективнее использовать человеческий ресурс, жертвуя свободой. Теперь философия, которая освобождала человека от внешних обстоятельств, превратилась в идеологию, которая учит подстраиваться под любые условия.

Парадоксальным образом сами же технологии, нарушающие концентрацию внимания, могут служить инструментами для стоической практики. Уже существуют разработанные приложения, которые реализуют принципы когнитивно-поведенческой терапии и стоической рефлексии, такие как «Стоический дневник» и другие программы для управления привычками. Также современные исследователи разрабатывают нейросетевые инструменты для самонаблюдения, помогающие замечать такие шаблоны мышления, которые человек самостоятельно может не заметить.

Сегодня стоицизм снова становится актуальным, поскольку даёт проверенные веками способы сохранять свою независимость в среде, где ее постоянно «отнимают». Античный принцип философов: «отличай то, что ты контролируешь, от того, что не контролируешь» –

важен в цифровую эпоху, так как в «экономике внимания» алгоритмы и интерфейсы постоянно размывают границы свободы человека и его личного выбора [4].

Древние стоические практики, такие как просохе, умение отделять себя от ложных мыслей и заранее представлять себе потери, могут быть адаптированы в качестве техник цифровой гигиены. Однако есть опасность в том, что стоицизм превратится в инструмент продуктивности в духе неолиберальной идеологии. Тем самым философия станет противоречивой для современного общества.

Подлинное наследие Марка Аврелия – не в том, чтобы стать эффективнее в гонке за успехом, а в том, чтобы осознать суетность этой гонки. Вызов для современного человека со смартфоном и ноутбуком в руках, состоит не в том, чтобы научиться лучше справляться с информационной перегрузкой, а в том, чтобы вернуть себе право решать, на что направлять собственное внимание. В этом смысле стоицизм остается не просто философской теорией, а практическим искусством жизни – возможно, более актуальным сегодня, чем когда-либо.

Список литературы

1. Горбачев С.Б., Вострикова К.В., Яковлева П.Ю. Проявления стоицизма в современном мире // Новые информационные технологии как основа эффективного инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14 января 2020 года. Екатеринбург: Омега Сайнс, 2020. Т. 2. С. 141-145.
2. Грант Е.М. Ренессанс античной мудрости: философия стоицизма в обществе достигаторов // Наука в мегаполисе. 2025. № 78. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-78/istoriya-filosofii/renessans-antichnoj-mudrosti-filosofiya-stoitsizma-v-obshchestve-dostigatorov.html> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Королькова А.А. Тема страдания в философии римских стоиков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-stradaniya-v-filosofii-rimskih-stoikov> (дата обращения: 13.05.2026).
4. Николаев В.В. Стоицизм как философия жизни для современного человека в условиях неопределенности // Экономика и безопасность. 2025. № 11. URL: <https://voenvestnik.ru/PDF/39ES1125.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Павлов А.С. «Аналитическая» ветвь современного стоицизма: Л. Беккер, У. Ирвин, М. Пильюччи // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 1. С. 33-52.
6. Сорокопуд М.С. Роль цифровых медиатехнологий в формировании культурных практик современного человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2025. № 1. С.29-34.
7. Степанова А.С. Благо, зло и безразличное в учении Эпиктета о свободе выбора // Историко-философский ежегодник. 2015. № 20. С.5-17.

УДК 130.2

ОНТОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ МИРОВ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ КАК СПОСОБА БЫТИЯ

Герасимова К.А., студент 1 курса
Факультет управления и социально-технических сервисов
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию компьютерных игр с точки зрения онтологии. Тема считается актуальной, так как в современном мире компьютерные игры становятся важной частью жизни многих людей: как младшего, так и старшего и даже среднего поколения. Часто такое увлечение начинается с безобидного времяпровождения, заканчиваясь тем, что игра полностью поглощает игрока. В работе мы опираемся на идеи симулякров, разработанные Жаном Бодрийяром, и экзистенциальное понимание абсурда Альбера Камю. Мы провели исследование на конкретном примере компьютерной игры «Homescapes» и по-

казали, как популярная игра создаёт гибридную форму существования, смешивая труд и отдых. За развлекательным сюжетом игры скрывается онтологическая трансформация личности. Человек не просто находится в игре – он существует через неё. Задания по ремонту виртуального поместья становятся симулякрами реальной цели. Они успешно заполняют неопределённость бесконечной цепочкой однообразных микродействий и создают иллюзию наполненности жизни.

Ключевые слова: онтология, виртуальная реальность, Homescapes, компьютерная игра, способ бытия, существование в цифровой среде, экзистенциализм.

THE ONTOLOGY OF VIRTUAL WORLDS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF COMPUTER GAMES AS A WAY OF BEING

Gerasimova K.A., 1st year student

Department of Management and Socio-Technical Services
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This paper is devoted to the study of computer games from the point of view of ontology. The topic is considered relevant, as in the modern world computer games are becoming an important part of the lives of many people: both younger, older and even middle generation [4]. Often such a hobby begins with a harmless pastime, ending with the fact that the game completely absorbs the player. In our work, we rely on the ideas of simulacra developed by Jean Baudrillard and Albert Camus' existential understanding of the absurd. We conducted a study using the specific example of the computer game «Homescapes» and showed how the popular game creates a hybrid form of existence, mixing work and leisure. The entertaining plot of the game hides the ontological transformation of personality. A person is not just in the game; he exists through it. The tasks of repairing the virtual estate become simulacra of the real goal. They successfully fill in the uncertainty with an endless chain of monotonous micro-actions and create the illusion of full life.

Keywords: ontology, virtual reality, Homescapes, computer games, way of being, existence in a digital environment, existentialism.

В основе работы лежат два теоретических подхода. Первый – онтология симулякра у Жана Бодрийяра в труде «Симулякры и симуляция» [1]. По Бодрийяру, современная цивилизация достигла той фазы реальности, где знаки и образы утрачивают связь с подлинным оригиналом. Симулякр третьего порядка предшествует реальности и скрывает не просто отсутствие оригинала, а сам факт исчезновения реальности. Вторым подходом является экзистенциальная философия абсурда Альбера Камю, раскрытая в «Мифе о Сизифе» [2]. Камю подчёркивает разрыв между человеческой потребностью в смысле и равнодушием мира, ставя главный философский вопрос о целесообразности самой жизни. В центре исследования мы ставим вопрос: в каком режиме существования находится человек, который сотый или трёхсотый раз повторяет механические действия игры «три в ряд», когда начальная цель (ремонт особняка) уже не имеет значения?

Игра «Homescapes» служит примером того, что компьютерная игра представляет собой массовый феномен, но при этом со стороны философии он мало оценен. На первый взгляд, сюжет игры довольно незамысловат и даже трогателен: Остин возвращается в родной дом и помогает родителям его благоустроить. Чтобы помочь герою, мы должны проходить уровни в стиле игры «три в ряд». За их прохождение дают звёзды, которые мы тратим на ремонт, а именно выбор обоев, мебели, декора, а после 500-го уровня семейная драма уже исчерпывает себя, ремонт переходит в выбор однотипных стен и потолков, а сам процесс теряет всякий смысл.

Homescapes – это идеальный пример симулякра третьего порядка по Бодрийяру. Игра не пытается имитировать реальный ремонт или физический труд, ведь мы не клеим обои на самом деле, а выстраиваем ряды из яблок на экране. Она имитирует саму суть целеустрем-

лѐнности. У игрока есть задача, он её выполняет и получает кратковременное удовлетворение. Настоящая цель – отремонтировать все комнаты – принципиально недостижима, ведь разработчики постоянно добавляют новые уровни. Это напоминает ситуацию, когда карта, которая, по словам Бодрийяра, предшествует территории: бесконечная череда «ремонт» – не даёт завершить процесс [1]. У игрока остаётся лишь действие ради действия.

Мы решили провести эксперимент и на собственном опыте посмотреть, как игрок меняется во время прохождения игры. На первых пятидесяти уровнях человек ещё заинтересован в сюжете, он хочет завершить ремонт. Ощущается прилив дофамина от каждой смены предмета мебели. Время проходит незаметно. Бытие как цель. Начиная с 50-го уровня и примерно по 300-й, диалоги героев начинают повторяться, геймер уже перестаёт читать диалоги и даже может не замечать появление новых персонажей. Выбор интерьера превращается в механическое действие – лишь бы потратить звезды и поскорее вернуться к головоломкам. Время обретает цикличность, каждый день похож на предыдущий. Бытие как цель. После 300-го уровня игрок уже действует по чистой инерции: клик по экрану, складывание ряда из фруктов – всё это превращается в автоматическую привычку. Даже отсутствие «жизней» вызывает тревогу или пустоту, которую нечем заполнить. И тут становится понятно: эта игра производит пустоту, которую тут же заполняет повторением.

На этом примере мы можем увидеть, как пересекаются идеи Бодрийяра и Камю. Для Бодрийяра симулякр – это конец реальности, момент, когда грань между настоящим и искусственным стирается, оставляя нас в мире, где существуют только имитации [1]. Камю же видел абсурд не как тупик, а наоборот, как отправную точку. Человек может бросить вызов абсурду, подобно Сизифу, который, осознавая напрасность своего труда, находит в этом понимании счастье [2].

Игра «Homescapes» может лишить человека даже возможности бунтовать, вместо этого она поглощает игрока, а он потребляет уровни, подобно тому, как Сизифу не дано осознать свою участь. Камю утверждал, что в мире абсурда ценность понятий определяется их способностью осмысливать опыт [2]. «Homescapes» же, по сути, моделирует переживание человека в условиях капитализма – неспособность выносить тишину и пустоту собственного существования. Игра действует как онтологическое обезболивание: её действия сдерживают главный вопрос: «Зачем всё это?»

Вместо бунта игра предлагает ритуал. Бесконечные уровни – это повторение одного и того же действия. Камю видел абсурд в противоречии между стремлением человека к смыслу и равнодушием мира [3]. «Homescapes» же устраняет это противоречие, убирает само стремление к смыслу. Игрок не должен искать сложный смысл, от него требуется лишь решение идентичных головоломок. Абсурд просто перестаёт быть заметным.

«Homescapes» ярко отображает процесс трансформации труда в досуг и последующее размывание этой границы. Суть противоречия заключается в том, что игрок активно участвует в деятельности, которая требует умственных усилий, стратегического планирования ходов, и при этом испытывает разочарование от неудач и получает поощрение за достижения. С точки зрения Бодрийяра, это пример гиперреализации труда: он утрачивает присущие ему ранее характеристики – усталость, отчуждение. Игрок находит удовольствие в этой игре, оно является симулякром, ведь весь итог его работы не имеет ценности в реальном мире.

Альбер Камю показывает нам в «Homescapes» переработку мифа о Сизифе. Сизиф был наказан богами и обречён на вечный бессмысленный труд. Игрок идет на этот труд добровольно, и более того, некоторые еще и платят за него, покупая дополнительные жизни и бустеры. В «Мифе о Сизифе» герой обретал свободу во время осознания абсурдности своей участи. Но у игрока осознание абсурда не наступает, а если и наступит, то только до следующего уровня [5].

Если Декарт утверждал: «Мыслю, следовательно, существую», то в Homescapes всё работает иначе. Здесь ваше бытие доказывается не глубиной мысли, а простым действием, лишенным всякого созидания. Вы существуете ровно до тех пор, пока щелкаете очередную головоломку. Стоит игре прерваться – и наступает странная пауза. Её можно либо сразу за-

полнить новой сессией, либо на мгновение задуматься: а на что я вообще трачу свою жизнь? По сути, Homescapes – это идеальный пластырь для экзистенциальной пустоты. В этом и кроется его неожиданная, почти философская роль.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2014. С. 9-88.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. С. Великовского. М.: АСТ, 2021. 256 с.
3. Князева О.В. Философская проблема бунта как основная линия исследований Альбера Камю // Евразийский союз учёных 2020. № 4-9. С. 68-72.
4. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество 2020. № 1. С. 27-54.
5. Романцева Е.В. Анализ философского эссе «Миф о Сизифе» Камю А.» // Бюллетень медицинских интернет-конференций 2018. № 1. С. 28.
6. Сиривля М.А. Компьютерная игра как феномен современной культуры // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 10. С. 112-117.
7. Савельева О.О. Игровой труд: онтология цифрового потребления // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 112-117.

УДК 130.2

ФЕНОМЕН «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» (CANCEL CULTURE) В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЭТИКИ ДИСКУРСА

Нужа Е.А., студент 1-го курса

Факультет управления и социально-технических сервисов

Нижегородский государственный педагогический университет им К. Минина

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу феномена «культуры отмены» (cancel culture) как новой практики социального контроля в цифровую эпоху. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, что «культура отмены», возникшая как инструмент защиты социальной справедливости, приводит к изменениям публичного пространства и нарушениям этики дискурса. Новизна работы заключается в выявлении нарушенных функций «культуры отмены» как искажённых форм коммуникации. В отличие от существующих исследований, акцент делается не на моральной оценке феномена, а на анализе его внутреннего противоречия: инструмент, изначально направленный на расширение инклюзивности и защиту уязвимых групп, меняется в механизм нормативного контроля, ограничивающий свободу публичного самовыражения. В работе представлен кейс-анализ на примере «культуры отмены» актёра Кевина Спейси (обвинения 2017 года, исключение из сериала «Карточный домик», оправдание судом в 2023 году), демонстрирующий, что в идеальной модели публичной сферы, разработанной Юргеном Хабермасом, аргументация подчиняется правилам равноправного диалога, тогда как в «культуре отмены» решение выносится анонимным сетевым сообществом без права на защиту. Сделан вывод, что «культура отмены» – это не справедливость, а новая форма контроля, которая мешает людям договариваться.

Ключевые слова: культура отмены, публичное пространство, этика дискурса, цифровая среда, коммуникативные стратегии, социальный контроль.

THE PHENOMENON OF «CANCELLATION CULTURE» IN THE LIGHT OF THE PHILOSOPHY OF PUBLIC SPACE AND ETHICS OF DISCOURSE

Nuzha E.A., 1st year student

Department of Management and Socio-Technical Services

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to a philosophical analysis of the phenomenon of «cancellation culture» as a new practice of social control in the digital age. The purpose of the study is to show that the «cancellation culture», which has emerged as a tool for protecting social justice, leads to changes in public space and violations of the ethics of discourse. The novelty of the work lies in identifying the disrupted functions of the «cancellation culture» as distorted forms of communication. Unlike existing research, the focus is not on the moral assessment of the phenomenon, but on the analysis of its internal contradiction: the tool, initially aimed at expanding inclusivity and protecting vulnerable groups, is changing into a mechanism of regulatory control that restricts freedom of public expression. The paper presents a case study using the example of actor Kevin Spacey's «cancellation culture» (charges in 2017, expulsion from the TV series «House of Cards», acquittal by the court in 2023), demonstrating that in the ideal model of the public sphere developed by Jurgen Habermas, argumentation obeys the rules of equal dialogue, whereas in the «cancellation culture» the decision is made by an anonymous online community without the right to protection. It is concluded that the «cancellation culture» is not justice, but a new form of control that prevents people from negotiating.

Keywords: cancel culture, public space, ethics of discourse, digital environment, communication strategies, social control.

В современном мире на первый план выходит вопрос о том, может ли публичное осуждение в социальных сетях считаться законной формой социальной регуляции, или же оно превращается в инструмент сетевой расправы. Поводом для этого служит быстрое распространение так называемой «культуры отмены» (cancel culture) – практики публичного бойкота лиц или организаций за высказывания или действия, признанные неприемлемыми. Ежедневно в цифровом пространстве разворачиваются кампании по «отмене» знаменитостей, политиков, журналистов и обычных пользователей. Однако философский смысл проблемы выходит за пределы вопроса о моральном оправдании таких бойкотов. Речь идёт о более конкретной теме: какие последствия «культура отмены» имеет для публичного пространства и для самой возможности рационального диалога? Именно поэтому «культуру отмены» стоит рассматривать не как временную моду, а как признак сильных изменений в структуре коммуникации. Здесь сталкиваются как минимум три вопроса: что считать справедливым публичным суждением; можно ли выносить приговор без участия обвиняемого; какие этические последствия возникают, если анонимные сетевые сообщества присваивают себе право судьи. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к философии публичного пространства Юргена Хабермаса, в частности к разработанной им теории коммуникативного действия и этике дискурса, где обуславливается, что «нормы могут претендовать на значимость только в том случае, если все, кого они касаются, достигли бы согласия относительно них как участники практического дискурса» [4; 8].

Цель статьи – показать, что «культура отмены», возникшая как способ защиты слабых, превращается в инструмент контроля, разрушающий правила честного публичного диалога.

Гипотеза исследования заключается в том, что «культура отмены» стремится к социальной справедливости, но в цифровой среде это стремление изменяется в форму дисциплинарной власти.

Объектом исследования являются практики публичного осуждения и бойкота в цифровой среде, известные как «культура отмены» (cancel culture), а предметом исследования – изменения этики дискурса и структуры публичного пространства под влиянием «культуры отмены»; особенности коммуникативных стратегий (включая публичные извинения) и механизмы социального контроля, возникающие в сетевых сообществах.

Методологическую основу работы составляют элементы дискурс-анализа для выявления искажений аргументации в сетевых коммуникациях. Данный метод применяется для изучения того, как в процессе «культуры отмены» нарушаются принципы рациональной аргументации, а аргументация подменяется эмоциональным давлением и нападками на лич-

ность. Реконструкция феномена «культуры отмены» на основе работ О. Г. Щениной, Г. Ю. Дашинимаева и других [2; 10]. Кейс-метод для иллюстрации механизмов функционирования «культуры отмены». На примере «отмены» актёра Кевина Спейси – обвинения в сексуальных домогательствах (2017), исключение из сериала «Карточный домик» и фильма «Все деньги мира», публичное презрение, а затем оправдание британским судом в 2023 году – демонстрируются ключевые характеристики феномена и его противоречия [9].

В самом общем виде под «культурой отмены» понимают добровольный бойкот человека или компании за действия, которые общество посчитало оскорбительными или несправедливыми. Как отмечает Дашинимаев Г. Ю., «культура отмены» возникла как способ бороться за справедливость, но со временем превратилась в инструмент власти над обществом [2]. Возникает вопрос: это хороший способ наказать виновных или же это просто новая форма травли, которая убивает честный разговор?

Немецкий философ Юрген Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, подчёркивает: «Публичный дискурс должен быть свободен от любых форм господства, и единственной силой, которая в нём признаётся, является сила лучшего аргумента» [8]. Однако современные социальные сети, как отмечает Макаревич Э.Ф., упрощают эту сложную модель, создавая иллюзию диалога, которая часто превращается в хаос [4].

Щенина О. Г. отмечает, что переход к информационному обществу привёл к новым формам и механизмам социальных взаимодействий в сетевой проекции [10]. Цифровая среда обеспечивает три критических условия для функционирования «культуры отмены»: архивацию (старые сообщения, связанные с объектом осуждения, могут сохраняться в цифровом пространстве длительное время), масштабирование (один пост может быть мгновенно распространён на миллионы) и анонимность (снижение ответственности за «суд» и «приговор»).

Наиболее показательным примером, иллюстрирующим все три условия и одновременно демонстрирующим разрыв между сетевой «справедливостью» и юридической истиной, является случай Кевина Спейси. В октябре 2017 года актёр Энтони Рэпп обвинил Спейси в сексуальных домогательствах, якобы имевших место в 1986 году. В течение нескольких дней после этого в социальных сетях развернулась кампания «отмены»: хэштеги #CancelKevinSpacey, #KevinSpaceyIsOver мгновенно стали вирусными. Архивация проявилась в том, что журналисты и пользователи начали массово извлекать и распространять старые интервью, фрагменты фильмов, любые намёки на «странное поведение» актёра. Масштабирование сработало мгновенно: новость об обвинениях облетела мировые СМИ за часы. В результате Спейси был исключён из шестого сезона сериала «Карточный домик» (Netflix), удалён из фильма «Все деньги мира» (его роль пересняли с Кристофером Пламмером), разорвал контракты с агентом. Анонимность сетевого сообщества позволила тысячам пользователей выносить приговор без какой-либо ответственности. Примечательно, что все эти карьерные решения были приняты до любого судебного разбирательства и без возможности Спейси полноценно защитить себя в публичном пространстве [9].

С точки зрения этики дискурса Хабермаса, требующей, чтобы все участники коммуникации обладали равными шансами на высказывание и опровержение («никто не может быть исключён из дискурса» [8]), «культура отмены» представляет собой сложный коммуникативный феномен. Дубинина И. И. выделяет шесть ключевых компонентов коммуникативной ситуации «культуры отмены»: объект отмены, проступок, норма, субъект отмены, контекст и предполагаемый или реальный ущерб для объекта. Особый интерес представляет анализ публичных извинений как попытки митигации – смягчения негативной реакции адресата. Дубинина описывает шесть групп коммуникативных стратегий, нацеленных на митигацию отношения адресата к проступку и адресанту, а также на корректировку позиции адресанта по отношению к адресату, нарушаемой ценности, политической ситуации или наказанию [3].

Однако принципы Юргена Хабермаса об идеальной речевой ситуации в практике «культуры отмены» часто нарушаются. Как пишет Хабермас, «условия идеальной речевой ситуации включают взаимность перспектив, отсутствие принуждения и равное право на уча-

ствие» [8]. Процесс «отмены» часто происходит без участия обвиняемого; суждение выносится сетью анонимно и не подлежит апелляции; аргументы могут быть сведены к эмоциональным реакциям. С точки зрения нормативной этики дискурса, «культура отмены» является формой искажённой коммуникации, где власть подменяет собой рациональную аргументацию.

В случае с Кевином Спейси обвиняемый был лишён возможности участвовать в обсуждении на равных: его заявления и опровержения терялись в потоке эмоциональных реакций, а важные решения (увольнение из проектов) принимались заочно, без суда. Аргументация была подменена моральным давлением. Главным доказательством несостоятельности этого «сетевого суда» стал 2023 год: британский суд оправдал Кевина Спейси по всем девяти пунктам обвинения в сексуальных домогательствах. Однако его карьера и репутация к тому моменту были уже разрушены. Этот пример наглядно демонстрирует, насколько «культура отмены» далека от хабермасовского идеала рационального диалога, где каждый имеет право голоса и где истина рождается в свободной дискуссии, а не в толпе [4; 8].

Ключевое противоречие культуры отмены заключается в её двойственной функции: она одновременно стремится к большей инклюзивности, но действует через исключение. Исследователи под руководством Головашиной О. В. рассматривают «культуру отмены» как современную форму остракизма через оптику исключения М. Фуко. Этот подход иллюстрирует механизмы дисциплинарной власти, действующие через социальные медиа: через различные медиаканалы и социальные сети индивид испытывает влияние экономических, политических, культурных факторов, заставляющих соблюдать определённые правила, и сегодня он более подконтролен, чем в описываемом М. Фуко Паноптиконе [1].

Особого внимания заслуживает парадокс инклюзивности: «культура отмены», возникшая как инструмент расширения свободы самовыражения представителей групп, которые ранее подвергались угнетению, в реальности функционирует как ограничение свободы посредством социального контроля [1]. Данный феномен можно обозначить термином «диалектика освобождения» – логика, при которой инструменты, созданные для защиты прав меньшинств и смягчения нормативных границ, неизбежно обращаются в собственную противоположность, формируя новые жёсткие рамки. Дополнительным подтверждением этого изменения служит проявление в последнее время феномена «корпоративной отмены»: крупные организации и институты всё чаще целенаправленно используют практики бойкота для реализации своих интересов, переводя «культуру отмены» из разряда стихийных сетевых реакций в разряд системного управленческого инструмента [5].

Так как же «культура отмены» влияет на публичное пространство? Безусловно, она выполняет важную функцию социальной критики, позволяя маргинализированным группам привлекать внимание к системным нарушениям. При этом её реализация в текущей цифровой среде порождает тревогу, поверхностность коммуникации и неуверенность в возможности конструктивного диалога. В большинстве случаев практика «отмены» как подражание агрессивным сетевым сценариям – это путь к дальнейшему социальному расслоению общества.

Тем не менее, существуют и конструктивные перспективы. Как показывает анализ Дубининой, коммуникативные стратегии, прежде всего техника публичного извинения, могут переводить акт отмены из плоскости исключения в плоскость коррекции и обучения [3]. Задача теоретиков и практиков публичной сферы – институционализировать такие механизмы восстановительной коммуникации, которые позволят сохранить критический потенциал низовой этической регуляции, но облечь его в формы, уважающие базовые принципы диалога. Поиск критериев правомерного и неправомерного применения отмены становится одной из центральных задач современной социальной философии [6].

Особого внимания требует этическая сторона проблемы. Даже если отвлечься от вопроса о том, оправдана ли «отмена» в каждом конкретном случае, сохраняются проблемы неравного доступа к возможностям защиты, отсутствия процедурной справедливости, а также риск ошибочного осуждения. Кроме того, «культура отмены» может изменить саму культуру публичной дискуссии: вместо поиска истины и взаимопонимания общество получает практи-

ку исключения. В таком случае социальные сети не способствуют диалогу, а лишь изменяют способы социального наказания.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что культура отмены представляет собой двойственный феномен. С одной стороны, она возникает как реакция на реальные случаи несправедливости и даёт голос ранее угнетённым группам, но с другой стороны, в цифровой среде она быстро трансформируется в форму дисциплинарной власти, действующей через анонимное сетевое сообщество. С позиции этики дискурса культура отмены является примером систематически искажённой коммуникации, поскольку в ней нарушаются принципы равноправного диалога, обусловленные Ю. Хабермасом: «Каждый, кто способен к речи и действию, может участвовать в дискурсе; каждый может подвергаться сомнению любое притязание на значимость; каждый может вводить в дискурс любые утверждения» [8]. Как показано на примере Кевина Спейси, обвиняемый не имеет возможности участвовать в обсуждении, приговор выносится заочно, а самое главное – он может быть полностью оправдан юридически, но социально и профессионально уничтожен ещё до любого суда, причём эта «отмена» остаётся необратимой. Цифровая среда выступает необходимым условием функционирования культуры отмены: её характеристики – архивация, масштабируемость и анонимность – создают идеальные предпосылки для быстрых и необратимых репутационных приговоров, которые не требуют доказательств и не подлежат апелляции. Ключевое внутреннее противоречие «культуры отмены» – парадокс инклюзивности заключается в том, что инструмент, изначально направленный на защиту уязвимых групп, превращается в механизм нормативного контроля, порождающего атмосферу страха перед возможной «отменой». Изучение коммуникативных стратегий показывает, что существуют способы перевода акта отмены из плоскости исключения в плоскость коррекции (например, публичные извинения), однако на сегодняшний день такие механизмы «восстановительной коммуникации» не институционализированы, что делает «культуру отмены» преимущественно карательной практикой.

Таким образом, «культура отмены» – это не справедливость, а новая форма контроля, которая мешает людям договариваться.

Список литературы

1. Головашина О.В. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. 2024. Т. 24, № 3. С. 38-54.
2. Дашинамаев Г.Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник БГУ. Философия. 2021. № 1. С. 19-24.
3. Дубинина И.И. Корректирующее коммуникативное поведение в контексте дискурсивной практики культуры отмены (на примере публичных извинений медийных персон) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 10.
4. Макаревич Э.Ф. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиа-влияния в новой реальности // PolitBook. 2020. № 3. С. 98-119.
5. Михайлов И.А. Новая публичность: современные дискуссии в Германии // Философская мысль. 2023. № 12. С. 42-52.
6. Овчинников А.В., Аникин Д.А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 76-87.
7. Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24, № 3. С. 7-22.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие // пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2022. (Оригинал: Habermas J. Moral bewusstsein und kommunikatives Handeln. 1983).
9. Хронология скандала: как разрушалась карьера Кевина Спейси. URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/hronologiya-skandala-kak-razrushilas-karera-kevina-speysi/> (дата обращения: 28.05.2026).

10. Щенина О.Г. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 4. С. 112-127.

УДК 141.1

ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА МАРТИНА БУБЕРА («Я-ТЫ») И ПРИРОДА ОБЩЕНИЯ В МЕССЕНДЖЕРАХ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Волкова Я.А., студент 1 курса

Факультет управления и социально-технических сервисов
Нижегородский государственный педагогический университет им К. Минина

Аннотация. Люди живут в эпоху цифровизации, развития технологий и различных мессенджеров, благодаря которым можно связываться с людьми в различных точках мира. Однако все чаще происходит такое, что человек, общаясь с кем-то в социальных сетях, чувствует себя одиноко, разговор кажется не живым, а пустым и поверхностным. Отсюда появляется вопрос: почему с развитием технологий возможность постоянно быть на связи друг с другом не делает отношения людей более глубокими, не усиливает эмоциональную близость? Статья направлена на получение ответа на данный вопрос, который связан с Мартином Бубером, автором философии диалога «Я-Ты». Гипотеза: человек, используя мессенджеры и социальные сети, перестает относиться к людям, как к живому существу. Собеседник становится объектом, а не личностью, из-за чего и создается чувство одиночества. Материалы и методы: главным источником анализа является философия диалога Мартина Бубера «Я-Ты». В качестве метода используется сравнение ключевых идей Бубера с современной коммуникацией людей. Новизна исследования: новизна исследования состоит в том, что идеи Мартина Бубера используются для анализа цифровых привычек человека, чтобы понять, как именно возникает чувство пустоты. Результаты исследования: в ходе исследования показано, что общение в соцсетях можно назвать отношением «Я-Оно», придуманное Мартином Бубером, потому что собеседник перестает быть живой личностью. Общение в мессенджерах возможно, но часто при завершении диалога «Ты» снова становится просто строчкой в списке контактов. Можно сделать вывод, что соцсети не разрушают дружбу, но делают среду для глубокого общения крайне неудобной, требуя от человека особых усилий для сохранения живого контакта.

Ключевые слова: Мартин Бубер, социальные сети, мессенджеры, философия, «Я-Ты», общение в интернете, одиночество.

MARTIN BUBER'S PHILOSOPHY OF DIALOGUE («I-YOU») AND THE NATURE OF COMMUNICATION IN MESSAGING APPS AND SOCIAL NETWORKS

Volkova Ya.A., 1st year student

Department of Management and Socio-Technical Services
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. People live in the era of digitalization, technology development and various messengers, thanks to which they can communicate with people in different parts of the world. However, more and more often it happens that a person, communicating with someone on social networks, feels lonely, the conversation does not seem alive, but empty and superficial. Hence the question arises: why, with the development of technology, the opportunity to constantly be in touch with each other does not make people's relationships deeper, does not enhance emotional intimacy? The article aims to get an answer to this question, which is related to Martin Buber, the author of the philosophy of the «I-You» dialogue. Hypothesis: a person, using instant messengers and social networks, ceases to

treat people as a living being. The interlocutor becomes an object, not a person, which creates a feeling of loneliness. Materials and methods: the main source of analysis is Martin Buber's philosophy of dialogue «I am You». The method used is a comparison of Buber's key ideas with modern human communication. The novelty of the research: The novelty of the research is that Martin Buber's ideas are used to analyze a person's digital habits in order to understand exactly how a feeling of emptiness arises. Research results: the study shows that communication on social networks can be called an «I-It» relationship, invented by Martin Buber, because the interlocutor ceases to be a living person. Communication in messengers is possible, but often at the end of the dialogue, «You» becomes just a line in the contact list again. It can be concluded that social networks do not destroy friendship, but they make the environment for deep communication extremely uncomfortable, requiring special efforts from a person to maintain live contact.

Keywords: Martin Buber, social networks, messengers, philosophy, «I-You», online communication, loneliness.

Актуальность темы связана с тем, что в современном обществе сложилось противоречие, связанное с коммуникацией людей в мессенджерах. С одной стороны, развитие технологий позволяет человеку связываться с другими людьми с помощью обмена сообщений в различных социальных сетях, находясь в любой точке мира. С другой стороны, имея множество контактов в цифровой среде, человек находится в состоянии одиночества и эмоциональной опустошенности, потому что виртуальное общение кажется неживым. Противоречие между технической доступностью связи с людьми и дефицитом глубокого общения ведет к образованию проблемы: постоянное общение в социальных сетях не создает чувство эмоциональной близости.

Сегодня проблема цифровой коммуникации обсуждается достаточно активно, но преимущественно с иных позиций. Отечественные авторы, такие как М.Д. Напсо, исследуют феномен одиночества «цифрового человека», связывая его с уходом от реального общения и утратой чувства подлинности бытия [4]. Л.В. Баева, опираясь в том числе на диалогическую традицию, отмечает, что цифровой диалог нередко становится формой не сближения, а обособления участников [1]. Эти исследования вносят важный вклад в понимание проблемы, однако последовательного анализа повседневных практик общения в мессенджерах именно через идеи Мартина Бубера «Я-Ты» и «Я-Оно» до сих пор не проводилось. Следовательно, для изучения проблемы необходимо обратиться к работе немецкого философа.

В своей работе «Я и Ты» Мартин Бубер рассматривает отношение человека к миру и другим людям через два способа: «Я-Ты» и «Я-Оно».

Отношение «Я-Оно» – это акцент на опыт и использование. Человек воспринимает все окружающее – вещи, явления, других людей – как объекты, которые можно познать, которые могут стать средством достижения собственных целей. По мнению Бубера с помощью «Оно» происходит манипулирование миром. «Я-Оно есть первичное слово опыта и использования», – пишет Бубер [2]. В этом мире человек чувствует себя хозяином положения: он познаёт, анализирует, сравнивает. Бубер не считает отношение «Я-Оно» чем-то отрицательным или вредным – оно необходимо для выживания, для науки, для любой практической деятельности. Если человек ко всему и ко всем относится как к «Оно», он, по словам Бубера, «отчуждён от другого человека, от Бога и от самого себя» [2].

Отношение «Я-Ты» является противоположностью «Я-Оно». «Я-Ты» подразумевает отношение человека к другому, как к личности, равной себе. «Тот, кто говорит Ты, не имеет никакого нечего как объекта. Ибо там, где есть нечто, есть другое нечто; каждое Оно граничит с другим Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но когда говорится Ты, нет никакого нечего. Ты безгранично», – объясняет Бубер [2]. Философ выделяет несколько особенностей. Во-первых, отношение «Я-Ты» взаимно, то есть оно случается, когда участники открыты друг другу. Во-вторых, данное отношение невозможно запланировать, оно совершается по «благодати». В-третьих, «Я-Ты» не длится бесконечно, рано или

поздно происходит переход к «Я-Оно». По мнению Бубера жизнь – это постоянное перемещение между этими двумя отношениями, и человек должен удерживать между ними баланс.

Что же касается социальных сетей. Разобравшись с идеями Мартина Бубера можно провести параллель между мессенджерами и «Я-Оно». Люди в социальных сетях представляют себя не как спонтанная личность, а как отобранные фотографии для публикации, статусы, интересы и т.д. Все это имеет схожесть с содержанием «Я-Оно». Просматривая страницы людей в социальных сетях, человек познает их: узнает информацию, проводит сравнения, но это происходит без вступления в диалог. Профиль человека становится объектом.

Вторым признаком является функциональный характер значительной части переписки. Чаще всего это решение каких-либо вопросов, договоренности о встрече. Обмен такими сообщениями подразумевает, когда один человек говорит, а другой принимает к сведению. Данное общение не является взаимным, в нем нет открытости. Все это характерно для «Я-Оно»: человек в этом общении пытается что-то получить, чего-то добиться, у него нет в целях быть с кем-то рядом. Шерри Тёркл – американский профессор, которая много лет изучает, как технологии влияют на общение. Её главная мысль: мы всё чаще выбираем переписку вместо звонка или личной встречи. Почему? Потому что переписка удобнее и безопаснее: можно подумать над ответом, не показывать эмоции, не тратить душевные силы. Но цена этого удобства – потеря глубины. Мы «жертвуем разговором» (настоящим, рискованным, живым) ради «простого соединения» (короткого, контролируемого, функционального) [6].

Третий признак связан с текстовой коммуникацией. Во время разговора при встрече эмоции человека спонтанные, настоящие. В переписке можно подумать над ответом, отредактировать его, продумывать формулировки, удалить сообщение. Следовательно, общение находится под контролем. То есть человек не раскрывается полностью, по большей части управляет своим образом, что также характерно для «Я-Оно».

Таким образом, общение в социальных сетях предстает как среда, в которой собеседник является не личностью, а объектом, за которым можно наблюдать. Помимо этого, человек может оценивать собеседника, использовать в своих целях, и никакой речи о живом диалоге и быть не может.

Теперь рассмотрим отношение «Я-Ты» в мессенджерах и разберемся, возможно ли такое общение в цифровой среде. Мартин Бубер склоняется к такому мнению, что для отношения «Я-Ты» важна внутренняя установка человека, а не физическая близость. То есть по идее в переписке можно этого достигнуть. Безусловно, в социальных сетях есть возможность созваниваться с собеседником, отправлять голосовые сообщения, вести переписку на серьезные темы, что делает общение более глубоким. Следовательно, экран не является проблемой вести душевный диалог, все зависит от человека.

Однако возникает проблема, которая связана с нестабильностью «Ты» в цифровом мире. Соблюдая такое общение вживую, наяву, собеседники испытывают друг к другу тепло, а также остаются приятные воспоминания. Бубер дал всему этому название «Между». Философ считал, что отношение «Я-Ты» не может длиться вечно, в итоге происходит переход к «Я-Оно». В цифровой среде наблюдается резкий переход: после душевного диалога собеседник снова исчезает в ленте контактов, его профиль является набором данных. Следовательно, чат с собеседником становится объектом. Таким образом, во время глубокого разговора у собеседников складываются отношения «Я-Ты», а после его завершения – возвращение к «Я-Оно».

Таким образом, мессенджеры и социальные сети не являются причиной для разрушения отношения «Я-Ты». Цифровая среда не подходит для близкого общения, так как является не удобной, так как она делает близкое общение мимолетным.

Проведенный анализ позволил показать, что общение в мессенджерах ориентировано на отношение «Я-Оно». Собеседник в социальных сетях предстает как объект и утрачивает уникальность собственной личности. Помимо этого, были сделаны выводы о том, что отношение «Я-Ты» возможно, но оно нестабильно и по большей части зависит от намерений и усилий человека. Следовательно, человек не может не испытывать чувства опустошенности,

так как общение в цифровой среде неизбежно превращается из «Я-Ты» в «Я-Оно», из-за чего диалог так или иначе становится мимолетным.

Список литературы

1. Баяева Л.В. Цифровой диалог в обучении: когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2022. Т. 26, № 2. С. 439-453.
2. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Н. Файнгольда; под ред. С.Я. Левит и П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
3. Герман О.Н., Панькова Н.М. Трансформация модели сознания в условиях социовиртуальной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2025. Т. 53, № 4. С. 200-213.
4. Напс М.Д. Одиночество цифрового человека как предмет философской рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 1 (507). С. 61-66.
5. Соловьева Л.Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 77-82.
6. Тёркл Ш. Живым голосом. Зачем в цифровую эру говорить и слушать / пер. с англ. А. Шульгат. М.: АСТ: CORPUS, 2021. 560 с.
7. Фабрикант М.С. Одиночество в цифровой среде: концептуально-теоретический анализ // София: электронный научно-просветительский журнал. 2026. № 1. С. 93-101.

УДК 37.013.2:141.7

ВОСПИТАНИЕ БЕЗ ПРОЕКТА: ПЕДАГОГИКА ПЕРЕД ЛИЦОМ РАДИКАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

Прокошина С.А., студент 1 курса

Факультет управления и социально-технических сервисов

Нижегородский государственный педагогический университет им К. Минина

Аннотация. Классическая педагогика на протяжении веков опиралась на заранее заданный, чёткий образ человека, который служил ориентиром и конечной целью всего воспитательно-го процесса. Сегодня, когда будущее стало радикально неопределённым вследствие стремительных технологических изменений, экологических кризисов и глубоких трансформаций самого человеческого бытия, такой подход во многом утрачивает смысл. В статье предпринимается попытка философски обосновать возможность педагогики, которая сознательно отказывается от формирования фиксированного образа человека в качестве главной цели. Опираясь на различие онтологической и гносеологической неопределённости (В.С. Стёпин, О.И. Соколова), а также на категорию события в постметафизической философии (М.К. Мамардашвили, Ж.-П. Сартр), автор показывает, что неопределённость представляет собой не просто недостаток знаний, а фундаментальное условие свободы и подлинного становления личности. Выделяются три ключевые установки такой педагогики: решительный отказ от проекта, доверие к неопределённости как пространству свободы и переход от формовки личности к её бережному сопровождению. В эпоху, когда долгосрочные прогнозы окончательно потеряли надёжность, педагогика без проекта выступает этически оправданным и гуманным ответом на вызовы времени.

Ключевые слова: философия образования, воспитание, проект, образ человека, радикальная неопределённость, событие, субъективация, педагогика без проекта.

UPBRINGING WITHOUT A PROJECT: PEDAGOGY IN THE FACE OF THE FUTURE'S RADICAL UNCERTAINTY

Prokoshina S.A., 1st year student

Department of Management and Socio-Technical Services

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. Classical pedagogy has long relied on a predetermined image of the human being that served as the main goal and direction of upbringing. Today, when the future has become radically uncertain due to rapid technological changes, ecological crises and profound transformations of human existence itself, this approach largely loses its meaning. The article attempts to philosophically substantiate a pedagogy that consciously refuses to form a fixed image of the human being as its ultimate goal. Drawing on the distinction between ontological and epistemological uncertainty (V.S. Stepin, O.I. Sokolova) and the category of the event in post-metaphysical philosophy (M.K. Mamardashvili, J.-P. Sartre), the author shows that uncertainty is not merely a lack of knowledge but a fundamental condition of freedom and genuine personal becoming. Three main orientations of such pedagogy are identified: decisive rejection of the project, trust in uncertainty as a space of freedom, and the shift from personality molding to careful accompaniment. In an era when long-term forecasts have completely lost reliability, pedagogy without a project emerges as an ethically justified and humane response to the challenges of our time.

Keywords: philosophy of education; upbringing, project, image of the human, radical uncertainty, event, subjectivation, pedagogy without a project.

Классическая педагогика всегда работала внутри какого-то проекта. Само слово «воспитание» предполагает направленное движение от нынешнего, несовершенного состояния ребенка к чему-то более совершенному и зрелому. На протяжении истории этот идеал неоднократно менял свои очертания: в античности им был гармонично развитый, калокагатийный человек, в Средние века – благочестивый христианин, в эпоху Просвещения – разумный, автономный и свободный от предрассудков индивид, а в наше время – прежде всего компетентный, адаптивный и успешный специалист [11; 7].

Однако сегодня ситуация принципиально изменилась. Стремительное развитие технологий, глобальные экологические проблемы, быстрые социальные трансформации и даже изменения в самой природе человека сделали любые долгосрочные прогнозы крайне ненадежными. Мы уже не можем с уверенностью утверждать, каким окажется мир через полтора-два десятилетия и какие личностные качества будут действительно востребованы в нём [11; 3].

В современной философии образования всё чаще звучат разговоры о кризисе целеполагания и постепенном отходе от жёсткого нормирования образа человека. Категориальная оппозиция «определённость – неопределённость» вышла в число центральных [1]. При этом многие исследователи, признавая глубину кризиса, продолжают искать новые компетенции, навыки и «образы будущего», пытаясь тем или иным образом угадать направление развития и подстроить под него сегодняшних детей. Идея полного, принципиального отказа от воспитательного проекта как осознанная философская позиция пока остаётся на периферии внимания.

Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть именно этот путь: что остаётся педагогике, если она честно признаёт своё незнание будущего и сознательно отказывается от любого заранее сконструированного образа человека?

Исследование носит теоретический характер и выполнено с помощью концептуального анализа в сочетании с элементами сравнительной философской интерпретации. Такой подход позволяет не только описывать существующие позиции, но и выявлять их скрытые предпосылки, а также прослеживать возможные последствия для педагогической теории и практики.

Ключевыми категориями работы выступают:

- воспитательный проект – особый способ восприятия ребёнка преимущественно через призму будущего образа, к которому его необходимо привести;
- радикальная неопределённость – понимаемая не как временный дефицит информации, а как онтологическая характеристика самого бытия [9];
- событие – категория постметафизической философии, обозначающая неподвластный планированию разрыв непрерывности, в котором возникает подлинно новое [11].

Воспитательный проект в его классической форме – это не просто педагогический план или программа действий. Это глубокий метафизический способ мышления, при котором ребёнок изначально видится как материал, подлежащий приведению к заранее известной, «правильной» форме. Такая логика имеет долгую историю – от платоновского понимания воспитания как припоминания идеальных сущностей души до христианских представлений об очищении образа Божьего в человеке и просветительских проектов формирования разумного гражданина [7]. Во всех этих случаях предыдущие поколения были убеждены, что знают лучшее будущее и обладают правом уверенно вести к нему детей.

Однако в условиях радикальной неопределённости подобный подход обнаруживает серьёзные ограничения. Любая фиксированная модель человека очень быстро устаревает. Более того, заранее заданная идентичность существенно сужает пространство для подлинного самосозидания.

О.И. Соколова в своей диссертации, опираясь на работы В.С. Стёпина, проводит принципиальное различие между гносеологической и онтологической неопределённостью. Если гносеологическая неопределённость связана с временным недостатком знаний и в принципе может быть преодолена, то онтологическая укоренена в самой структуре реальности. В неклассической науке, имеющей дело с микрообъектами, «наблюдение за реальными физическими явлениями заменяется теоретическим осмыслением объектов». В результате научное знание всё больше ограничивается теорией и не может быть полностью подтверждено эмпирически. Онтологическая неопределённость перестаёт быть просто помехой – она становится неотъемлемой характеристикой самого объекта познания [9].

Перенос этой логики в педагогику приводит к важному выводу: мы не можем эмпирически удостовериться, каким будет будущее и какой именно человек окажется в нём востребован. Любая попытка дать окончательный ответ на этот вопрос рискует подменить живую реальность теоретической схемой.

Отсюда открывается прямой путь к экзистенциалистскому пониманию свободы. Как подчёркивал Ж.-П. Сартр, существование предшествует сущности. Человек сначала существует, встречается с миром, совершает выборы – и только потом, через всё это, определяется. Традиционная педагогика проекта пытается обратить этот порядок вспять, навязывая ребёнку готовую сущность («ты должен стать таким-то») ещё до того, как он успел по-настоящему состояться в мире.

В этих условиях педагогика неизбежно меняет свой характер. Она перестаёт быть в первую очередь трансляцией готовых знаний и норм и превращается в практику *сопровождения*. Педагог больше не выступает архитектором чужого будущего, а становится спутником, который помогает ребёнку выдерживать встречи с непредвиденным, не впадая в панику и не закрываясь привычными схемами. На первый план выходит развитие внутренней устойчивости – способности жить без жёстких внешних опор, мужества перед лицом неизвестного и готовности к подлинным событиям собственной жизни [8].

Особое значение приобретает переход от образования как социализации (встраивания в готовые социальные формы) к образованию как субъективации – поддержке неповторимого, личностного становления человека [2]. В этом контексте категория «события», разработанная в работах М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёва и В.С. Швырёва, оказывается особенно плодотворной: подлинное развитие личности происходит именно в тех моментах разрыва непрерывности, которые невозможно спланировать заранее [4].

Проведённый анализ позволяет выделить три основные установки педагогики без проекта.

Первая установка – честный и решительный отказ от желания «вылепить» правильного, заранее спроектированного человека. Это не признак профессиональной слабости, а проявление интеллектуальной и этической честности. Педагог перестаёт притворяться, что точно знает, каким будет будущее и каким должен стать ребёнок [9].

Вторая установка – онтологическое доверие к неопределённости как пространству свободы. Вместо того чтобы бороться с ней или пытаться устранить, взрослый помогает ре-

бёнку учиться жить внутри этой открытости, сохраняя при этом свою целостность и способность к осмысленному выбору [1; 5].

Третья установка – перенос главного педагогического усилия с формовки личности на создание поддерживающей среды. В такой среде ребёнок получает возможность безопасно и осмысленно встречаться с новым, непохожим и непредсказуемым, не ломаясь под тяжестью этих встреч [6; 10].

Предлагаемый подход сознательно антиутопичен. Он не пытается заменить старый проект новым – «проектом человека открытости», поскольку это вернуло бы нас в прежнюю логику. Вместо этого он требует от взрослых большей честности и смирения. Мы можем сказать детям примерно следующее: «Мы не знаем точно, какими вы станете, – и именно поэтому готовы по-настоящему уважать вашу свободу и принимать вас в процессе вашего собственного становления».

Такой подход не ведёт к хаосу или вседозволенности. Сопровождение не отменяет границ, но эти границы теперь задаются не гипотетическим «светлым будущим», а реальным этическим отношением к другому человеку здесь и сейчас. В определённом смысле такая педагогика оказывается даже более строгой, чем традиционная, поскольку отказывается от одного из самых сильных соблазнов – манипулировать ребёнком во имя взрослой утопии.

Когда долгосрочные прогнозы окончательно утрачивают надёжность, педагогика без проекта перестаёт быть маргинальным теоретическим экспериментом и становится этически обоснованной, гуманной основой воспитания. Отказываясь от претензии на полное знание о будущем, она сохраняет пространство для подлинной свободы и самореализации. Неопределённость предстаёт здесь не как угроза, а как необходимое условие возможности человеческого в человеке. Ребёнок видится уже не как материал для реализации чужого проекта, а как живое, открытое, становящееся существо, каждый раз заново рождающееся в событиях собственной жизни.

Список литературы

1. Гагаев П.А., Гагаев А.А. Категориальная дилемма «определенность-неопределенность» в философских концептах педагогического знания // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 7, № 4. С. 337-343.
2. Демидович Е.Д. Гуманизация образования для XXI столетия: образование-социализация или образование-субъективация? // XVIII Республиканский междисциплинарный научно-теоретический семинар «Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности». Минск: БГУ, 2024. С. 81-85.
3. Ключарев Г.А. Навстречу будущему: непрерывное образование и его легитимация в машинном исполнении // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 130-139.
4. Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.Ю., Швырёв В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире: Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. С. 28-94.
5. Палей Е.В. Конструкт университета будущего: от неопределенности к непостижимости // Вестник Ивановского государственного университета. 2022. Вып. 4. С. 130-139.
6. Попова И.Н. Эпоха неопределенности и актуальные проблемы воспитания и педагогической поддержки детей // Воспитание школьников. 2023. № 7. С. 22-31.
7. Розин В.М. Философия образования: учебное пособие. М.: Юрайт, 2026. 434 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
9. Соколова О.И. Понятие неопределенности в неклассической науке и философии: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. 161 с.
10. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
11. Философия образования в современном мире: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 451 с.

ПРЕДИКАТНАЯ НЕПОЛНОТА ПЕРСОНАЖА: ЗАЧЕМ НУЖЕН КИНЛИСТ?

Гаврилова В.С., студент 4 курса
Факультет гуманитарных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье предпринимается философско-антропологический анализ феномена кинни-культуры как практики самоописания субъекта через идентификацию с персонажами популярной культуры. Вводится и обосновывается понятие предикатной неполноты отдельно взятого кина, которая делает невозможным исчерпывающее отображение «Я-концепции» через одного персонажа. На основе предыдущих исследований по теме и с привлечением логико-философской традиции (Л. Фейербах) и философии различия (Ж. Делёз) доказывается, что кинлист представляет собой не механическую совокупность образов, а структуру идентичности, в которой множественность персонажей компенсирует их предикативную недостаточность. Особое внимание уделяется категории интенсивности как критерию выделения «главного» кина, организующего это поле идентификационных потенций. Показано, что практика составления кинлиста сопровождается рефлексивным «мета-уровнем», свидетельствующим о претензии на объективность и искреннем стремлении к самопознанию, что выводит киннинг за рамки простого фанатского увлечения в область серьезных практик субъективации.

Ключевые слова: кинни-культура, киннинг, кинлист, предикатная неполнота, идентичность, субъект, интенсивность, множественность, философия различия, Жиль Делёз, Людвиг Фейербах, самопознание.

PREDICATE INCOMPLETENESS OF A CHARACTER: WHY DO WE NEED A KINLIST?

Gavrilova V.S., 4th year student
Department of Humanities

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article undertakes a philosophical and anthropological analysis of the phenomenon of kinni culture as a practice of self-description of the subject through identification with characters of popular culture. The concept of predicate incompleteness of a single kin is introduced and justified, which makes it impossible to comprehensively display the "I-concept" through a single character. Based on previous research on the topic and involving the logical and philosophical tradition (L. Feuerbach) and the philosophy of difference (J. Deleuze). Deleuze) proves that the kinlist is not a mechanical set of images, but an identity structure in which the multiplicity of characters compensates for their predicative insufficiency. Special attention is paid to the intensity category as a criterion for identifying the "main" kin that organizes this field of identification potencies. It is shown that the practice of making a kinlist is accompanied by a reflexive "meta-level", indicating a claim to objectivity and a sincere desire for self-knowledge, which takes kinning beyond a simple fanatical hobby into the field of serious subjectivation practices.

Keywords: kinni culture, kinning, kinlist, predicate incompleteness, identity, subject, intensity, multiplicity, philosophy of difference, Gilles Deleuze, Ludwig Feuerbach, self-knowledge.

В данной статье мы стремимся подвести некоторые теоретические основания под феномен множественной идентичности в кинни-культуре. Ключевым понятием в данной области выступает «киннинг». Громов Б.Ю. и Гаврилова Г.В. дают следующее определение: «...в самом обобщенном виде «киннинг» представляет собой практику самонаблюдения и само-

описания через наблюдение сходств себя и персонажа популярной культуры» [2]. «Кин» в данном случае – персонаж, с которым устанавливается тождество по определенным признакам. Киннинг предполагает не столько выбор отдельных черт, сколько признание целостного сродства, при котором граница между «мною» и «персонажем» становится проницаемой и подвижной. Важной особенностью кинни-культуры также является её полиморфность и отсутствие иерархии. В отличие от традиционных практик, где предполагается чёткое различие между священным и профанным, высоким и низким, в кинни-сообществах персонаж из условного «детского мультфильма» может быть столь же значимым объектом идентификации, как и герой «высокой литературы». Более того, один и тот же субъект одновременно может иметь несколько киннов, находящихся в самых разных отношениях друг с другом (от вражды до любовной связи), что не вызывает когнитивного диссонанса, но, напротив, рассматривается как богатство внутреннего мира.

Как правило множественность персонажей-кинов выставляется в социальных сетях в виде упорядоченного визуального списка – «кинлиста». В статье ««Это мой кинлист»: визуальные исследования общероссийской гражданской идентичности молодёжи» даётся следующее определение: «Кинлистом называют цифровой коллаж, на котором в произвольном или специальном порядке собраны изображения персонажей визуальной культуры (чаще всего это коллаж из персонажей мультфильмов)» [3]. Персонажи в данном случае – кины, упомянутые выше. Помимо кино в коллаж также могут включаться и другие визуальные образы, относящиеся к личности субъекта – например, символы разделяемых автором коллажа идеологий, или краткая личная информация в текстовом виде [3]. Совокупность знаков, собранных в единое поле, призвана дать максимально точное представление о личности субъекта, его интересах и взглядах.

Обратимся к исследованию Гришевой Е.М. «Кинни-культура в современном фандомном пространстве». В данной работе был проведён анализ выборки из 100 коллажей. Наибольшее число персонажей в рассмотренном автором материале были взяты из 2D произведений – аниме и мультипликации [1]. На основании этих данных автор утверждает: «Таким образом мы видим аудиторию, которая вовлечена в кинни-культуру – в основном это люди, предпочитающие 2D произведения, преимущественно аниме-фанаты» [1]. Основываясь на процентном соотношении киннов, Гришева Е.М. выдвигает гипотезу о том, что наиболее популярны среди субъектов кинни-культуры второстепенные герои, как более разнообразные в плане характера и личной истории [1].

На уровне эмпирического наблюдения кинлист представляет собой инструмент самопрезентации: пользователь публикует в профиле социальной сети визуальный коллаж, периодически сопровождаемый текстовыми комментариями. Однако, как мы постараемся показать в данном исследовании, подобный перечень образов обладает значительной антропологической и онтологической нагрузкой. Кинлист может быть интерпретирован как структура идентичности.

Множественность кино в рамках кинлиста обусловлена соотношением предикатов, необходимых для полного описания сущности субъекта. Под предикатом здесь, вслед за логико-философской традицией, понимается то, что высказывается о субъекте [7]: характеристика, свойство, отношение, паттерн поведения, ценностная установка, тип темперамента или травматический след. С этой позиции кинлист представляет собой структуру, в которой каждый включённый персонаж вносит свой вклад в пул предикатов-качеств, релевантных для идентичности субъекта. Любой персонаж популярной культуры может быть описан через конечный набор предикатов (смешной, умный, добрый, трусливый и т.п.). Важно, что ни один персонаж, сколь бы глубоко он ни был прописан, не исчерпывает всего спектра качеств, которые могли бы быть значимы для реального субъекта идентификации. Для человека, ищущего в медийном поле отражение собственной личности, подобная неполнота создаёт фундаментальную проблему: кин не покрывает полноценно всех качеств, которые индивид может потенциально обнаружить в себе.

Возникает то, что можно назвать **предикатной неполнотой** любого отдельно взятого кина. Необходимо отметить, что предикаты не могут рассматриваться как некоторые эпифеномены субъекта. Согласно Л. Фейербаху: «Сущность субъекта выражается в его предикатах, предикаты – это истинность субъекта; разница между субъектом и предикатом та же, что между существованием и существом» [6]. Именно посредством соотнесения с существующими предикатами внешнего образа или, более того, наделения его новыми, субъект и устанавливает отношение киннинга.

Необходимость кинлиста прямо вытекает из предикатной неполноты отдельных персонажей. При этом объединение кино в единую систему с целью достижения полного отображения «Я-концепции» субъекта не является упрощенной механической суммой. Как утверждается в статье «Самопознание виртуальной персоны: коммуникативные практики кинни-культуры в связи с антропологией Людвига Фейербаха» в связи с рассмотрением кинлистов: «...кин имеет, во-первых, интенсивность, то есть выражает черту в большей или меньшей степени, может быть главным или второстепенным, во-вторых, сама идентичность (практика «я кинню...») обладает некоторым мета-уровнем, в котором может присутствовать самооценка самовыражения» [2]. Остановимся подробнее на двух этих пунктах.

В рамках данного исследования понятие «интенсивность» предлагается понимать в контексте философии Ж. Делёза. В работе «Различие и повторение» автор разводит интенсивность и экстенсивность: если экстенсивные величины (например, протяжённость или длительность) допускают деление без изменения рода, то интенсивность, напротив, «неделима без того, чтобы не измениться по природе». Иными словами, уменьшить интенсивность наполовину – значит перейти в иное качественное измерение. «Интенсивность – форма различия как причины чувственного» – утверждает Делёз [4]. Интенсивность не просто не равняется экстенсивным величинам, но предшествует им. Онтологическая разность в потенциалах, согласно Делёзу, изначально присутствует в таких явлениях как скорость, температура, давление и т.д. Только акт протягивания и измерения разрешает внутреннюю разность, что, в свою очередь, и становится причиной появления экстенсивности как таковой [5].

В рамках анализа кинни-культуры понятие интенсивности необходимо для пояснения существования «главного» или «высшего» кина. Если кинлист в целом представляет собой перечень персонажей, то главный (высший) кин занимает в этом перечне особое положение. Это не просто первый в хронологическом порядке или наиболее часто упоминаемый образ. С позиции субъекта кинни-культуры его скорее можно описать как «самого глубокого». Или, более точно: наиболее интенсивного.

Ж. Делёз выделяет три свойства интенсивности, которые являются правомерными категориями при анализе кино и их соотношения внутри одного кинлиста. В первую очередь: включение в себя неравного [4]. Интенсивность подразумевает наличие внутреннего различия в феномене, противоречие, разность потенциалов. Главный кин, выделяющийся по принципу наиболее близкого родства с субъектом, тем ближе к тому чтобы описать человека, чем он сложнее. Личность, существующая в реальном мире, не может быть зафиксирована как некоторая экстенсивная величина – человек переменчив, противоречив, подразумевает некоторые внутренние перепады и колебания. Соответственно, плоский персонаж, включающий несколько простых черт, лишенный противоречий и некоторой «глубины» находится недостаточно близко к тому, чтобы стать полноценным портретом живого субъекта. Заключенное в образе кина неравенство, внутреннее напряжение, заложенные конфликты приближают его к опыту реального человека. И, тем самым, делают отношение более интенсивным.

Во-вторых, интенсивность, по Делёзу, означает утверждение различия, а не его снятие [4]. Идентификация с кино не есть акт подражания или стремление к полному слиянию, а, напротив, «утверждение различия», которое запускает процесс индивидуации, то есть становления собственного «я» через этого персонажа. Главный кин естественным образом оказывает наибольшее влияние на субъекта. Третье свойство Делёз выводит из двух предыдущих: он утверждает, что интенсивность является имплицитным количеством [4]. Как часть

человеческого «я» кин является, с одной стороны, ограниченной точкой на общей схеме, но в то же время потенциальный процесс интерпретации его субъектом и взаимодействия с ним закладывает возможность развертывания. Что, в свою очередь, также является важной частью становления «я», процесса индивидуализации.

Интенсивность – величина, которую нельзя изменить, не изменив при этом её природу. Каждый отдельный кин в рамках кинлиста различается не количественно, но качественно. Субъект устанавливает отдельное отношение с каждым кином и градация между высшим и рядовым является качественным скачком. Соответственно, говорить о иерархии в данном случае затруднительно. Скорее главный кин задаёт интенсивный центр представленной множественности и организует представленное поле идентификационных потенций.

Наличие в отдельных форматах кинлистов категорий, а также сопутствующая кинни-культуре коммуникация также позволяют нам говорить о упомянутом выше «мета-уровне», где присутствует самооценка личности субъекта. Возвращаясь к статье Б.Ю. Громова и В.С. Гавриловой, исследователи формулируют это следующим образом: «...идентичность выраженная «кином» существует не только как черта, свойство, например «храбрость», «стыдливость», но также на метауровне как моральное отношение к своим свойствам и к себе» [2]. Данное явление зафиксировала также Е.М. Гришева: в ряде случаев субъект устанавливает кинниниг именно на основе чувства стыда за собственные качества [1]. Таким образом мы можем убедиться в том, что кин выходит за рамки категории «любимый персонаж» или «образец для подражания». Также это признак некоторой претензии на объективность [1] в кинни-культуре и показатель искреннего стремления к самопознанию её субъектов. Соответственно интерпретация кинлиста как философского феномена через призму соотношения интенсивностей между кинами и присущими им предикатами подтверждает выводы предшествующих исследований кинни-культуры.

Список литературы

1. Гришева Е.М. Кинни-культура в современном фандомном пространстве // Век информации (сетевое издание). 2022. Т. 6, № 3(20). С. 1-10.
2. Громов Б.Ю., Гаврилова В.С. Самопознание виртуальной персоны: коммуникативные практики кинни-культуры в связи с антропологией Людвига Фейербаха // Философская мысль. 2025. № 7. С. 108-126.
3. Громов Б.Ю., Шмелева Н.В., Абрамычев М.М. «Это мой кинлист»: визуальные исследования общероссийской гражданской идентичности молодёжи // KANT: Social Sciences & Humanities. 2026. № 1 (25). С. 54-61.
4. Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской; науч. ред. Н.Б. Маньковская. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с.
5. Саяпин В.О. Повторение и различие: философия Жюль Делеза в свете учения Жильбера Симондона // Философия и культура. 2025. № 11. С. 113-140.
6. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 940 с.
7. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.

УДК 82-2

**МОТИВ УЗНАВАНИЯ В ПЬЕСАХ К. ГУЦКОВА
«РИЧАРД СЕВЕДЖ» И А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»**

Чепаксова Ю.А., студент 3 курса

Факультет гуманитарных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу мотива узнавания в драмах К. Гуцкова «Ричард Севедж» (1839) и А.Н. Островского «Без вины виноватые» (1883) в контексте русско-немецких литературных связей XIX века. Теоретическую основу исследования составляют интертекстуальный подход А. Веселовского, прагматическая теория мотива И. Силантьева и аристотелевская концепция анагнорисиса. При рассмотрении отдельных эпизодов, раскрывающих национальный характер героинь, выявляются сюжетные схождения и кардинальные различия в идейном наполнении мотива узнавания. Делается вывод о национальной специфике трактовки данного мотива, определяющей принципиально разную финальную развязку.

Ключевые слова: мотив узнавания, К. Гуцков, А. Островский, «Ричард Севедж», «Без вины виноватые», русско-немецкие литературные связи, сравнительный анализ.

**THE MOTIF OF RECOGNITION IN K. GUTZKOW'S
«RICHARD SAVAGE» AND A.N. OSTROVSKY'S «GUILTY WITHOUT GUILT»**

Chepaksova Yu.A., 3rd year student

Department of Humanities

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article presents a comparative analysis of the recognition motif in K. Gutzkow's «Richard Savage» (1839) and A.N. Ostrovsky's «Guilty Without Guilt» (1883) in the context of Russian-German literary relations of the 19th century. The theoretical framework includes A. Veselovsky's intertextual approach, I. Silantiev's pragmatic theory of motif, and Aristotle's concept of anagnorisis. Through examining key episodes that reveal the national character of the heroines, common plot parallels and fundamental differences in the ideological content of the recognition motif are identified. The conclusion is drawn about the national specificity of the interpretation of this motif, which determines radically different denouements.

Keywords: recognition motif, K. Gutzkow, A. Ostrovsky, Richard Savage», «Guilty Without Guilt», Russian-German literary relations, comparative analysis.

Творчество К. Гуцкова (1811–1878), главного представителя движения «Молодая Германия», долгое время оставалось на периферии отечественного литературоведения, несмотря на его значимость для европейской драматургии. В случае с пьесами «Ричард Севедж» (1839) и «Без вины виноватые» (1883) А. Островского научный интерес ограничивался констатацией сюжетных совпадений, тогда как ключевой мотив узнавания не рассматривался как смыслообразующее ядро. В статье целостный анализ мотива в контексте русско-немецких литературных связей XIX века.

Мотивный анализ, являясь одним из ключевых инструментов сравнительного литературоведения, предполагает два взаимодополняющих подхода: интертекстуальный и прагматический. Интертекстуальный подход, восходящий к трудам А. Веселовского, который определял мотив как «простейшую повествовательную единицу», исторически устойчивую и повторяющуюся в различных текстах [2], позволяет выявить общую сюжетную основу в произ-

ведениях разных национальных литератур. Прагматический подход, разрабатываемый в работах И. Силантьева, смещает фокус на функционирование мотива в конкретном художественном контексте; мотив здесь понимается как единица художественной семантики, чье значение рождается и меняется в зависимости от авторского замысла и культурного фона [9].

Мотив узнавания имеет глубокие корни в теории драмы и восходит к «Поэтике» Аристотеля. Античный философ определяет узнавание (греч. *anagnorisis*) как «переход от незнания к знанию», который, будучи соединён с перипетией, создаёт драматический эффект; различает менее художественные виды узнавания (по приметам, предметам) и более совершенные, возникающие из логики самих событий [1, с. 53]. Данная типология позволяет классифицировать способы узнавания в анализируемых пьесах: у Островского узнавание происходит по классической «примете» (амулет), у К. Гуцкова же оно в большей степени вытекает из самого хода событий и долгое время остается односторонним.

Литературоведами подчёркивается связь «Без вины виноватых» с драмой К. Гуцкова «Ричард Севедж», на что, в частности, указывают Т. Вознесенская [3] и один из первых исследователей драматурга Н. Кашин [5]. И. Овчинина, однако, считает, что это лишь отдельные переклички, а не заимствования [6]. Другого мнения был и литературовед А. Ревякин, который утверждал, что «отдельные внешние совпадения в сюжетах и характерах обусловлены сходством социально-экономических условий, духом эпохи, общностью основных человеческих проявлений и взаимоотношений, переходящих из века в век (любовь, материнство), и не могут рассматриваться как литературные заимствования» [3].

Несмотря на научные споры, сам факт знакомства А. Островского с драматургией К. Гуцкова не вызывает сомнений. В пьесе «Таланты и поклонники» А. Островский упоминает пьесу «Уриель Акоста», которая принесла всеобщую известность К. Гуцкову. Это происходит в пятом явлении первого действия пьесы, когда князь Дулебов спрашивает у актрисы Александры Негиной как называется пьеса, в которой она последний раз играла, и Негина отвечает: «Уриель Акоста». На творчество К. Гуцкова русский драматург ссылается и в комедии «Без вины виноватые», где во втором действии между Дудукиным и Кручининой происходит следующий диалог:

Дудукин. Как вы верно передали чувство матери!

Кручинина. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Дудукин. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить, если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

Кручинина. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Дудукин. Значит, лавры-то не дешево достаются?

Кручинина. Лавры-то потом, а сначала горе да слезы.

Дудукин. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это отчаяние...

Кручинина. И я была матерью, и я также видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком [7].

Анализ пьес на основе отдельных эпизодов позволяет выявить структурные сходства произведений и принципиальное идейное различие мотива узнавания у писателей как представителей своих стран.

В обеих пьесах возникает ситуация ходатайства за судьбу сына перед лицом власти. У А. Островского инициатива исходит от самой матери. Еще не зная о кровной связи, Кручинина из милосердия вступает за незнакомого актера Незнамова, которому грозит наказание за пьяный скандал. У К. Гуцкова ситуация обратна. Когда Ричард Севедж осужден на казнь за убийство, заступничество исходит от актрисы мисс Элен. Сначала она умоляет леди Микельсфильд обратиться к королеве с просьбой о помиловании, но та отказывается, заявляя, что это результат честолюбия героя и его стремления заполучить себе «мать из высших кругов общества» [4].

И леди Микельсфильд, и Кручинину обманывают, утверждая, что их ребенок умер, между тем как он жив. Обе героини узнают правду о своем сыне от той женщины, которой он был отдан на воспитание. Героиня К. Гуцкова узнает об этом, придя в дом сапожника Томса и его жены Китти. Она расспрашивает у хозяйки дома о том, как ее мать, леди Мазон, оставила им ее сына, и куда он делся после. Она не хотела верить, что мать ее обманула. Героиня же А. Островского узнает это от мещанки Галчихи, некогда воспитывавшей ее сына, а теперь просящей милостыню. Кручинина просит ее показать могилу сына, на что старуха признается, что мальчик выздоровел, и после женщина за деньги отдала его бездетной паре.

Реакция Кручининой на появившегося сына прямо противоположна реакции леди Микельсфильд. Русская героиня ни на минуту не сомневается в том, что Незнамов ее сын, и принимает его с нежностью и материнской любовью. Она узнает сына по золотому амулету, который он показывает в своем монологе о брошенных детях. Незнамов падает на колени и не может поверить в то, что «он теперь ребенок», и кричит, восклицая «Матушка! Мама, мама!» [7]. Произведение завершается радостным и чувственным воссоединением матери и сына. В этом финале «доброта, любовь, соединенные с умением страдать и терпеливо переносить испытания, вознаграждаются (в соответствии с народными этическими представлениями) обретением утраченной семьи» [6].

У К. Гуцкова сцена узнавания выстроена иначе. В комнату к леди Микельсфильд является Севедж и рассказывает всё, что он недавно узнал о своем происхождении: «У вас был сын, названный в честь отца – Ричардом... Леди Мазон, ваша мать, из сострадания к вам и ребенку, отдала его на воспитание честному учителю в Сен-Албане... Лорд Риверс скончался, леди Мазон тоже, а Ричард попал к бедным людям, которые воспитали его, а не похоронили... не похоронили, миледи, вам больше не надо считать вашего Ричарда мертвым – он жив, он у ног своей матери! (Падает к ее ногам)» [4]. Микельсфильд не признает сына и приказывает ему убираться из ее дома, называя мошенником. Леди Микельсфильд, в сердце которой молчит материнское чувство, не только презирует своего сына, но даже в конце концов начинает ненавидеть его и таким образом становится источником всех его несчастий. Финал произведения трагичен: прошло много лет, Севедж прожил остаток дней бедняком. После объяснения с Китти леди Микельсфильд восклицает: «Это был мой сын!». Героиня произносит финальную речь, полную позднего, бесплодного раскаяния, и опускается у ног мертвого сына: «Сын мой, зачем ты умер в тот миг, когда смягчилось мое жесткое сердце и когда я могла бы любить тебя!» [4]. Важно отметить, что сам К. Гуцков в 1840 году переделал последний акт, завершив пьесу раскаянием и признанием сына. Однако это примирение запоздалое, на пороге смерти, что коренным образом отличает его от чувственного и радостного воссоединения у А. Островского.

Героини составляют полную противоположность друг другу. Гордость леди Микельсфильд, ее холодность и бездушие даже по отношению к собственному сыну сменяются у Кручининой беспредельным радушием и приветливостью, готовностью прийти на помощь к любому. Принципиальное различие обнаруживается и в самой природе образов. Как убедительно показывает Д. Рыбакова, Кручинина у А. Островского фигура «идеальная» и «эпическая». Исследовательница отмечает, что «благородство и цельность характера, абсолютная «положительность», безусловная вера в провидение, а главное – эпическая самодостаточность характеризуют Кручинину как драматического персонажа» [8]. В отличие от других «высоких» героинь А. Островского (Катерины, Ларисы), ей не свойственна саморефлексия, конфликта между чувством и разумом у нее не возникает. Эта цельность и отсутствие внутренней борьбы роднят ее с архаическими, эпическими персонажами, чья идентичность дана изначально. Сюжет пьесы строится не вокруг изменения ее характера, а вокруг восстановления утраченной гармонии по классической эпической схеме «потеря — поиск — обретение» [9].

Леди Микельсфильд у К. Гуцкова конструируется по совершенно иным законам. Ее образ глубоко социален, она – порождение заостренного аристократического общества. Ее характер раздвоен: в ней борются сословная гордость и заглушенное, но не исчезнувшее полностью материнское чувство. Образ леди Микельсфильд сложен и трагичен. Обманутая в

юности, она ожесточилась и заменила растоптанные чувства холодностью. Ее холодность и жесткость заставляет относиться к ней уважительно даже врагов, но делает ее саму несчастной – одинокой, не знающей тепла, никем не любимой [10]. В отличие от Кручининой, для которой искусство – форма самореализации и служения, леди Микельсфильд далека от творчества; она принадлежит к миру, который отвергает и губит талантливого сына-поэта.

Таким образом, К. Гуцков создаёт социально-психологическую трагедию в русле младогерманского критического пафоса, обнажая неразрешимый конфликт между естественным чувством и законами аристократического общества. Сословные предрассудки убивают материнскую любовь, финал трагичен и необратим. А. Островский же создаёт психологическую драму-комедию, где личность, несмотря на страдания, обретает спасение в силе подлинных человеческих чувств. Один и тот же мотив узнавания служит у двух драматургов разным художественным задачам: у К. Гуцкова для демонстрации социальной несправедливости, конфликта личности и аристократического общества, у А. Островского для утверждения внесловной ценности милосердия и силы материнской любви.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / пер., введ. и примеч. Н.И. Новосадского. Л.: Academia, 1927. 120 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / сост., коммент. В.В. Мочаловой; вступ. ст. И.К. Горского. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
3. Вознесенская Т.И. Поэтика мелодрамы и художественная система А.Н. Островского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1997. 190 с. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pojetika-melodramy-i-hudozhestvennaja-sistema-a-n-ostrovskogo.html> (дата обращения: 24.12.2025).
4. Гуцков К.Ф. Гуцков: пьесы: пер. с нем. / ред. Т.А. Путинцева. М.: Искусство, 1960. 656 с.
5. Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1912. 320 с. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/977/pages/63> (дата обращения: 23.12.2025).
6. Овчинина И.А. А.Н. Островский: энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. 657 с.
7. Островский А.Н. Без вины виноватые: [сборник]. М.: АСТ, 2023. 352 с.
8. Рыбакова Д.А. Кручинина как героиня русского театрального мифа // Временник Zubovskogo института. 2016. № 1-2 (16-17). С. 40-46.
9. Силантьев И.В. Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с. (Язык. Семиотика. Культура).
10. Терентьева Д.В. Карл Фердинанд Гуцков в России: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М., 1999. 184 с.

УДК 82-32

«ЯЗЫК ЦВЕТОВ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «ФАЛУНСКИЕ РУДНИКИ»

Иванова Е.Ю., студент 3 курса
Факультет гуманитарных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Изучение флоропоэтики в художественном мире Э.Т.А. Гофмана позволяет увидеть, как природа становится одним из главных символов произведения. Именно благодаря различным растениям читатель может на более глубоком уровне понять смысл сюжета «Фалунские рудники», концепцию, а также идею художественного текста. Обращаясь к «языку цветов», Э.Т.А. Гофман в новелле подчеркивает значимость двоемирия, которое заключается в смысловых контрастах между реальным миром и фантастическим. Цветок, как

элемент произведения, позволяет глубже понять замысел самого художественного текста, обращая внимание не только на диалоги и монологи героев, но и на их эмоции и действия, а также на визуализацию внешнего мира.

Ключевые слова: Гофман, двоемирие, символ, цветы, флоропоэтика.

«THE LANGUAGE OF FLOWERS» AND ITS MEANING IN E. T. A. HOFFMAN'S NOVEL «THE FALUN MINES»

Ivanova E. Yu., 3rd year student

Department of Humanities

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The study of floropoietics in the artistic world of E.T.A. Hoffman allows us to see how nature becomes one of the main symbols of the work. It is thanks to the various plants that the reader can understand the meaning of the «Falun Mines» plot, the concept or idea of a literary text on a deeper level. Turning to the «language of flowers», E.T.A. Hoffman in the novel emphasizes the importance of a two-world, which consists in semantic contrasts between the real world and the fantastic. The flower, as an element of the work, allows you to better understand the meaning of the artistic text itself, paying attention not only to the dialogues and monologues of the characters, but also to their emotions and actions, as well as to the visualization of the outside world.

Keywords: Hoffmann, duality of the world, symbol, flowers, phloropoetics.

Э. Т. А. Гофман (1776 – 1822) – немецкий писатель-романтик начала XIX века. В его творчестве значимым является «язык цветов», и автор через него хочет донести до читателей интерес к символическим значениям природы, влияющим на человека [5]. Образы цветов у Гофмана часто перестают быть только деталями пейзажа, они дают возможность более глубоко понять сюжет, представить внутренний мир персонажей.

Изучение «языка цветов» в картине мира Гофмана требует обращения к исследователям флоропоэтики, уделявшим особое внимание символическим значениям природы, раскрывающим своеобразие флористики в произведениях отечественных и зарубежных авторов. К. И. Шарафадина в монографии «Селам, откройся! Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы» дает определение флоропоэтологии как особых «устремлений писателей при обращении к флоросимволике, и попытка создания целостного, систематического учения о гене зиме и филиации растительно-цветочных символов» [6]. Соответственно и флоропоэтика – это особая область литературоведения, позволяющая понять «зашифрованный язык».

«Образы растений – это большая система внутри еще большей архитектоники образов природы, представляющая собой инструментарий большой «структуры чувства» в литературе XIX в., это зашифрованный язык аффекта, самых разнообразных эмоций и чувств; посредством этого языка автор завуалированно выражает то, что выразить невозможно или очень сложно», – именно так пишет С. Г. Горбовская в монографии «Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы» [2]. Растения в литературе – это не просто детали фона, а сложная, систематизированная символическая система, тайный язык для выражения глубоких, часто невыразимых словами, человеческих переживаний.

В статье Н. М. Ильченко «Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого» дано указание на связь художественного мира Гофмана с натурфилософией Ф. Шеллинга [4]. Цитата Шеллинга точно раскрывает онтологический статус растительного образа в романтизме: «растение – не декорация, а форма «вечного бытия», равная в своей реальности произведению искусства: «Произведениям искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколе-

ния и растения, обладая одновременной индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [7]. Это поднимает «язык цветов» от уровня частного приема до уровня универсальной мифопоэтической категории.

Г. Гачев, рассматривая специфику германского образа мира, называет растение «гарантией истины» и «укорененным» языком, связывает данный феномен с особенностями германского образа мира [1]. «Растительный орнамент действительности» – метафора, описывающая гофмановскую поэтику, где флористические образы не просто включены в мир, но структурируют его, становясь каркасом для фантастического и реального.

Язык цветов в художественных текстах Э. Т. А. Гофмана реализуется при помощи отдельных цветков – роз, лилий, фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, но также он может быть представлен и с помощью создания цветочных композиций из живых растений – букетов, и при описании полей и лугов, усеянных множеством полевых цветов.

Э. Т. А. Гофман рассматривал природу как живой организм, поэтому цветы и растения наделены в его произведениях особым символическим значением. Цветы в новеллах немецкого романтика могут приобретать особый смысл в концепции двоемирия – мира земного и мира идеального, где образы растений являются спутником героя, ключом к тайнам и загадкам.

Новелла «Фалунские рудники» входит в цикл рассказов Гофмана «Серапионовы братья» (1819 – 1821). Свои произведения рассказывают друг другу друзья; прослушанные истории они комментируют, размышляют об особенностях создания текста; формулируют так называемый «серапионов принцип». Этот принцип предполагает необходимость включения образа, возникшего в воображении художника, в реальную жизнь. образу придается чувственная зримость, которая и позволяет читателю тоже отчетливо его представить в своем воображении. Связь с земным миром – обязательная составляющая художественного мира Э.Т.А. Гофмана. Характеристиками «серапионова принципа» являются еще мистификация и неопределенность, создающие атмосферу таинственности и загадочности. Историю о рудниках Фалуна рассказывает Теодор, поясняя, что сюжет заимствовал из одного из преданий Фалунского рудокопа, но развил его и придал мрачный колорит.

Новелла «Фалунские рудники» погружает сразу в несколько миров. Один из них – земная жизнь, которая с самого детства предстает перед главным героем в образе моря. Отец Элиса Фребема «служил штурманом и погиб во время той самой бури, от которой сам герой спасся чудесным образом» [3]. Братья Элиса погибли на войне, оставалась только мать, за которой он ухаживал. Герой Гофмана отправляется на морскую службу, надеясь таким образом больше заработать и «с деньгами в карманах» скорее отправиться в домик к матери, но не успел.

Прочитав завязку произведения, каждого может тронуть грустная история молодого человека: Элис Фребем потерял не только своих родных, но и себя. Ему ничего не доставляло удовольствие, он не знал, куда ему деться пока не встретил старого рудокопа, а затем и Уллу Дальсе: «Он забыл все ужасы адского ущелья, поразившие его утром, и думал только о прекрасной Улле, которую будет видеть каждый день, с которой будет жить под одною крышей. Восторг и счастье наполняли его душу, открывая вместе с тем путь и дальнейшим сладким надеждам» [3]. Сначала Элис даже не хотел работать под землей, боялся навсегда лишиться солнца, которое он так часто видел на корабле в море. Он согласился на работу в Фалунских рудниках только из-за Уллы: она помогла Элису вернуться к жизни, пусть уже и другой.

В тексте явно представлено двоемирие. Элису приснился необычный сон, в котором значимыми являются образы сказочных цветов и деревьев, «сверкавших металлическим блеском листьев, переливавшихся всеми цветами радуги», они росли под землей, «на светлой хрустальной поверхности»: «Дно было так прозрачно, что Элис ясно различал корни этих цветов и деревьев, а под ними, вглядываясь еще пристальнее, увидел множество прелестных улыбающихся женских фигур, державшихся друг за друга белыми, сияющими руками. Он видел, что деревья и цветы вырастали из их сердец, и когда они улыбались, то звонкие пере-

ливы их смеха отдавались под нависшим сводом звуками чудной, чарующей музыки, а металлические цветы и деревья росли все выше и выше, сплетаясь ветвями. Какое-то странное чувство счастья и вместе с тем боли охватило его сердце; жажда любви, страсти, бурных желаний вдруг закипела в его душе» [3]. Этот фрагмент – настоящее видение подземного царства. Сон – своеобразное представление души земли, ее скрытых богатств и красоты. Гофман оживляет цветы и деревья с металлическим блеском, превращая их в таинственный сад. Женские фигуры в глубине – это хранительницы подземных недр, именно они являются первоисточником всего земного: растения растут именно из их сердец. Сон становится значимым моментом в судьбе главного героя, определяя его дальнейшую жизнь и трагический конец. Он ведет к физической гибели в земной жизни, но и к единению с идеалом: Элис ищет «царицу горы», чтобы воссоединиться со своей матерью. Главный герой вновь видит «зачарованный сад металлических цветов и деревьев» [3], он понимает, что именно в Фалунских рудниках и заключается его предназначение. Элис желал найти сверкающий алмаз в земных недрах. В день свадьбы он один спускается в подземелье, чтобы преподнести этот камень Улле в подарок, потому что на нем «вырезана ожидающая их судьба» [3].

Финал новеллы трагичен, как и судьба главного героя. Элис Фребем погиб в шахте: его настиг обвал и похоронил заживо под землей. Его невеста пронесла верность Элису через всю жизнь. Через пятьдесят лет был найден окаменелый труп молодого рудокопа, и старая старушка на двух костылях узнала своего «милого жениха» и умерла рядом с ним.

В мире людей ничто не вечно, кроме Фалунских рудников: спустя десятки лет Элиса находят, но черты его лица остаются все теми же, будто они замерли и в мире ничего не происходило и не двигалось: «Молодой человек, казалось, спал глубоким сном; так свежо сохранились черты и краски его лица, одежда рудокопа, и даже букет цветов на груди» [3]. Примечательно, что сохранился еще и букет цветов, который показывает читателю связь между реальным миром и миром подземелья. Он не истлел, а наоборот, букет будто бы подвергся магическому воздействию царства тех самых минералов, цветов и деревьев с металлическим блеском из сна Элиса. Гофман не называет цветы, из которых состоял букет, но они становятся символом настоящей любви Уллы и Элиса. Главный герой так и остался между двумя мирами – именно в рудниках сохранилась его молодость и красота точно так же, как и земной букет. В этом и выражается главная идея новеллы – воплощение романтического идеала в подземном мире, где происходит слияние человека с природой, которая дает ему молодость в вечности.

История, представленная Теодором, помогает узнать о существовании Фалунских рудников, а самое главное – заставляет задуматься над идеалами и целями, над связью природы и человека и осознать значимость вмешательства потусторонних таинственных сил в судьбы людей.

Таким образом, сказочные цветы подземного мира и сохранившийся нетленным букет представлены как символ, имеющий сюжетообразующее значение. Собирательный образ цветов в едином букете, который спустя пятьдесят лет сохраняет свою красоту и естественность, воплощает романтический идеал, связывает природу и человека в единое целое. «Язык цветов» в «Фалунских рудниках» служит одним из главных инструментов для воплощения идеи двоемирия, становясь проводниками из реального мира в идеальный.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 855 с.
2. Горбовская С.Г. Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2021. 35 с.
3. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений. Том 1. Серапионовы братья. Роман, части 1 и 2 / художник А. Машезерская. СПб.: Золотой Век, 1994. 512 с.

4. Ильченко Н.М., Чернышева Е.Г. «Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 7. С. 256-275.

5. Цимбалюк А. Эрнст Теодор Амадей Гофман: 250 лет со дня рождения // Музыкальное обозрение: [сайт]. URL: <https://muzobozrenie.ru/jernst-teodor-amadej-gofman-250-let-so-dnja-rozhdenija/> (дата обращения: 02.03.2026).

6. Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропoeтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.

7. Шеллинг Ф. Философия искусства / перевод с немецкого П.С. Попова. М.: Мысль, 1999. 608 с.

УДК 82-31

МОТИВ «ПРОКЛЯТОГО ЗОЛОТА» В ТРИЛОГИИ С. ЛАГЕРЛЁФ «ПЕРСТЕНЬ ЛЁВЕНШЁЛЬДОВ»

Власова Е.А., студент 3 курса
Факультет гуманитарных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Произведения С. Лагерлеф нераздельно связаны с древним народным творчеством. Мифологический и фольклорный контекст трилогии составляют в первую очередь скандинавская мифология, исландские саги, героические песни «Старшей Эдды», народные легенды и семейные предания, а также универсальные мотивы, искусно трансформированные, интерпретированные и вплетенные в канву произведения, отвечающие духу неоромантической литературной традиции. В статье рассматриваются мотивы «проклятого золота» и кольца, которые пронизывают все части трилогии и занимают важное место в сюжетно-образной системе романа. На материале трилогии анализируется трансформация данных мотивов, их переосмысление автором.

Ключевые слова: С. Лагерлеф, мотив «проклятого золота», скандинавский фольклор.

THE «CURSED GOLD» MOTIF IN S. LAGERLOF'S TRILOGY «THE LÖVENSKJÖLD RING»

Vlasova E.A., 3rd year student
Department of Humanities

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. S. Lagerlöf's works are inextricably linked with ancient folklore. The trilogy's mythological and folkloric context is primarily comprised of Scandinavian mythology, Icelandic sagas, the heroic songs of the Elder Edda, folk legends and family traditions, as well as universal motifs skillfully transformed, interpreted, and woven into the fabric of the works, in keeping with the spirit of the neo-Romantic literary tradition. This article examines the motifs of «cursed gold» and the ring, which permeate all parts of the trilogy and occupy a significant place in the novel's plot and imagery. Using the trilogy as a basis, the author analyzes the transformation of these motifs and their reinterpretation.

Keywords: S. Lagerlöf, the «cursed gold» motif, Scandinavian folklore.

Начиная с первой трети XIX века, во всех европейских странах появляется стойкий интерес к народному творчеству как источнику литературного творчества. С. Лагерлеф (1858 – 1940), которая поддерживала данную тенденцию, включает в свое творчество древние предания и легенды Швеции. Самым ярким тому примером является сказочная повесть «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906), ко-

торая представляла собой пособие, показывающее детям географию их родного края. Многие предания и легенды, описываемые в сказке, позаимствованы из книги Х. Хофберга «Шведские народные предания» (1884), например, о Фалунском руднике или о троллихе Исеттер-Кайсе. Однако, сказка о мальчике, который путешествовал с гусями, это не единственное произведение, написанное С. Лагерлеф, включающее в себя обширный фольклорный пласт. Трилогия «Лёвеншёльды» (1920-1928) не является исключением: предания, интерпретированные автором, хотя в романе и не играют главной роли, однако делают картину мира своеобразной и неповторимой. Первый роман трилогии С. Лагерлеф «Перстень Лёвеншёльдов» (1925) изображает Швецию XVIII – XIX веков. В нем важную функцию выполняют народные предания, сюжеты которых автор преобразовывает и переосмысляет.

Первая часть трилогии о Лёвеншёльдах ориентируется на фольклорный жанр демонического рассказа и реализует характерную для него систему мотивов [1]. Мотив проклятого золота – «один из самых архаических мотивов героического эпоса германского народа» [1] который встречается в эддической поэзии, англосаксонском и немецком эпосе.

В центре сюжета находится кража и потеря золотого перстня генерала Бенгта Лёвеншёльда. Призрак начинает преследовать и насылать несчастья на каждого, кто завладеет кольцом. Первым оказался крестьянин Борд Бордссон. Изначально мужчина не планировал присваивать кольцо, а наоборот, хотел проследить, чтобы его никто не украл. В тексте делается акцент на том, что крестьянином овладела нечистая сила, которая и толкнула его на этот поступок: «Растерянные и нерешительные, стояли они, уставившись на черный, зияющий пролом. Им бы пойти теперь домой, но нечто таинственное, нечто такое, чего никто из них не осмеливался назвать своим именем удерживало их на кладбище» [2]. Нечистой силой оказывается алчность, которую не могли в себе признать крестьяне, пытаясь оправдать свой поход на кладбище добрыми намерениями. «Они подняли крышку и теперь уже не в силах были сдержать алчность. Им не терпелось овладеть сокровищем. Они сорвали перстень с истлевшей руки и, не проронив ни единого слова, потихоньку выбрались из могилы» [2]. Череда ужасных событий в их жизни начинается мгновенно: по пути домой они замечают, что их дом горит. Затем, «пала скотина», мороз опустошил пашни, из-за чего Борд обнищал. Его жена, не справившись с трудностями, которые выпали на долю их семью, совершает самоубийство. Бордссону приходится переехать в хижину в глубоком лесу. Та же нечистая сила охватывает и сына крестьянина – Ингельберта. Он, узнав историю кольца, и то, что украшение находится в доме его отца, решает завладеть сокровищем. Героя одолевает жадность, которой он не может противостоять, что приводит к неожиданной смерти. «Ивар никак не мог понять, отчего Ингельберт упал и умер: ведь ничья рука не коснулась его» [2]. Ингельберту мерещится генерал, хозяин украденного перстня, о котором рассказал Борд. Страх возмездия оказался невыносимым для молодого человека, в результате чего он падает замертво. Причем, стоит отметить, что и сам Лёвеншёльд действует из-за порыва алчности, а не, к примеру, ненависти или желания мести. Труп парня находят трое крестьян, и кольцо случайно попадает к ним, что также приносит им несчастья. Их начинает подозревать в краже кольца ротмистр Лёвеншёльд и в итоге крестьян казнят. Затем кольцо попадает снова в поместье Хедебю, жителей которого и будет преследовать Генерал. Перстень для самого генерала Лёвеншёльда был символом уважения короля к собственным заслугам перед страной. Несмотря на противоречивую политику Карла XII, генерал все равно был ему верен, поэтому и хотел, чтобы кольцо было похоронено вместе с ним. Н.Н. Бедина в своем исследовании обращает внимание на то, что «в архаической культуре сакраментальная значимость металлов проявлялась в том, что они служили отличительным знаком социального статуса, авторитета и доблести» [1]. Следовательно, если человек и терял драгоценный дар, то вместе с ним счастье и успех. Кольцо в первой части трилогии проделывает длинный путь, развивая сюжет и связывая героев, раскрывая их скрытые желания.

Золото занимало воображение скандинавов в эпоху раннего Средневековья, из-за чего оно имеет большое количество наименований. Например, его называют «лиственной Гласира», так как у ворот Вальхаллы растет роща Гласир с лиственной золотого цвета, или «волосами Сив»,

так как у жены Тора были именно золотые волосы, которые создали для нее карлы, сыновья Ивальди [4]. В «Младшей Эдде» есть рассказ про одного из древних конунгов – Хрольва Жердинку, который проучил шведского конунга Адильса за алчность. Адильс попросил помощи у Хрольва и обещал одарить берсерков золотом и кольцом «Свейская свинья» в знак благодарности, но не сдержал слова. Тогда Жердинка заполучил эти сокровища сам, благодаря Ирсе, и бросил к ногам шведского конунга кольцо, которое тот принял. Когда Хрольв увидел это, сказал, что заставил самого могучего из шведов склониться перед свиньей. Золото с тех пор стало называться «посевом Хрольва», олицетворяющим жадность [3].

Проклятье перстня генерала приводит к гибели Борда Бордссона, Ингильберта из-за совершенного ими греха. К тому же несправедливо казнят трех уважаемых крестьян, которые были впутаны в историю с кольцом. Золото в трилогии предстаёт как испытание человеческой души. Оно не является злом само по себе, но обнажает его, уже существующее в человеке. Генерал Лёвеншёльд при жизни был честолюбив и горд – перстень лишь закрепил эти качества. Борд Бордссон не был злодеем, но алчность, пробуждённая золотом, привела его к преступлению. Справиться с этим удастся лишь Мальвине Спаак, которая действует согласно своим чувствам, ее единственным желанием было спасти молодого барона Адриана, так же в этой «победе» немалую роль сыграла Марит Эриксдоттер, которая потеряла из-за романиста Лёвеншёльда трех самых близких людей. В конце первой части Марит преодолевает свое желание мести и, видя искренние чувства Мальвины по отношению к Адриану, помогает Лёвеншёльдам справиться с болезнью молодого барона и призраком генерала.

Мотив «проклятого золота» выполняет и сюжетообразующую функцию. Кража перстня начинает ряд событий, охватывающих более ста лет. Кольцо связывает все части трилогии, однако мотив «перстня» трансформируется во второй книге в мотив «родового проклятья»: кольцо было возвращено хозяину, но несчастья семьи не закончились. Однако герои периодически вспоминают утерянное когда-то сокровище, связывают его и Генерала с несчастьями, выпавшими на долю молодых поколений семьи. История с перстнем «выстраивает» кольцевую композицию: начинается трилогия и заканчивается историей про драгоценность, про семейные трагедии и про деяния предков. Таким образом, кольцо в трилогии С. Лагерлеф является не только сюжетообразующим элементом, но и символом скрытых желаний, в первую очередь, алчности, которую не могут перебороть люди, у которых материальные ценности преобладают над духовными.

Список литературы

1. Бедина Н.Н. Мифопоэтические и христианские мотивы в трилогии о Лёвеншёльдах С. Лагерлеф // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 3. С. 122-150.
2. Лагерлеф С. Перстень Лёвеншёльдов; Шарлота Лёвеншёльд; Анна Сверд: Романы: пер. с швед. / вступ. ст. Л. Брауде; примеч. Ф. Золотаревской. Л.: Худож. лит., 1986. 552 с.
3. Младшая Эдда / пер. О.А. Смирницкой, ред. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970. 254 с.
4. Петрухин В.Я. Мифы языческой Скандинавии. М.: Эксмо, Москва: Яуза, 2025. 480 с.

УДК 811.161.1'06, 81'42

РАЗВИТИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ЭТНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Голубева А.А., студент 4 курса
Факультет гуманитарных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов формирования и развития оценочных значений этнонимов в современном русском языке. Рассматривается реализация оценочного потенциала наименований народов и национальностей, их переход от нейтральных

обозначений к словам с ярко выраженной коннотацией как положительной, так и отрицательной. В работе анализируются примеры функционирования этнонимов в различных контекстах, выявляются механизмы формирования стереотипов и языковой оценки. Внимание уделяется роли социокультурного контекста, массовой коммуникации и повседневной речевой практики в формировании устойчивых стереотипов, отражающихся в языке.

Ключевые слова: этнонимы, русский, китайский, немецкий, оценочное значение, медиадискурс, коннотация.

THE DEVELOPMENT OF EVALUATIVE MEANINGS IN ETHNONYMS IN MODERN SPEECH

Golubeva A.A., 4th year student

Department of Humanities

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article explores the formation and development of evaluative meanings of ethnonyms in modern Russian. It examines the realization of the evaluative potential of names of peoples and nationalities, their transition from neutral designations to words with pronounced connotations, both positive and negative. The paper analyzes examples of the functioning of ethnonyms in various contexts, identifying the mechanisms of stereotype formation and linguistic evaluation. Attention is paid to the role of sociocultural context, mass communication, and everyday speech practices in the formation of persistent stereotypes reflected in language.

Keywords: ethnonyms, Russian, Chinese, German, evaluative meaning, media discourse, connotation.

Термин этноним охватывает названия разных этнических образований, включая нации, народы, племена [1]. Этнонимы отражают картину мира. В сознании носителей языка при упоминании той или иной нации возникает целый комплекс ассоциаций: исторический опыт, взаимодействие с конкретным народом, сложившиеся оценочные суждения и социальные установки по отношению к нему [2]. Оценочная окраска языковых единиц может проявляться в особых, репрезентативных контекстах. В таких случаях оценочность может быть вызвана самим контекстом, в котором находится слово. Многие слова изначально лишены оценки, приобретают ее в разных типах дискурса, например, в социальных сетях, средствах массовой информации или политики. Это связано с тем, что такие слова начинают обозначать важные для людей понятия, явления или признаки, которые имеют особое значение для определенной группы или человека [3]. Внутри каждой этнической общности складываются определенные представления о других группах. Эти представления находят свое выражение в языке через систему оценок, что в итоге приводит к формированию национально-культурных стереотипов – прочно сложившихся, постоянных образцов чего-либо, стандартов [4].

Активное развитие международных связей и миграционных процессов усилили культурный контакт. Каждая культура и каждый народ обладают уникальным способом осмысления мира и восприятия других культур. В результате чего мы часто встречаемся с уже сложившимися представлениями о других народах и их представителями, зачастую неосознанно. Процесс интерпретации поведения одной культурной группы другой часто опирается на стереотипные представления, которые формируются на основе упрощенных, чаще гиперболизированных, образов чужого образа жизни, обычаев, традиций. Эти стереотипы склонны к обобщению и игнорированию индивидуальных различий внутри группы. Сравнение себя с другими народами может способствовать формированию чувства превосходства, что иллюстрируется примерами стереотипных представлений, как, например, итальянцы считают англичан холодными, украинцев – жадными [5].

Для исследования были выбраны тексты медиадискурса, где в силу неформальности общения и полемического тона коннотации проявляются наиболее ярко. Для анализа были отобраны наиболее часто встречаемые этнонимы на интернет-платформах: немецкий, китайский, русский.

В процессе дискурсивного анализа было установлено, что этноним немецкий используется больше не для указания на национальную принадлежность, страну производителя, а для характеристики положительных качеств предмета потребления: «С мешком меньше пыли в обработку дуть будет. Так по выходу к нему фильтр тоже есть. Я и его периодически мою. Жена юзает лет 5 уже Томас, немецкий аппарат, моющий, говорит – Супер! Пользовался кто пылесосом циклонным/ без мешка. Всем спасибо за советы, купил. Завтра маме отвезу, попробую» [Воронежский рыболовный форум.]. В данном контексте этноним немецкий. В фразе «юзает уже 5 лет» имеется прямое указание на длительный срок службы, то есть этноним немецкий обретает семы 'надежный', 'долговечный', 'сделанный на совесть'. Далее прямая оценка «супер!» указывает на его отличную работоспособность, высокое качество и эффективность. То есть пользователь купил не просто товар из Германии, а качественный, долговечный и удобный пылесос. Нация приобретает репутацию в области промышленности, инженерии, перенося на отдельный товар и наделяя положительными качествами. Такая оценка складывается на базе общественного опыта, а также за счет стереотипов о немецкой продукции.

Этноним китайский часто может выражать оценку пренебрежения, презрения к подлинности: «Питбайкеры с громким выхлопом, вы реально считаете себя крутыми? Я бы понял, если бы вы ездили на ктм или хускварнах с большими объёмами двигателей. Там громкий выхлоп оправдан. Но вы ездите на китайских малокубатурным помойках. Ваш выхлоп фейковый. Вы выглядите в глазах нормальных байкеров как клоуны и нищелюбы. Шуму много, толку ноль! Поставьте уже себе тихие флейты, не позорьтесь!» [Telegram-канал «Твой Бор»]. Автор критикует мотоциклы, выстраивая их в определенную иерархию, где китайские занимают самое низкое положение. А на вершине находятся «ктм и хускварна» – бренды, ассоциирующиеся с высокими технологиями, качеством, высокой стоимостью. Владение ими наделяется статусом настоящим, «нормальным байкером». В то время, как владение китайским мотоциклом подвергается насмешкам и презрениям – «клоуны и нищелюбы», «не позорьтесь!». Употребление технических характеристик, например, малокубатурный, негативные бытовые слова – «помойка» служат для усиления негативной оценки.

Этноним русский изначально также является безоценочным, однако в ряде контекстов становится аксиологическим маркером: «А можно навальнят таких как ты кикать? если вам что-то не нравится не читайте. Живите дальше в своём виртуальном мире. Я ещё не пойму зачем вы кушаете русский хлеб пьёте русское молоко и едите русское мясо если оно русское почему вы не пользуетесь европейскими продуктами мы же русские люди ничего не умеем делать. Так почему вы пользуетесь благами нашей родины ты если истинно европеец должен отказаться от русского мяса русского молока и русского хлеба и питаться только европейскими продуктами» [Telegram-канал «Rozetked Discuss»]. Данное высказывание представляет собой пример идеологической полемики, где этноним русский выходит за пределы указания на этническую принадлежность. Оценка приобретается через механизм противопоставления и апелляцию к базовым ценностям. Автор имитирует согласие с негативными утверждениями оппонента, чтобы впоследствии обернуть их против него. Русский хлеб, русское молоко, русское мясо – представляет собой то, без чего человек фактически не обходится. Кроме того, слово русский имеет положительную оценку не из-за абсолютного превосходства, а потому что это основа жизни говорящего, которую отвергать абсурдно. Здесь наблюдаем полемику со спорным стереотипным убеждением, что все европейское лучше русского.

Приведенные выше примеры иллюстрируют процесс, когда безоценочное слово, употребленное в аксиологически заряженном контексте, начинает участвовать в выражении оценки. В дальнейшем такое слово формирует постепенно самостоятельную, не зависимую от контекста коннотацию. Рассмотрим несколько примеров. «Здравствуйте, посоветуйте,

пожалуйста, где самый большой выбор корма для собак? Собака ест 8 лет немецкий корм Berkeley, какие шансы его здесь найти?» [Telegram-канал «Cyrpus Animals»] Этноним подразумевает положительную оценку, хотя открыто это не выражено, она выражается через практический опыт потребителя. «Обычное дело, когда хозяева таких новых машин сразу меняют китайскую смазку на что-то более известное» [Статья на сайте «Дром» «Исповеди владельцев китайских авто»]. Данный пример иллюстрирует скрытую негативную оценку этнонима китайский. Негативная коннотация формируется через описание стандартной процедуры, которая стереотипно предполагает низкое качество исходного материала.

Оценка возникает из имплицитного текста, где китайская смазка в роли стандартного, но низкокачественного компонента новой машины. Необходимость ее замены свидетельствует о ее низком качестве и воспринимается как данность, не требующая объяснений: «обычное дело». Этноним ассоциируется с ненадежностью, поэтому люди прибегают к качественным, проверенным материалам. В данном контексте китайский обретает семы: 'потенциальный риск' – продукт с неизвестными свойствами, вызывающий опасение за сохранность технического устройства, 'экономия производителя', 'низкое качество' – стереотипно подразумевается, что китайский производитель экономит на важных компонентах, 'временность' – предполагается, что товары китайского производства временны и подлежат незамедлительной замене «на что-то более известное».

В контексте мы не наблюдаем прямых слов-маркеров, несущие негативную оценку, таких как, например, «плохой» или «хороший». Отрицательный смысл наблюдается в описании действия «сразу меняют», что является «обычным делом». Данная критика опирается на коллективный опыт, вследствие чего достаточно указать на происхождение товара, чтобы потенциальные потребители обратили внимание на несоответствие необходимым стандартам: высокое качество, надежность, долговечность.

В заключение следует сказать, что настоящее исследование позволяет утверждать, что данная область представляет собой динамичную, развивающуюся составляющую языковой картины мира. На сегодняшний день этнонимы являются яркими носителями коннотаций.

Список литературы

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2005. 376 с.
2. Внук Т. В. Авто- и аллоэтнонимы во фразеологической картине мира (на материале немецкого языка) // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. Минск, 2017. С. 183-185. URL: <http://e-lib.bsuf.by/bitstream/edoc/2781/1/Внук%20Т.%20В.%20Авто-%20и%20аллоэтнонимы%20во%20фразеологической%20картине%20мира.pdf> (дата обращения: 28.05.2026).
3. Радбиль Т.Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: опыт корпусного анализа интернет-медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал. 2023. № 6. С. 95-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navedennaya-otsenochnost-kak-obekt-lingvokulturologicheskogo-izucheniya-opyt-korpusnogo-analiza-internet-media> (дата обращения: 28.05.2026).
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь/Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
5. Красных В. В. K78 «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/33i-vFyRdSnXlghc3-AyisIAIfUSif165W8610CzUOfbMbYGtJvKseH6S7bsmb65qYmwoyR3Xf-ZNtOo0LHGqAwIynl1wqTIMbox2tR2AkaZ5ejMASauyg/Krasnykh_V_V_-_Svoy_sredi_chuzhikh_Mif_ili_realnost.pdf (дата обращения: 28.05.2026).
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 28.05.2026).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.015.3

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Бокарева М.А., студент 2 курса

Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Дубова А.В., студент 2 курса

Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования профессиональной мотивации студентов второго курса педагогического вуза (N=51). На основе двух диагностических методик – «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчарова) и «Мотивация учения студентов педагогического вуза» (С.А. Пакулина, С.М. Кетько) – были выявлены структура и соотношение внутренних и внешних мотивов выбора профессии, учебной деятельности и профессионального развития. Установлено, что у 84% студентов преобладает внутренняя мотивация выбора профессии, однако в отдельных учебных группах наблюдается диссонанс между внутренними мотивами выбора и внешне обусловленной учебной активностью (эффект «кризиса второго курса»). Выделены группы риска и даны рекомендации по психолого-педагогическому сопровождению.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, педагогический вуз, студенты, внутренняя и внешняя мотивация, мотивы выбора профессии, мотивация учения, кризис профессионального самоопределения.

FEATURES OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

Bokareva M.A., 2nd year student

Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Dubova A.V., 2nd year student

Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the professional motivation of second-year students of a pedagogical university (N=51). Based on two diagnostic methods – «Motives for Choosing a Profession» (R.V. Ovcharova) and «Motivation for Studying at a Pedagogical University» (S.A. Pakulina, S.M. Ketko), the structure and ratio of internal and external motives for choosing a profession, academic activities, and professional development were identified. It has been established that 84% of students have an internal motivation for choosing a profession, but in some study groups, there is a discrepancy between internal motivation and externally driven academic activity (the «second-year crisis» effect). Risk groups have been identified, and recommendations for psychological and pedagogical support have been provided.

Keywords: professional motivation, pedagogical university, students, internal and external motivation, motives for choosing a profession, motivation for learning, crisis of professional self-determination.

Выбор профессии относится к числу важнейших решений в жизни человека. От того, насколько этот выбор осознан и глубоко мотивирован, зависят не только успешность обучения и карьера, но и удовлетворённость жизнью в целом. Для педагогической профессии данное положение приобретает особую значимость, поскольку внутренняя мотивация учителя напрямую связана с качеством его работы и отношением к учащимся.

Проблема изучения и совершенствования мотивационной сферы будущего педагога раскрывается в целом ряде современных психолого-педагогических исследований. Учеными анализируются детерминанты и специфика мотивации студентов педагогических вузов [1; 2], ее динамика в период обучения в вузе [6; 7], представляется апробированный валидный и надежный диагностический инструментарий для изучения мотивационной сферы будущих педагогов [3; 4; 5]. Однако несмотря на освещенность в публикациях многих важнейших аспектов мотивационной сферы студентов педагогических университетов, данная проблема в силу своей сложности и многоаспектности требует своего дальнейшего исследования. В частности, является актуальным эмпирическое изучение профессиональной мотивации студентов педагогических вузов, осваивающих различные специальности, на начальных этапах обучения для дальнейшего учета этой информации в образовательном процессе. Цель настоящего исследования – выявить особенности профессиональной мотивации студентов второго курса педагогического вуза, а также определить соотношение внутренних и внешних мотивов выбора профессии и учения.

Мотивы выбора профессии трактуются как внутренние побуждения, связанные с потребностями, ценностями и интересами человека. В психолого-педагогической литературе выделяют восемь основных групп мотивов выбора профессии: социальные (желание способствовать общественному прогрессу, занять достойное место в обществе), моральные (стремление приносить пользу людям, помогать, общаться), эстетические (тяга к красоте, гармонии, работе с «прекрасным»), познавательные (овладение специальными знаниями, глубокое понимание профессии), творческие (возможность быть оригинальным, создавать новое), материальные (высокий заработок), престижные (карьерный рост), утилитарные (близость к дому, легкость поступления в вуз).

Мотивация является ключевым фактором, влияющим на процесс профессионального самоопределения, по следующим причинам:

- осознанность выбора будущей профессии: высокая мотивация позволяет человеку адекватно оценивать свои профессиональные компетенции и понимать специфику предстоящей деятельности;
- удовлетворённость и успех: внутренняя мотивация, обусловленная соответствием профессии личным интересам и ценностям, ведёт к продуктивности и удовлетворённости; внешняя мотивация (стремление к признанию или материальному вознаграждению) в долгосрочной перспективе может вызвать разочарование;
- профессиональное развитие: высокий уровень мотивации способствует эффективному развитию компетенций и формированию культуры профессиональной деятельности.

Так, осознанный профессиональный выбор возможен только при наличии глубокой внутренней мотивации. Ориентация исключительно на внешние факторы (мнение окружающих, престиж, материальные стимулы) без учёта собственных профессиональных интересов может привести к неудовлетворённости.

В нашем исследовании приняли участие студенты второго курса различных факультетов педагогического вуза: педагогического (группы НДО-24-1 и НДО-24-2), физико-технологического (группа МФ-24-1), гуманитарных наук (ИО-24-1,2,3, ОРК-24-1). Всего в выборку респондентов вошли 51 человек. В качестве диагностического инструментария были использованы две методики: «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчарова) [4] и «Мотивация учения студентов педагогического вуза» (С.А. Пакулина, С.М. Кетько) [5]. С помощью первой методики изучались четыре группы мотивов: внутренние индивидуально значимые (ВИ), внутренние социально значимые (ВС), внешние положительные (ВП), внешние отри-

цательные (ВО). Каждый мотив оценивался от 1 до 5 баллов, максимум по шкале – 25. Помощью второй методики анализировались мотивы поступления в вуз, реально действующие мотивы учения, профессиональные мотивы, вычислялись интегральные показатели внутренней и внешней мотивации. Диагностика студентов проводилась на занятиях по педагогической психологии, методики предъявлялись с помощью онлайн-сервиса Google Forms.

Рассмотрим результаты диагностики студентов педагогического вуза по методике Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии» (таблицы 1, 2).

Таблица 1 – Средние показатели мотивов выбора профессии по учебным группам

Группа	ВИ	ВС	ВП	ВО	Преобладающий тип мотивации
НДО-24-1	21,14	19,36	15,29	14,14	Внутренний (ВИ > ВС > ВП > ВО)
НДО-24-2	20,00	19,90	16,50	12,00	Внутренний (ВИ ≈ ВС)
МФ-24-1	21,42	20,25	17,83	13,75	Внутренний (ВИ > ВС)
ИО-24-1	23,33	22,67	17,00	12,67	Внутренний (очень высокий)
ИО-24-2	19,25	16,25	15,25	11,88	Внутренний (ВИ > ВС)
ИО-24-3	20,00	17,00	10,00	11,00	Внутренний (ВИ высокий, ВП низкий)
ОРК-24-1	18,50	19,50	19,50	12,00	Смешанный (ВС = ВП)

Таблица 2 – Средние показатели мотивов выбора профессии по факультетам

Факультет	Кол-во	ВИ	ВС	ВП	ВО
Педагогический	24	21,1	20,0	15,8	12,5
Физико-технологический	14	20,0	18,6	17,1	13,9
Гуманитарных наук	13	20,2	18,9	16,5	13,2

Анализируя полученные результаты, отраженные в таблицах, считаем важным отметить следующее:

- преобладание внутренней мотивации (84% студентов) свидетельствует об осознанном, ценностно-ориентированном выборе профессии у большинства второкурсников;
- наивысшие показатели внутренней мотивации в группах ИО-24-1 и МФ-24-1; самые низкие внутренние показатели – в группе ИО-24-2;
- внешние положительные мотивы наиболее выражены у студентов МФ-24-1 и ОРК-24-1 (17,8-19,5 баллов), что может отражать представления о более высокой престижности этих направлений;
- педагогические группы (НДО-24-1, НДО-24-2) демонстрируют стабильно высокие внутренние социально значимые мотивы (19,4-19,9), что соответствует профилю будущей профессии учителя.

Рассмотрим результаты диагностики студентов второго курса по методике С.А. Пакулиной, С.М. Кетько (таблица 3).

Таблица 3 – Средние баллы по шкалам мотивации учения

Группа	Внутренние мотивы			Внешние мотивы		
	поступления	учебные	профессиональные	поступления	учебные	профессиональные
НДО-24-1	19,4	19,8	19,0	19,5	22,8	21,2
НДО-24-2	20,2	20,5	19,4	18,3	21,9	21,0
МФ-24-1	18,0	18,8	18,0	22,1	23,5	22,3

Группа	Внутренние мотивы			Внешние мотивы		
	поступле-ния	учебные	профессио-нальные	поступ-ле-ния	учебные	профес-сио-нальные
ИО-24-1	22,3	21,0	20,4	17,0	21,0	20,4
ИО-24-2	16,1	16,6	15,8	20,5	22,8	20,8
ИО-24-3	19,0	18,0	18,0	20,0	22,0	20,0

Анализ представленных в таблице результатов демонстрирует ряд особенностей мотивационной сферы студентов второго курса педвуза:

- во всех группах внешние учебные мотивы (быть готовым к занятиям, не отставать, выполнять требования) и внешние профессиональные мотивы (стабильность, зарплата, интересная работа) выражены достаточно сильно;
- у педагогических групп внутренние мотивы поступления (интерес к профессии, общение с детьми, способности) выше, чем у других;
- группа ИО-24-2 показывает самые низкие внутренние показатели – вероятно, наличие студентов, случайно выбравших профессию;
- группа МФ-24-1 лидирует по внешним мотивам поступления (престиж, советы друзей, бесплатное обучение).

Сопоставление результатов обеих методик выявило как их согласованность, так и некоторые расхождения. У студентов педагогических групп (НДО-24-1, НДО-24-2) внутренняя мотивация доминирует по обеим методикам, эти студенты осознанно выбрали профессию и внутренне мотивированы в учёбе. В группе физико-технологического факультета МФ-24-1 по методике Р.В. Овчаровой характерно преобладание внутренних мотивов выбора профессии (ВИ=21,4; ВС=20,3), но по методике С.А. Пакулиной, С.М. Кетько преобладает внешняя мотивация учения. Это означает, что студенты хотят стать учителями, однако реальный процесс обучения воспринимают как внешне обусловленный (давление преподавателей, страх отчисления, погоня за оценками). Данный феномен можно интерпретировать как кризис второго курса, когда интерес к профессии ещё не подкреплён успешным опытом учения. В группе ИО-24-2 (факультет гуманитарных наук) также высокие внутренние мотивы по методике Р.В. Овчаровой (ВИ=19,3; ВС=16,3), но по методике С.А. Пакулиной, С.М. Кетько – резкое преобладание внешней мотивации, что обусловлено наличием экстремально низких показателей у нескольких студентов, искажающими средние показатели по группе. При индивидуальном анализе у большинства студентов этой группы внутренняя мотивация всё же выше.

На основе проведенного исследования считаем целесообразным сделать некоторые обобщения и рекомендации.

Педагогические группы (НДО-24-1, НДО-24-2) демонстрируют благоприятный профиль мотивации – высокие внутренние мотивы поступления, учения и профессионального развития. Рекомендуется поддерживать эту группу через практико-ориентированные занятия и рефлексию профессионального роста.

Группа МФ-24-1 требует особого внимания. При хороших внутренних мотивах выбора профессии реальная учебная деятельность мотивирована внешне. Необходимо усилить субъектность студентов: давать больше заданий с возможностью выбора, поощрять самостоятельность, связывать учебный материал с будущей практикой.

Группа ИО-24-2 – зона риска. Высока доля студентов с внешней мотивацией и низкими внутренними показателями. Рекомендуется провести индивидуальные консультации, выявить причины (случайный выбор, разочарование) и организовать тренинги профессиональной идентичности.

В целом по выборке у 58% студентов преобладает внутренняя мотивация учения, что является хорошим показателем для второго курса. Однако 42% находятся под влиянием

внешних стимулов – с ними необходима целенаправленная работа кураторов и психологов. Рекомендуются повторить диагностику на 3, 4 и 5 курсах для отслеживания перехода от внешней мотивации к внутренней.

В заключении подчеркнем, что профессиональная мотивация представляет собой не статичное, а динамическое образование, трансформирующееся под влиянием обучения, социального окружения, субъективных успехов и неудач. Понимание структуры мотивов (внутренних и внешних, положительных и отрицательных) позволяет преподавателям и кураторам эффективно влиять на развитие мотивационной сферы студентов. Это, в свою очередь, способствует формированию не просто профессионалов, а осознанных, преданных своему делу педагогов. Именно внутренняя мотивация обеспечивает высокое качество образования и устойчивую удовлетворённость профессией.

Список литературы

1. Беляева Г.В. Проблема формирования профессиональной мотивации студентов педагогического вуза // Молодой ученый. 2014. № 21.1 (80.1). С. 80-83. URL: <https://moluch.ru/archive/80/13783> (дата обращения: 28.05.2026).
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35-45.
3. Иванова Н.В., Минаева Е.В., Козубай Ю.В. Проблема изучения антимотивации учебной деятельности у студентов педагогического университета // Вестник Мининского университета. 2015. № 2 (10). С. 3.
4. Овчарова Р.В. Психология профессионализации личности педагога. Курган: Изд-во КГУ, 2018.
5. Пакулина С.А., Кетько С.М. Диагностика мотивации учения студентов педагогического вуза // Психологическая наука и образование. 2019. № 4. С. 45-53.
6. Akpayeva A.B., Ivanova N.V., Luchina T.I., Minaeva E.V., Zhestkova E.A. Specifics of educational activity anti-motivation in future teachers subject to the training period // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6, № S3. С. 265-269.
7. Ivanova N.V., Minaeva E.V., Lapin N.I., Suvorova O.V., Mamonova Ye.B. Specifics of the dynamics of educational activity motivation and antimotivation in students of a pedagogical university // Espacios. 2017. Т. 38, № 40. С. 20.

УДК 159.973

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Лысенко Р.Н., студент 3 курса
Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье представлены результаты исследования терминальных и инструментальных ценностей у подростков с интеллектуальными нарушениями в сравнении со сверстниками с нормальным развитием. В структуре ценностных ориентаций подростков с нарушениями интеллекта было выявлено преобладание конкретных терминальных ценностей близких повседневному опыту при низкой значимости абстрактных перспективных ценностей. Инструментальные ценности ориентированы преимущественно на социальное одобрение, тогда как качества, связанные с автономии и самоутверждением, занимают низкие позиции.

Ключевые слова: ценностные ориентации, подростки с интеллектуальными нарушениями, терминальные ценности, инструментальные ценности.

FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS IN ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Lysenko R.N., 3rd year student,
Department of Pedagogy

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article presents the results of a study of terminal and instrumental values in adolescents with intellectual disabilities in comparison with peers with normal development. In the structure of the value orientations of adolescents with intellectual disabilities, the predominance of specific terminal values close to everyday experience was revealed, with a low significance of abstract perspective values. Instrumental values are focused primarily on social approval, while the qualities associated with autonomy and self-affirmation occupy low positions.

Keywords: value orientations, adolescents with intellectual disabilities, terminal values, instrumental values.

Проблема формирования ценностных ориентаций личности занимает важное место в поле современной психолого-педагогической науки, поскольку именно ценностно-смысловая сфера определяет направленность поведения человека, его отношение к себе, другим людям и обществу в целом [1]. В условиях современного социокультурного пространства особую актуальность приобретает исследование и развитие данной сферы у подростков с нарушениями интеллекта, так как данная категория обучающихся испытывает значительные трудности в процессе социальной адаптации, самоопределения и усвоения общественных норм. У подростков с интеллектуальными нарушениями процесс принятия и усвоения общественных норм морали происходят значительно труднее и длительнее, а потому в их обучении требуется целенаправленная коррекционно-развивающая работа [2; 3].

Цель статьи – изучить особенности терминальных и инструментальных ценностей у подростков с интеллектуальными нарушениями и сравнить полученные результаты с результатами исследования ценностных ориентаций подростков с нормой интеллектуального развития.

Исследование проводилось на базе ГКОУ «Школа № 92» и МБОУ «Школа № 43» г. Нижнего Новгорода. В нём приняли участие 20 подростков 15-16 лет: экспериментальная группа – 10 человек с легкой степенью интеллектуальных нарушений, контрольная группа – 10 человек с нормой интеллектуального развития. Использовались адаптированные нами психодиагностические методики: ранжирование ценностей М. Рокича и методика Сакса Леви «Незаконченные предложения». Методики позволили выявить не только предпочтения, но и личностные особенности, эмоциональные установки и отношения подростков к будущему.

Анализ результатов показал специфическое развитие ценностных ориентаций у подростков с интеллектуальными нарушениями (таблица 1). В экспериментальной группе доминируют конкретные и осязаемые терминальные ценности, близкие социальному опыту испытуемых. Среди ориентаций наиболее значимых категорий: «хорошее здоровье» – 90%, «друзья, которые меня понимают» – 70%, «семья, где любят и помогают» – 50%. В свою очередь абстрактные ценности, такие как «материальное благополучие», «успех в жизни» и «свобода» занимают низкие позиции. Данное соотношение терминальных ценностей отражает ориентацию на ближайшее окружение, эмоционально значимые ценности. Так, высокая значимость здоровья объясняется пониманием его как основы благополучия, а семья выступает основной опорой и поддержкой [4].

В контрольной группе подростков с нормальным развитием система более дифференцирована и перспективна: ведущие ценности – «материальное благополучие» – 70%, «семья» – 60%, «свобода» – 50%. Ориентация на автономию, профессиональное самоопределение и социальную реализацию, очевидно, выражена ярче.

Иерархия инструментальных ценностей у подростков с интеллектуальными нарушениями также имеет социальную направленность. Наиболее высокие оценки получили нравственные и социальные качества: «уважение к другим» – 60%, «доброта» – 60%, «честность» –

70%, «ответственность» – 50%. В свою очередь личностные свойства, такие как «уверенность в себе» или «самостоятельность» редко входили в число приоритетов выборов. У нормативно развивающихся подростков преобладают качества, обеспечивающие самостоятельность и развитие, такие как «уверенность в себе» и «самостоятельность».

Таблица 1 – Результаты исследования терминальных и инструментальных ценностей как приоритетных, подростками с интеллектуальными нарушениями (ИН) и нормальным развитием (НР), %

Терминальные ценности	Подростки с ИН (n=10)	Подростки с НР (n=10)	Инструментальные ценности	Подростки с ИН (n=10)	Подростки с НР (n=10)
Хорошее здоровье	90%	80%	Честность	70%	20%
Друзья, которые меня понимают	70%	30%	Доброта	60%	30%
Семья, где любят и помогают	50%	60%	Терпение	40%	30%
Любимая работа или занятие	40%	40%	Аккуратность	40%	20%
Весёлая жизнь, развлечения	30%	30%	Ответственность	50%	50%
Спокойствие и уверенность	40%	20%	Уважение к другим	60%	30%
Материальное благополучие	10%	70%	Справедливость	40%	40%
Любовь и забота	40%	50%	Уверенность в себе	10%	80%
Свобода (делать то, что хочу)	30%	50%	Самостоятельность	20%	80%
Помощь другим людям	30%	0%	Трудолюбие	20%	30%
Успех в жизни	30%	40%	Вежливость	40%	20%

Методика «Незаконченные предложения» подтвердила полученные количественные данные. Так у подростков с интеллектуальными нарушениями доминирует эмоциональная привязанность к ближайшему окружению: семья и друзья назывались «моей ценностью», «самыми классными» или «моей любовью» в 9 из 10 протоколов. Самооценка при этом крайне зависима от внешней похвалы, что выражается в предложениях: «мне приятно, когда меня понимают и хвалят», «я боюсь, что меня будут ругать». Она носит хрупкий и ситуативный характер. В 70% ответов проявляется мотив быть добрым и хорошим, чтобы заслужить одобрение, а не из внутренней убежденности. Также помощь другим остается ситуативной, часто связана с желанием получить одобрение от окружающих. Будущее подросткам с нарушениями интеллекта видится фрагментарно и конкретно: «стать сантехником», «открыть маленький бизнес» «жить спокойно». Собственный моральный выбор данная группа подростков практически не рефлексировывает. Их ценностно-смысловая сфера конкретна, эмоционально насыщена ближайшим окружением, регулируется внешним одобрением и слабо ориентирована на долгосрочную перспективу.

В группе подростков с нормальным развитием ценности более автономны и перспективны: семья и друзья выступают ресурсом для самореализации. Мы можем судить об этом по таким высказываниям: «семья – моя поддержка». Следующими наиболее представленными ценностями являются – «больше всего я хочу построить карьеру», «стать успешным». Самооценка основана на внутреннем самоощущении («я горжусь собой», «лучше себя в прошлом»). К значимым ценностям относятся: получение образования и престижной работы, а также моральные ценности (честность, невозможность предательства).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у подростков с интеллектуальными нарушениями наблюдается специфическое развитие мотивационно-потребной сферы с преобладанием терминальных ценностей над инструментальными, недостаточной иерархичностью и слабой осознанностью системы ценностных ориентаций. Их ценностная сфера характеризуется конкретностью, фрагментарностью, внешней регуляцией и ориентацией на ближайшее окружение.

Таким образом, можно говорить, что подростки с интеллектуальными нарушениями характеризуются слабой субъектной позицией, недостаточной рефлексией и низкой интеграцией ценностей в личностные смыслы. Коррекционно-развивающая работа должна строиться на принципах деятельностного подхода, наглядности, эмоциональной вовлеченности и индивидуализации.

Список литературы

1. Андреева К.Э., Николаева А.А. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций подростков // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 6 (220). С. 496-501.
2. Кисова В.В., Соколова В.А. Исследование ценностных ориентаций умственно отсталых младших подростков // Педагогический вестник. 2021. № 18. С. 28-30.
3. Кисова В.В., Соколова В.А. Особенности ценностных ориентаций у младших подростков с легкой степенью умственной отсталости // Специальное образование и социокультурная интеграция. 2020. № 3. С. 345-352.
4. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДИКИ «НАРИСУЙ ИСТОРИЮ»
С ДЕТЬМИ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА**

Горячева А.А., студент 3 курса

Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Горячева С.А., студент 3 курса

Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Лысенко Р.Н., студент 3 курса

Факультет педагогики

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье представлен опыт проведения мастер-класса «Мой мир» на основе адаптированной техники стимульного рисования А. И. Копытина, Р. Сильвер. Проведён анализ эмоционального содержания, пространственных характеристик, образа «Я» и умения выбирать, комбинировать и передавать историю. Показана эффективность методики для снятия психического напряжения, повышения самооценки и развития креативности в условиях специального образования детей с нарушениями слуха.

Ключевые слова: нарушения слуха, техника стимульного рисования, арт-терапия, творческое мышление, психокоррекция.

**FEATURES OF USING THE «DRAW A STORY» TECHNIQUE WITH CHILDREN
WITH HEARING IMPAIRMENTS**

Goryacheva A.A., 3rd year student

Faculty of Education

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Goryacheva S.A., 3rd year student

Faculty of Education

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Lysenko R.N., 3rd year student

Faculty of Education

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article presents the experience of conducting a master class «My World» based on the adapted technique of stimulus drawing by A. I. Kopytin. The result of the analysis of emotional content, spatial characteristics, the image of «I» and the ability to choose, combine and convey a story is carried out. The effectiveness of the technique for relieving mental stress, increasing self-esteem and developing creativity in the conditions of special education for children with hearing impairments is shown.

Keywords: hearing disorders, stimulatory drawing techniques, art therapy, creative thinking, psychocorrection.

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в эффективных психокоррекционных технологиях, позволяющих развивать творческое мышление, эмоциональную сферу и образ «Я» у детей с ограниченными возможностями здоровья. Арт-

терапевтические методы, в частности техника «Стимульного рисования», дает возможность объективировать переживания, снизить психическое напряжение и стимулировать комбинаторные способности без прямой вербализации конфликтов.

Цель мастер-класса «Мой мир» – развитие воображения, изучение эмоционального состояния, творческих способностей, образа «Я» у детей с нарушениями слуха. В исследовании приняли участие 14 детей школьного возраста с нарушениями слуха. Методика основана на технике «Стимульного рисования» в адаптации А. И. Копытина. Испытуемым предлагался набор стимульных карточек, содержащий изображения персонажей и предметов. Предлагалось выбрать две картинки, представить взаимодействие между персонажами и предметами, нарисовать историю, дать ей название и записать краткий рассказ. Рисунки оценивались по шести критериям, используя пятибалльную шкалу, где 1 – это отсутствие признака, а 5 – его ярко выраженность.

В 36% рисунков (5 чел.) было выявлено умеренно негативное эмоциональное содержание. Рисунки изображали испуганных или враждебных персонажей. Изображения 36% испытуемых (5 чел.) не имели конкретного эмоционального содержания (3 балла). 14% рисунков (2 чел.) имели умеренно положительное содержание (4 балла) с изображением счастливых, но пассивных персонажей. Лишь у 7% испытуемых (1 человек) было обнаружено ярко выраженное положительное содержание рисунка, оценённое в 5 баллов. В их рисунках были изображены активные персонажи, которые проявляли заботу и любовь. Также у 7% испытуемых (1 человек) был выявлен ярко выраженный негативный характер рисунка, оценённый в 1 балл. На их рисунках были изображены ситуации смертельной опасности (рисунок 1).

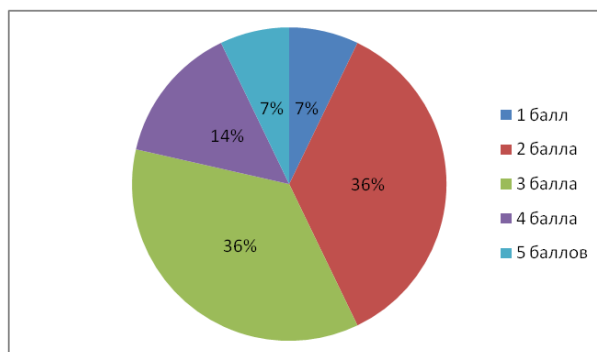

Рисунок 1 – Оценка рисунка с точки зрения эмоционального содержания

В результате исследования было выявлено, что 36% испытуемых (5 человек) использовали для своих рисунков менее одной трети площади листа, что соответствовало 2 баллам. А 29% испытуемых (4 человека) ограничили свои изображения менее одной четвертой листа, что оценивалось в 1 балл. 14% испытуемых (2 чел.) полностью заполнили лист своим рисунком, (5 баллов). Еще 14% участников (2 чел.) разместили свои работы примерно на половине листа (3 балла). Только 1 испытуемый (7%) разместил свой рисунок на 2/3 пространства листа (4 балла) (рисунок 2).

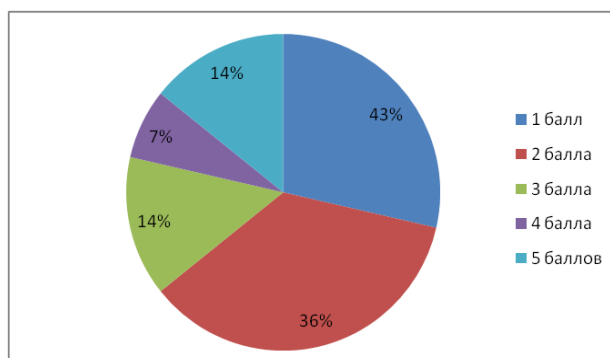

Рисунок 2 – Оценка пространственных характеристик и деталей рисунков

29% испытуемых (4 чел.) отождествляли себя с одиноким, печальным персонажем, столкнувшимся с угрозой для жизни. У 27% испытуемых (3 чел.) наблюдались неприятные фантазии в рисунках (2 балла). Эти дети идентифицировали себя со страдающим, напуганным персонажем. У 21% испытуемых (3 человека) были выявлены противоречивые или амбивалентные фантазии (3 балла). Они идентифицировали себя с рассказчиком или персонажем, который испытывал смешанные чувства, либо безразличие. Также 21% испытуемых (3 человека) изобразили на своих рисунках приятные фантазии, однако их персонажи вели себя пассивно (4 балла). Лишь 7% испытуемых (1 человек) смогли соотнести себя с персонажем, который силен и достигает поставленных целей, или с тем, кого уважают и любят (5 баллов). (рисунок 3).

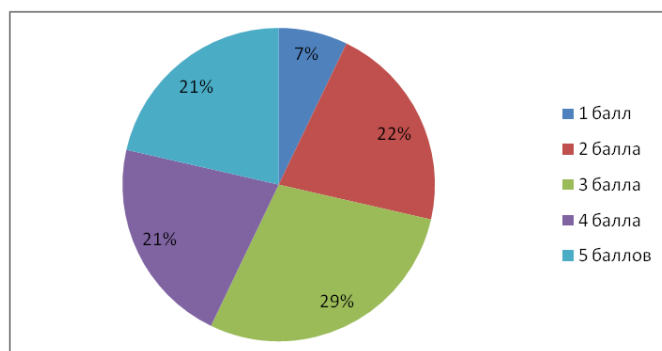

Рисунок 3 – Шкала оценки образа «Я» в рисунках испытуемых

36% испытуемых (5 чел.) в своих рисунках изображали персонажей, выполняющих конкретные действия, или персонажей, подвергающихся воздействию со стороны других объектов (3 балла), что соответствует функциональному уровню. В рисунках 21% испытуемых (3 чел.) объекты были соотнесены по размеру и расположению, однако между ними полностью отсутствовало смысловое взаимодействие (2 балла). Еще 21% участников (3 чел.) продемонстрировали в своих рисунках описательный стиль, характеризующийся ограниченным проявлением воображения (4 балла). В их работах прослеживалась последовательность событий, но отсутствовал скрытый смысл или абстрактное обобщение. 14% испытуемых (2 чел.) продемонстрировали концептуальный уровень (5 баллов), проявив активность воображения и способность к абстракции. 7% детей (1 чел.) выполнили работу на перцептивном уровне, изобразив объекты, не связанные по смыслу (1 балл) (рисунок 4).

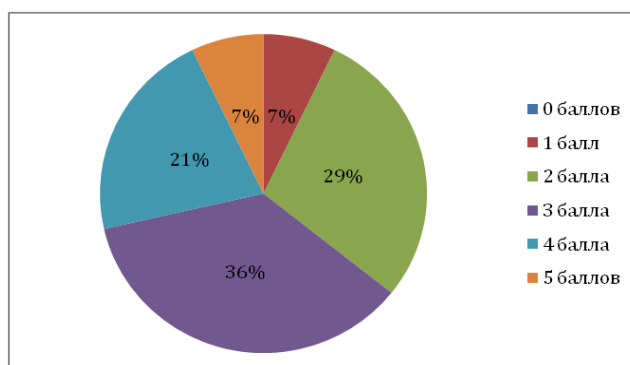

Рисунок 4 – Оценка умения выбирать (содержание рисунка и/или истории)

У половины участников исследования (7 чел.) все элементы композиции были размещены на воображаемой или нарисованной горизонтальной линии, что соответствует оценке в 3 балла. У 21% испытуемых (3 чел.) изображенные объекты и персонажи казались парящими в пустоте без единой смысловой или композиционной основы (1 балл). Приблизительно 21% испытуемых (3 чел.) стремились передать глубину в своих рисунках, при этом оставляя большую часть листа пустой (4 балла). У 7% испытуемых (1 чел.) были зафиксированы по-

пытки продемонстрировать взаимосвязь между элементами при помощи стрелок (2 балла) (рисунок 5).

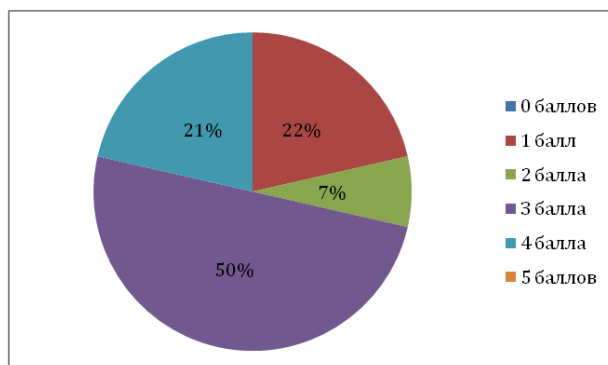

Рисунок 5 – Оценка умения комбинировать (форма рисунка)

29% испытуемых (4 чел.) постарались не просто скопировать стимульный материал, а видоизменить его, однако сюжет их рисунка оставался стереотипным и лишенным оригинальности (2 балла). 21% участников (3 чел.) продемонстрировали имитационный уровень (1 балл), их работы отличались схематичностью, и воспроизведением готовых образцов без внесения оригинальных элементов. 21% испытуемых (3 чел.) создали рисунок с элементами оригинальности и выразительности (4 балла). 14% испытуемых (2 чел.) не представили историю вовсе (0 баллов). Также 14% испытуемых (2 чел.) продемонстрировали уровень реструктуризации (3 балла), видоизменив и усложнив исходные стимульные рисунки (рисунок 6).

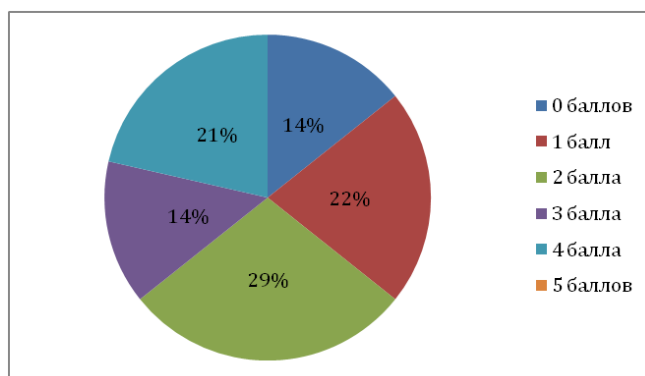

Рисунок 6 – Умение передавать историю (креативность, проявленная в форме и содержании рисунка, сочинении истории)

Проанализировав общий уровень творческих способностей, нами было установлено, что 79% испытуемых (11 чел.) имеют низкий уровень развития творческих способностей (суммарный балл менее 12), 14% испытуемых (2 чел.) продемонстрировали высокий уровень (суммарный балл более 12), 7% испытуемых (1 чел.) показали средний уровень (ровно 12 баллов). Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство испытуемых с нарушением слуха испытывают трудности в создании оригинальных сюжетов, объединении элементов в целостную композицию, присутствует копирование стимульного материала без элементов реструктуризации.

Полученные данные подтверждают диагностические возможности методики: она позволяет выявить агрессивные и аутоагрессивные тенденции, депрессивные реакции, особенности образа «Я» и уровень творческих способностей. В психокоррекционной работе техника способствует отреагированию чувств. Техника стимульного рисования доказала свою эффективность в рамках мастер-класса как инструмент комплексного психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями слуха.

Список литературы

1. Войтюк В.В. Методы арт-терапии в коррекционной работе с детьми и подростками с ОВЗ // Педагогический вестник. 2025. № 41. С. 25-26.
2. Дубровинская Е.И., Одинцова Е.С. Арт-терапевтические технологии психологического развития эмоциональной сферы у слабослышащих детей // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2024. № 3. С. 140-149.
3. Копытин А.И. Рисуночный тест Р. Сильвер для оценки когнитивной и эмоциональной сфер личности // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 90-97.
4. Обухова Т.И., Киселёва А.В. Воображение и особенности его развития у детей с нарушением слуха // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2007. № 2 (52). С. 23-27.

СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ВИРУСЫ

Моряков А.А., студент 1 курса

Факультет информационных технологий

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье представлен анализ современных компьютерных вирусов – от классических файловых до сложных бесфайловых и IoT-ориентированных угроз. Рассмотрены ключевые этапы развития вредоносного ПО за последние годы, дана классификация по целевой платформе, методу распространения и деструктивному функционалу. Особое внимание уделено вирусам-вымогателям и бесфайловым вирусам как наиболее опасным. Сделаны выводы о дальнейшем развитии компьютерных вирусов.

Ключевые слова: компьютерный вирус, вредоносное ПО, ransomware, бесфайловый вирус, мобильный вирус, IoT, эволюция вирусов, антивирусная защита.

MODERN COMPUTER VIRUSES

Moryakov A.A., 1st year student

Department of Information Technology

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article presents an analysis of modern computer viruses, from classic file-based to complex fileless and IoT-oriented threats. It examines the key stages of malware evolution over the past years, providing a classification by target platform, distribution method, and destructive functionality. Particular attention is paid to ransomware and fileless viruses as the most dangerous. Conclusions are drawn regarding the further development of computer viruses.

Keywords: computer virus, malware, ransomware, fileless virus, mobile virus, IoT, virus evolution, antivirus protection.

Первые компьютерные вирусы появились в 1970-х годах как лабораторные эксперименты и компьютерные шутки. За последующие десятилетия они эволюционировали от безобидных программ до высокоорганизованной киберпреступной индустрии. Сегодня вирусы способны шифровать файлы с требованием выкупа, похищать личные данные, превращать устройства в ботнеты для DDoS-атак и даже выводить из строя промышленные системы.

Проблеме компьютерных вирусов посвящены работы зарубежных [10] и отечественных исследователей [2; 4; 6]. Однако большинство классических трудов описывают вирусы 2000–2010 гг. Современные исследования [1; 3; 5] фокусируются на узких аспектах: на бесфайловых вирусах или на машинном обучении для обнаружения. Системных работ, объединяющих все новые тренды (вымогатели, бесфайловые вирусы, IoT-вирусы, использование ИИ для атак), недостаточно.

Гипотеза исследования: современные компьютерные вирусы прогрессировали от «массовых» саморазмножающихся программ к адаптивным угрозам, которые активно используют легитимные сервисы и технологии искусственного интеллекта для обхода защиты, что делает классические антивирусы малоэффективными.

Исследование основано на комплексе теоретических и эмпирических методов. Теоретические методы:

- анализ научной литературы;
- сравнительно-сопоставительный анализ разных классификаций вирусов;
- систематизация для построения новой классификации.

Эмпирические методы:

- анализ открытых статистических данных и отчетов ведущих антивирусных компаний за 2020–2025 гг;
- метод кейсов, то есть детальное изучение конкретных вирусных атак (Conti, LockBit, Mirai, SUNBURST);
- сравнительный анализ эффективности сигнатурного и поведенческого методов обнаружения на основе опубликованных тестов.

Ограничения исследования: работа не включает собственный программный эксперимент с живыми вирусами из-за соображений безопасности, но опирается на опубликованные результаты независимых тестов.

Анализ отчетов «Лаборатории Касперского», Group-IB и Symantec позволил выделить основные тренды эволюции компьютерных вирусов:

- переход к целевым атакам: вирусы создаются под конкретную организацию, разведка проводится заранее;
- бесфайловое исполнение: вирус живет в оперативной памяти и не записывает себя на жесткий диск;
- использование легитимных сервисов: управление и распространение через облачные хранилища;
- III-генерация: каждый экземпляр вируса имеет уникальный прототип, генерируемый автоматически;
- атаки на цепочки поставок: внедрение через обновления ПО.

В 2024 году были зафиксированы первые образцы вредоносного кода, написанные с помощью ChatGPT, и затем полиморфные вирусы, которые переписывают свой код.

По данным Chainalysis, программы-вымогатели остаются самой опасной категорией: в 2024 году зафиксировано более 5000 успешных атак на компании, средний ущерб – 2,5 миллионов долларов, общий ущерб – 1,2 миллиардов долларов [10].

Механизм работы типового вымогателя (на примере LockBit 3.0):

- Проникновение, фишинг, брутфорс RDP, использование украденных данных.
- Повышение привилегий и закрепление (планировщик задач).
- Сканирование сети и поиск целевых файлов.
- Похищение данных и отправка на сервер злоумышленника.
- Шифрование: гибридная схема (AES-256 для файлов, RSA-2048 для ключа).
- Удаление теневых и резервных копий.
- Вывод сообщения с требованием выкупа, угроза публикации данных.
- После уплаты выкупа украденные данные возвращают только в 68% случаев, что объясняется ростом «атак одного дня» без участия человека [7].

Бесфайловые вирусы не создают исполняемых файлов на диске. Они существуют только в оперативной памяти.

Пример цепочки заражения через фишинг:

- Пользователь открывает документ с макросом.
- Макрос запускает командную строку с командами скачать и выполнить скрипт из памяти без сохранения на диск.
- Скрипт внедряется в легитимный процесс.
- Все последующие действия идут из памяти.

Обнаружение таких вирусов сигнатурными методами почти невозможно, так как на диске нет вредоносного файла. Эффективные методы: поведенческий анализ (мониторинг подозрительных команд) и ограничение использования скриптов [8].

С ростом количества мобильных устройств и устройств интернета вещей растет и число вирусов для этих платформ.

Наиболее распространены банковские трояны (Anubis, SharkBot, TeaBot), которые перехватывают SMS и внедряют оверлеи поверх легитимных приложений. В 2024 году обна-

ружен новый вирус-вымогатель Android/Filecoder.C, который шифрует файлы и требует выкуп в криптовалюте. Отличительной особенностью является его распространение через Google Play.

IoT-вирусы заражают роутеры, IP-камеры, видеорегистраторы через стандартные пароли, затем используют их как ботнет для DDoS-атак мощностью до 1 Тбит/с [9].

Сравнительный анализ эффективности разных методов обнаружения вирусов дал такие результаты:

- Сигнатурный метод обнаруживает известные вирусы в 95% случаев, примерно в 15% находит новые, не имеет ложных срабатываний, сканирует очень быстро.
- Эвристический метод: 85% обнаружения старых компьютерных вирусов, 60% новых, иногда выводит ложные срабатывания, быстро проводит сканирование.
- Поведенческий метод находит ранее изученные вирусы в 70–80% случаев, почти всегда обнаруживает современные вредоносные программы, имеет частые ложные срабатывания, долго сканирует.
- Песочница почти всегда обнаруживает любые компьютерные вирусы, иногда случаются ложные срабатывания, имеет среднюю скорость сканирования.

Сигнатурные методы бессильны против современных вирусов. Оптимальная защита сегодня – комбинация поведенческого анализа для неизвестных угроз, эвристики для быстрого сканирования и «песочниц» для подозрительных файлов. Для бесфайловых вирусов важны мониторинг цепочек процессов и политики ограничения командной строки.

Наиболее опасны вирусы-вымогатели и бесфайловые вирусы. Мобильные и IoT-вирусы представляют растущую угрозу в силу массовости устройств. Традиционные антивирусы утратили эффективность против современных угроз. Необходим переход к многоуровневой защите, которая включает поведенческий анализ и отслеживание цепочек процессов.

Таким образом, современные компьютерные вирусы чрезвычайно изменились. Они перешли от безобидных программ к целенаправленным, адаптивным и многокомпонентным системам. Гипотеза о том, что вирусы используют ИИ для создания новых вариантов, подтверждается появлением первых образцов, сгенерированных нейросетью.

Ожидается рост:

- атак с использованием ИИ для генерации уникальных вредоносных программ;
- атак на важную инфраструктуру, такую как энергосети, водоканалы, транспорт);
- бесфайловых вирусов для операционных систем Linux и macOS;
- вирусов, использующих квантовые алгоритмы для взлома классического шифрования.

Рекомендуются регулярный бэкап с изолированным хранением, многофакторная аутентификация, ограничение прав пользователей, отслеживание действий командной строки, повышение осведомленности персонала.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методов активного обнаружения компьютерных вирусов на основе анализа аномалий в системах, на создание алгоритмов, устойчивых к генерации с помощью нейросети, на международное сотрудничество по борьбе с цифровыми угрозами.

Список литературы

1. Зайцев А.В., Смирнова Е.П. Анализ современных методов обнаружения файловых и бесфайловых компьютерных вирусов // Вопросы кибербезопасности. 2024. № 4 (56). С. 23-35.
2. Касперский Е.В. Цифровая эпидемиология: эволюция вредоносного ПО в 2020–2025 гг. М.: Лаборатория знаний, 2024. 320 с.
3. Котенко И.В., Чечулин А.А. Технологии обнаружения сетевых атак с использованием машинного обучения // Информационная безопасность. 2023. Т. 26, № 3. С. 245-260.
4. Лавриненко Д.С. Безфайловые вирусы: принципы работы и методы выявления // Защита информации. Инсайд. 2023. № 4 (106). С. 44-51.

5. Петров Н.В., Гусев М.А. Классификация компьютерных вирусов нового поколения для интернета вещей // Информационные технологии и вычислительные системы. 2024. № 2. С. 78-89.
6. Полубелов А.А. Анализ эффективности поведенческих антивирусных средств против вымогательского ПО // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2023. № 1 (39). С. 32-41.
7. Сафонов И.А., Лебедева О.В. Искусственный интеллект в кибератаках: перспективы и угрозы // Искусственные общества. 2024. Т. 19, № 2. URL: <http://artsoc.ru/journal/2024/2/> (дата обращения: 22.05.2026).
8. Сидоров К.Л., Михайлова А.В. Безфайловые компьютерные вирусы: принципы функционирования и методы обнаружения // Информационная безопасность. 2025. № 2 (98). С. 45-58.
9. Ушаков Р.Ю. Методика анализа полиморфных компьютерных вирусов на основе эмуляции кода // Системы высокой доступности. 2025. № 1 (73). С. 14-22.
10. Chainalysis. 2025 Crypto Crime Report: Ransomware and Darknet Markets / Chainalysis Inc. New York, 2025. 112 p. URL: <https://www.chainalysis.com/2025-crypto-crime-report/> (accessed: 21.05.2026).

УДК 004.738.5

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПЕРЕНОСА ЛИДОВ ИЗ ВЕБ-ФОРМ В GOOGLE ТАБЛИЦЫ ЧЕРЕЗ МЕССЕНДЖЕР MAX

Ванаев В.В., студент 1 курса

Факультет информационных технологий

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье рассматривается проблема ручной обработки лидов, поступающих из веб-форм, и предлагается решение в виде специализированного веб-коннектора. Коннектор автоматически переносит данные в Google Таблицы и отправляет уведомления в российский мессенджер MAX. Целью работы является экспериментальная оценка эффективности такого решения. Гипотеза состояла в том, что автоматизация сократит время обработки заявки в 3–4 раза и снизит количество ошибок. Методология включает хронометраж ручной и автоматической обработки, а также подсчёт ошибок переноса. Новизна заключается в применении связки Google Sheets API и MAX для задач лидогенерации, по которой отсутствуют научные публикации. Результаты показали, что время обработки сократилось в 4,7 раза, доля ошибок снизилась до нуля, а ежедневные затраты на обработку заявок уменьшились в 7,7 раза.

Ключевые слова: лид, автоматизация, веб-форма, облачные таблицы, мессенджер, API-интеграция, мессенджер MAX.

EFFICIENCY EVALUATION OF AUTOMATED LEAD TRANSFER FROM WEB FORMS TO GOOGLE SHEETS VIA MAX MESSENGER

Vanaev V.V., 1st year student

Department of Information Technology

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article deals with the problem of manual processing of leads coming from web forms and proposes a solution in the form of a specialized web connector. The connector automatically transfers data to Google Sheets and sends notifications to the Russian MAX messenger. The aim of the work is an experimental evaluation of the effectiveness of such a solution. The hypothesis was that automation would reduce request processing time by 3–4 times and decrease the number of errors. The methodology includes timing of manual and automated processing, as well as counting

transfer errors. The novelty lies in the application of the Google Sheets API and MAX bundle for lead generation tasks, on which there are no scientific publications. The results showed that processing time was reduced by 4.7 times, the error rate dropped to zero, and daily processing costs decreased by 7.7 times.

Keywords: lead, automation, web form, cloud spreadsheets, messenger, API integration, MAX messenger.

Обработка входящих заявок остаётся одной из самых рутинных операций в малом бизнесе. Несмотря на развитие CRM-систем, многие организации продолжают использовать связку «веб-форма + Google Таблицы + мессенджер» из-за её простоты и низкой стоимости. С.А. Пичугина отмечает, что главная проблема готовых CRM – невозможность выбрать только необходимые функции, из-за чего бизнес переплачивает за неиспользуемый функционал [1]. Однако при росте потока заявок ручной перенос данных из формы в таблицу и последующее оповещение коллег становится узким местом: растут временные затраты и множатся ошибки, связанные с человеческим фактором.

Дополнительный контекст задаёт блокировка зарубежных сервисов. Telegram, на базе которого ранее строились корпоративные боты, в РФ практически недоступен. Бизнес вынужденно переходит на российский мессенджер MAX. М.А. Горбачев и Н.О. Хитров исследовали общие принципы интеграции сервисов с мессенджерами, однако работ, посвящённых именно связке MAX и Google Sheets, на данный момент не опубликовано [2; 5]. А.С. Бурый и К.В. Костылева обосновали подход к интеграции веб-технологий как к построению цифровых экосистем, объединяющих сервисы под решаемую задачу, что прямо соответствует идее коннектора [3; 6].

Таким образом, существует потребность в разработке лёгкого коннектора на российском стеке и в экспериментальной проверке его эффективности. Настоящая работа призвана частично закрыть этот пробел.

Цель исследования – разработать прототип веб-коннектора и количественно оценить его эффективность по сравнению с ручной обработкой. Гипотеза: автоматизация сокращает время обработки одной заявки не менее чем в 3–4 раза и практически исключает ошибки переноса данных. Новизна работы состоит в том, что впервые объектом эксперимента становится связка Google Sheets API и мессенджера MAX, по которой научные публикации отсутствуют; кроме того, предложена простая методика сравнительной оценки, учитывающая одновременно временные метрики и метрики точности.

Методологическую основу составили: анализ технической документации Google Sheets API и MAX API, хронометраж, сравнительный эксперимент и подсчёт ошибок. Хронометраж выбран как наиболее прямой и объективный способ измерения трудозатрат; подсчёт ошибок дополняет картину и позволяет оценить не только скорость, но и качество переноса данных.

На первом этапе была спроектирована трёхмодульная архитектура коннектора: модуль приёма лида из веб-формы, модуль записи в Google Sheets через API и модуль отправки уведомлений в MAX. Стек реализации: Python 3.11, библиотека gspread для доступа к Google Sheets API и кастомный WebSocket-клиент для MAX API. Коннектор был развёрнут на локальном сервере.

Эксперимент проводился на контрольной выборке из 50 лидов. Каждый лид содержал пять полей: имя, телефон, email, город, комментарий. Замеры делались в двух режимах: ручном и автоматическом. При ручном режиме секундомер запускался в момент открытия письма с заявкой и останавливался после отправки сообщения коллеге в MAX. При автоматическом режиме измерялось время от отправки веб-формы до появления записи в таблице и уведомления в MAX.

Среднее время ручной обработки одного лида составило 162 секунды (медиана — 155 с, разброс от 120 до 210 с). Автоматическая обработка занимала в среднем 34 секунды (медиана — 32 с, разброс от 28 до 41 с). Таким образом, время сократилось в 4,7 раза, что превы-

сило нижнюю границу гипотезы (3–4 раза). Результаты временных замеров представлены на рисунке 1.

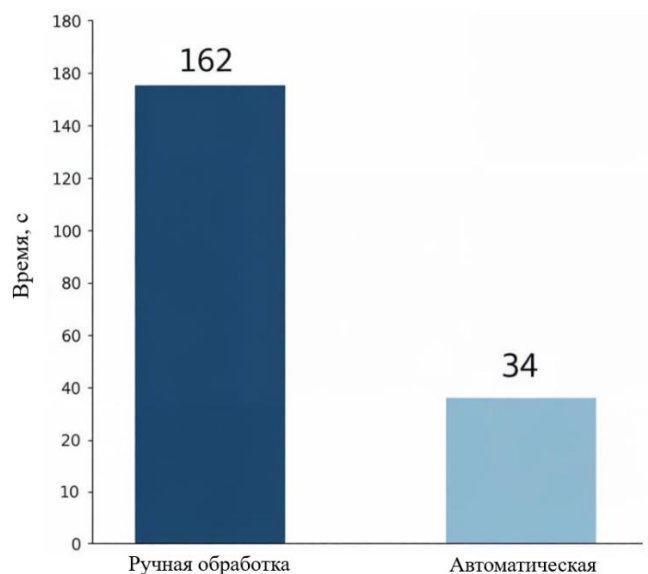

Рисунок 1 – Сравнение времени обработки лида

Доля ошибок при ручной обработке составила 6% (три ошибки из пятидесяти лидов: два раза пропущено поле «город», один раз номер телефона вставлен с опечаткой). При автоматической обработке ошибок переноса не зафиксировано. Этот результат согласуется с данными других авторов: А. Bintang с соавторами получили точность 98,5% при интеграции Google Sheets с Telegram-ботом [4].

Экономическая оценка проводилась отдельно. Результаты экономического расчёта представлены на рисунке 2.

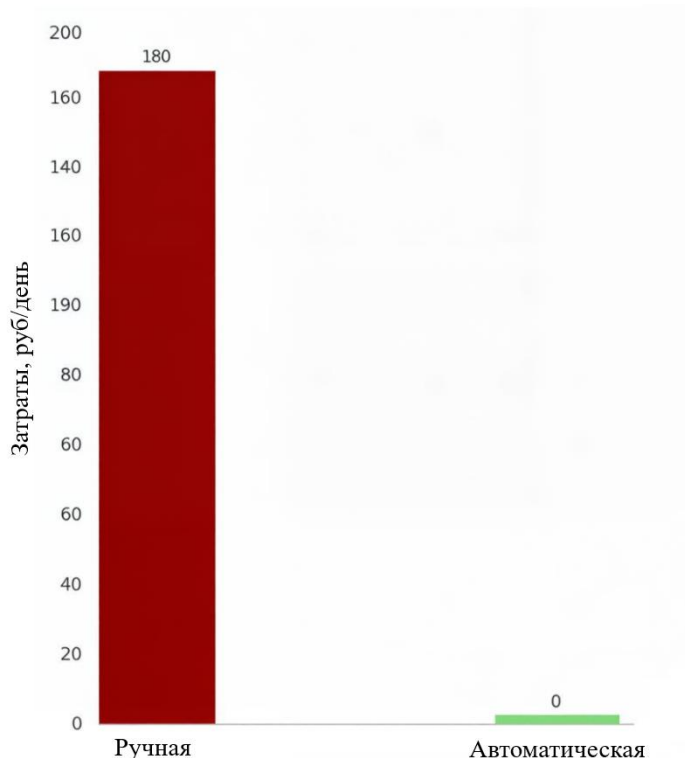

Рисунок 2 – Сравнение дневных затрат на обработку лидов

За основу взята условная ставка менеджера в 200 рублей в час. При среднем дневном потоке в 20 лидов ручная обработка требовала 54 минуты и обходилась в 180 рублей в день.

При автоматическом режиме менеджер не тратит время на перенос данных – он лишь получает готовое уведомление в MAX. Прямые трудозатраты на обработку равны нулю. Фактические расходы также нулевые: Google Sheets API бесплатен в пределах разумных объёмов, MAX не тарифицирует входящие сообщения. Ежедневная экономия составляет 180 рублей, или 3 960 рублей в месяц при 22 рабочих днях. Годовая экономия – 47 520 рублей.

Таким образом, время обработки лида сократилось в 4,7 раза, ошибки переноса исчезли. Ежедневная экономия – 180 рублей, или около 47 520 рублей в год. Ограничения: малая выборка (50 лидов), отсутствие нагрузочного тестирования, нерассмотренные вопросы безопасности. В перспективе – расширение выборки, стресс-тестирование, адаптация к другим российским мессенджерам. Коннектор рекомендуется малому бизнесу как бесплатная альтернатива CRM. Методика оценки пригодна для аналогичных исследований.

Список литературы

1. Пичугина С.А. Разработка автоматизированной системы управления персоналом для строительной компании // Вестник магистратуры. 2021. № 4. С. 50-58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-avtomatizirovannoy-sistemy-upravleniya-personalom-dlya-stroitelnoy-kompanii> (дата обращения: 22.04.2026).
2. Горбачев М.А., Хитров Н.О. Проектирование веб приложения для интеграции сервисов с мессенджерами // StudNet. 2021. № 3. С. 45-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-veb-prilozheniya-dlya-integratsii-servisov-s-messendzherami> (дата обращения: 22.04.2026).
3. Бурый А.С., Костылева К.В. Экспертное обоснование вариантов построения интеллектуальных систем на основе интеграции веб-технологий // Правовая информатика. 2024. № 3 (75). С. 71-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnoe-obosnovanie-variantov-postroeniya-intellektualnyh-sistem-na-osnove-integratsii-veb-tehnologiy> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Bintang A., Hananto A.L., Hananto A. Telegram BOT Application Development Integration with Google Sheets for Sending Service Reporting // Journal of Artificial Intelligence and Engineering Applications (JAIEA). 2025. Vol. 4, № 3. P. 119–125. URL: <https://doi.org/10.59934/jaiea.v4i3.1136> (accessed: 23.04.2026).
5. Документация по API мессенджера MAX. URL: <https://api.max.ru/docs> (дата обращения: 23.04.2026).
6. Автоматизация обработки обращений в службу технической поддержки ООО «Концерт.ру»: студенческая работа. 2023. URL: <https://files.student-it.ru/previewfile/38837/2> (дата обращения: 23.04.2026).

**ПЛАНИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАЖ
ФИНАНСОВЫХ ПРОДУКТОВ В АО «Т-БАНК»**

Рогозина С.Р., студент 4 курса

Факультет управления и социально-технических сервисов
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности функционирования цифровых банков на примере «Т-банк», а также анализируются ключевые факторы формирования его прибыли. На основе проведенного анализа предлагается разработка инновационного кредитного продукта с адаптивной процентной ставкой, направленного на повышение эффективности кредитной деятельности банка. Сделан вывод о том, что персонализация финансовых продуктов и использование цифровых каналов способствуют росту прибыльности и снижению рисков.

Ключевые слова: банк, банковские продукты, каналы продаж, процентная ставка.

**PLANNING AND ORGANIZATION OF FINANCIAL PRODUCT SALES
AT T-BANK**

Rogozina S.R., 4th year student

Department of Management and Socio-Technical Services
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This article examines the features of the functioning of digital banks on the example of T-Bank and analyzes the key factors of its profit formation. Based on the analysis, it is proposed to develop an innovative credit product with an adaptive interest rate aimed at increasing the efficiency of the bank's credit activities. It is concluded that the personalization of financial products and the use of digital channels contribute to increased profitability and reduced risks.

Keywords: bank, banking products, sales channels, interest rates.

Современный банковский сектор характеризуется активной цифровизацией, усилением конкуренции и изменением поведения клиентов. Традиционные банковские модели постепенно уступают место цифровым форматам, в которых основное взаимодействие с клиентом осуществляется через онлайн-каналы. В этих условиях особую актуальность приобретает разработка инновационных финансовых продуктов, способных одновременно удовлетворять потребности клиентов и обеспечивать устойчивый рост прибыли банков.

Одним из ярких представителей цифрового банкинга является Т-Банк, деятельность которого основана на дистанционном обслуживании клиентов и использовании современных технологий анализа данных. В связи с этим возникает необходимость исследования факторов, влияющих на финансовые результаты банка, а также разработки новых продуктов, способствующих повышению его эффективности.

Деятельность банка включает широкий спектр финансовых продуктов, среди которых можно выделить три основных направления:

- Банковские продукты – кредиты, карты, вклады и расчетно-кассовое обслуживание.
- Страховые продукты – страхование жизни, здоровья, имущества и т. д.
- Инвестиционные продукты – брокерские услуги, инвестиционные счета.

Такая диверсификация позволяет банку формировать устойчивую финансовую модель и увеличивать доходы за счет различных источников.

Анализ финансовых показателей банка по каждому месяцу в течение трех лет, а также проведенный корреляционный анализ показывает, что ключевым фактором формирования его чистой прибыли является развитие кредитования физических лиц. Рост кредитного портфеля сопровождается увеличением процентных доходов, что положительно влияет на финансовый результат. При этом важную роль играет объем привлеченных средств физических лиц, которые формируют ресурсную базу для кредитования.

Одновременно значительное влияние на прибыль оказывает уровень просроченной задолженности. Увеличение доли проблемных кредитов приводит к необходимости формирования резервов, что снижает прибыль банка. Таким образом, для повышения эффективности деятельности необходимо не только увеличивать объемы кредитования, но и снижать кредитные риски.

На основе проведенного анализа предлагается внедрение нового кредитного продукта – «Умного кредита с адаптивной процентной ставкой». Его ключевой особенностью является адаптивная процентная ставка, которая изменяется в зависимости от поведения заемщика.

Таблица 1 – Основные параметры нового продукта

Параметр	Значение
Сумма кредита	50 000–1 500 000 руб.
Срок кредита	6–36 мес.
Стартовая ставка	22–24%
Минимальная ставка	19–20%
Формат оформления	Онлайн
Решение по кредиту	3–5 минут

На начальном этапе устанавливается рыночная ставка, однако при соблюдении платежной дисциплины и активном использовании банковских сервисов она может быть снижена. Максимальное снижение ставки – 3-4% от первоначальной ставки. Такой механизм позволяет снизить кредитные риски и повысить качество кредитного портфеля.

Таблица 2 – Условия снижения ставки для клиентов по новому продукту

Условие	Снижение ставки
3 месяца без просрочек	-0,5%
6 месяцев без просрочек	-1%
Если клиент получает зарплату или пенсию на карту банка	-1-2%

Целевой аудиторией продукта являются физические лица в возрасте 25-45 лет со стабильным доходом и высоким уровнем цифровой активности. Данные клиенты активно используют мобильные банковские приложения, обладают опытом кредитования.

Таблица 3 – Портрет целевого потребителя

Характеристика	Потребителя	Обоснование выбора
Тип клиента	Физическое лицо	Продукт ориентирован на розничное кредитование, которое является основным источником прибыли банка
Возраст	25–45 лет	Наиболее активная экономическая группа с устойчивым доходом
Уровень дохода	Средний и выше среднего	Данный сегмент обладает достаточной платежеспособностью и меньшим уровнем риска просрочки
Род деятельности	Наемные сотрудники,	Эти категории имеют регулярный доход,

Характеристика	Потребителя	Обоснование выбора
сти	специалисты, ИП	что важно для кредитования
Место проживания	Крупные города и мегаполисы	Более высокий уровень цифровизации и спроса на онлайн-продукты
Финансовое поведение	Используют банковские продукты, имеют опыт кредитования	Сегмент уже знаком с кредитами и легче принимает решение о новом продукте
Цифровая активность	Высокая	Продукт полностью цифровой, требует взаимодействия через приложение
Потребности	Быстрое получение средств, гибкость условий, снижение переплаты	Продукт напрямую закрывает эти потребности через адаптивные условия

Выбор данного сегмента обусловлен его высокой платежеспособностью, а также готовностью к использованию инновационных финансовых продуктов.

Также были изучены каналы продаж АО «Т-Банк» и выделены основные каналы для продажи разработанного продукта:

- Мобильное приложение – основной канал, обеспечивающий оформление и обслуживание кредита;
- Официальный сайт – канал привлечения новых клиентов;
- Реклама – инструмент формирования спроса.

Данная модель соответствует цифровой стратегии банка и формирует эффективную воронку продаж.

Таким образом, проведенное исследование показало, что ключевыми факторами роста прибыли цифрового банка являются развитие розничного кредитования и эффективное управление рисками. Разработка адаптивного кредитного продукта позволяет одновременно увеличить объемы кредитования и снизить уровень просроченной задолженности.

Таблица 4 – Сравнение обычного кредита с новым продуктом

	Обычный кредит	Умный кредит с адаптивной ставкой
Процентная ставка	Фиксированная ставка	Градуированная ставка
Гибкость условий	Низкая – условия не меняются	Высокая
Мотивация клиента	Отсутствует	Есть – выгодно платить вовремя
Риск просрочки	Выше	Ниже (за счет стимулов)
Персонализация	Минимальная	Высокая
Доходность для банка	Стабильная	Более высокая за счет объема и удержания клиентов

Предложенный продукт, ориентированный на цифровых клиентов и реализуемый через онлайн-каналы, соответствует современным тенденциям развития банковского сектора и способствует повышению конкурентоспособности банка.

Список литературы

1. Иваненко И.А. Специфика разработки и внедрения банковских инноваций в условиях глобализации // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2019. № 1. С. 91-97.
2. Официальный сайт АО «Т-Банк». URL: <https://www.tbank.ru/about/?ysclid=mopphfsac7275675099> (дата обращения: 30.04.2026).

Спиридонова Д.В., студент 2 курса

Факультет управления и социально-технических сервисов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению влияния цифровых денежных инструментов, в частности криптоактивов и цифровых валют центробанков (CBDC), на глобальную экономическую арену. Анализируется, как распространение этих передовых форм оплаты трансформирует существующую финансовую инфраструктуру, оказывает воздействие на международные торговые потоки и меняет методы управления денежной массой. Кроме того, в работе исследованы потенциальные выгоды и риски, связанные с использованием цифровых валют. Среди них – улучшение доступности финансовых услуг, снижение транзакционных издержек и вопросы обеспечения конфиденциальности данных. В финальной части статьи представлены предложения для государственных и финансовых структур по адаптации к меняющемуся ландшафту и максимизации преимуществ от внедрения цифровых валют.

Ключевые слова: глобальная экономика, центральные банковские цифровые валюты, криптовалюты, инновации, кибератаки, экономическая стабильность, цифровые валюты, финансовые системы.

THE IMPACT OF DIGITAL CURRENCIES ON THE GLOBAL ECONOMY

Spiridonova D.V., 2nd year student

Department of Management and Socio-Technical Services

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. This study focuses on the impact of digital money instruments, particularly crypto-assets and central bank digital currencies (CBDCs), on the global economic landscape. It examines how the adoption of these advanced payment methods is transforming the existing financial infrastructure, affecting international trade flows, and reshaping monetary management practices. Additionally, the study explores the potential benefits and risks associated with the use of digital currencies. These include improved access to financial services, reduced transaction costs, and concerns about data privacy. The final part of the article presents proposals for government and financial institutions to adapt to the changing landscape and maximize the benefits of adopting digital currencies.

Keywords: global economy, central bank digital currencies, cryptocurrencies, innovation, cyberattacks, economic stability, digital currencies, and financial systems.

Современные трансформационные процессы в глобальной экономике во многом связаны с распространением цифровых валют, включающих децентрализованные криптовалюты и цифровые валюты центральных банков (CBDC) [6]. Эти финансовые инструменты трансформируют рынки капитала и международную коммерцию, меняя подходы к эмиссии денег, осуществлению платежей, монетарной политике и формированию экономических альянсов.

Криптовалюты функционируют на децентрализованных сетях, позволяя пользователям совершать транзакции напрямую, без участия традиционных посредников (банков, платёжных систем). Это снижает издержки и ускоряет расчёты, что критически важно для регионов с недостаточно развитой банковской инфраструктурой (Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка). Вместе с тем их высокая волатильность (иллюстрируемая колебаниями курса биткойна) и риски, связанные с мошенничеством и незаконным использованием, требуют разработки эффективных регулятивных механизмов.

Цифровые валюты центральных банков (CBDC), в свою очередь, представляют собой электронные аналоги фиатных денег с централизованным управлением. Их стоимость напрямую привязана к национальной валюте, а выпуск контролируется государством. Цифровые валюты центральных банков (CBDC) модернизируют платёжные системы, снижают издержки, повышают прозрачность финансовых потоков и усиливают государственный контроль над денежным обращением [4], расширяя инструменты фискальной политики.

Развитие электронных денег меняет финансовую среду: криптовалюты оспаривают государственную монополию на эмиссию, создавая риски для национальной финансовой автономии. При этом CBDC, полностью подконтрольные регуляторам, тоже способны трансформировать роль коммерческих банков. Масштабный переход вкладов в CBDC может угрожать стабильности финансовой системы [8]. В качестве мер противодействия рассматриваются: лимиты на остатки в CBDC, дифференцированные ставки и автоматизированное перераспределение избыточных средств в коммерческие банки.

Появление и широкое распространение криптовалют затрудняют эффективное управление денежной массой и реализацию антиинфляционных мер. Анонимность, присущая многим криптографическим операциям, усложняет мониторинг финансовых потоков. CBDC, напротив, открывают перед центральными банками новые горизонты для влияния на экономические процессы. К ним относятся более точное управление процентными ставками, программирование объемов денежной массы, адресное распределение средств среди конкретных категорий населения, а также применение отрицательных процентных ставок. Например, CBDC могут быть спроектированы с конечным сроком действия, что будет стимулировать потребительскую активность, или применены для целевого финансового обеспечения в кризисные периоды.

Более того, цифровая валюта центральных банков обладает потенциалом для расширения охвата населения финансовыми услугами, особенно в развивающихся экономиках, где значительная часть граждан, не имеет доступа к традиционным банковским продуктам. Развитие технологии блокчейн и смарт-контрактов способствует повышению безопасности и надежности финансовых операций [1]. Автоматизация исполнения договорных обязательств при выполнении predetermined условий упрощает транзакции и ведет к снижению сопутствующих издержек.

В контексте мировой торговли, цифровые валюты предоставляют инструменты для оптимизации и удешевления трансграничных платежей. Благодаря технологии распределенного реестра, время проведения операций сокращается с нескольких дней до нескольких минут. Центральные банковские цифровые валюты (CBDC) и стейблкоины нацелены на снижение стоимости транзакций, что особенно выгодно для малого и среднего бизнеса, часто несущего существенные комиссии за переводы. CBDC дают возможность осуществлять платежи, минуя традиционные корсчета банков, сокращая время расчетов до секунд и уменьшая комиссии на 30-40%. Более того, цифровые валюты способны уменьшить гегемонию текущих резервных валют, предлагая обходные пути для санкционных ограничений. Страны БРИКС, к примеру, активно исследуют потенциал CBDC для создания альтернативной платежной системы, менее зависимой от доллара США и SWIFT.

Однако интеграция CBDC сталкивается с вызовами стандартизации. Создание каждым государством собственной, несовместимой системы приведет к проблемам взаимодействия [5]. Регуляторы ищут общие нормы, касающиеся форматов обмена данными, правил транзакций и механизмов верификации, необходимые для беспрепятственного трансграничного использования.

К ключевым препятствиям относятся обеспечение кибербезопасности, защита приватности данных, преодоление регуляторных барьеров, управление волатильностью цифровых активов и сокращение цифрового разрыва [9]. Центральные банки должны инвестировать в защиту CBDC от киберугроз. Чрезмерная прозрачность может спровоцировать нежелательное государственное вмешательство, поэтому необходимы системы, гарантирующие конфиденциальность пользователей, соблюдая при этом нормативные требования. Отсут-

ствие единого международного подхода к регулированию порождает правовую неопределенность. Успех CBDC зависит от уровня цифровой грамотности населения и качества инфраструктуры, что может обострить существующее неравенство между государствами.

По данным Atlantic Council, 137 стран мира активно работают над созданием собственных цифровых валют центральных банков (CBDC). Из них 49 государств уже находятся на этапе пилотного запуска или полномасштабного внедрения таких систем. В ближайшем будущем CBDC способны трансформировать платежные системы и фундаментальные подходы к денежно-кредитной политике [7]. Тем не менее, успех их внедрения будет зависеть от разработки эффективных регуляторных рамок и интеграционных решений, призванных обеспечить плавное включение этих валют в мировую финансовую архитектуру.

Эти тенденции говорят о значительном глобальном влиянии цифровых валют на экономику и политику. Они открывают новые возможности: ускоряют финансовые транзакции, снижают издержки, расширяют доступ к финансовым услугам, и повышают прозрачность операций [2]. Однако для успешного внедрения этих технологий необходимо найти баланс между поддержкой инноваций и необходимостью контроля, чтобы гарантировать безопасность, суверенитет и общую стабильность мировой финансовой системы [3].

Список литературы

1. Кузнецов Д.Р. Блокчейн и его применение в финансовых технологиях. Екатеринбург: УралГТУ, 2019. 120 с.
2. Ермолаев К.Н., Федорин М.Д. Особенности реализации национальной цифровой валюты в России // Энигма. 2022. № 46. С. 17-22.
3. Завьялова Е.А., Гущина А.С., Кузнецова С.Н. Цифровая трансформация экономики и бизнеса: тенденции и перспективы. Экономика и предпринимательство. 2025. № 12-1 (185). С. 793-797.
4. Кочергин Д.А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37, № 2. С. 205-240.
5. Иванов С.И., Петров А.П. Криптовалюты: современное состояние и перспективы. М.: Экономика, 2020. 256 с.
6. Сидоров И.А. Международная торговля в эпоху цифровых валют. Казань: Казанский университет, 2022. 300 с.
7. Смирнова Н.В., Федорова Е.А. Центральные банковские цифровые валюты: вызовы и возможности. СПб.: Наука, 2021. 180 с.
8. Цзян В. Механизмы влияния цифровых валют на денежно-кредитную политику центральных банков // Modern Economy Success. 2021. № 3. С. 219-228.
9. Юзефальчик И. Цифровые валюты центральных банков: подходы к внедрению и роль в финансовой системе // Банковский вестник. 2019. № 11 (676). С. 27-34.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

С апреля по май 2026 года в Мининском университете проводились ежегодные студенческие Дни науки, в рамках которых были организованы научные конференции, семинары и вебинары, круглые столы и выставки, а также предметные олимпиады и конкурсы на лучшую научную работу студентов.

По итогам научно-практических конференций подготовлен данный сборник, включающий 23 лучших доклада 26 авторов – студентов.

В сборник включены статьи по следующим научным направлениям: педагогические науки, психологические науки, экономические науки, филологические науки, философские науки, технические науки.

Тематика представленных статей отличается высокой актуальностью и междисциплинарностью, объединяя исследования в области философии цифрового пространства и этики онлайн-коммуникации, филологического анализа текстов, современных методик дошкольного и специального образования, а также прикладных вопросов информационной безопасности, автоматизации и цифровой экономики. Необходимо отметить устойчивый интерес современных студентов к исследовательской деятельности, умение ориентироваться в многообразии научных проблем, самостоятельность в постановке проблемы научной работы, способность глубоко и аналитически мыслить.

Заместитель проректора по науке и
организации приемной кампании
НГПУ им. К. Минина, кандидат
психологических наук, доцент

А.В. Гришина

СОДЕРЖАНИЕ

Организационный комитет	3
Вступительное слово	4
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Мансурова А.Н. Активизация познавательной деятельности обучающихся при изучении теоретических основ информатики в основной школе	5
Гаврилов И.А. Социальные сети как инструмент популяризации науки среди молодежи	9
Кузнецова Е.В. Развитие игровой деятельности старших дошкольников: от анализа теории к проектированию развивающей среды	13
Лезина Н.М. Бесшовная коммуникация как условие формирования единого образовательного пространства семьи и дошкольной организации	16
Кузнецова Т.А. Повышение профессиональной компетентности воспитателей в вопросах применения игры в образовательном процессе детского сада	20
Кудинова Е.И., Панкратова А.С. Компетентность педагога как системообразующий фактор формирования естественно-научной картины мира у детей дошкольного возраста	24
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Юлчиева А.М. Стоицизм как философская практика для цифровой эпохи: от Марка Аврелия к управлению вниманием	28
Герасимова К.А. Онтология виртуальных миров: философский анализ компьютерной игры как способа бытия	30
Нужа Е.А. Феномен «культуры отмены» (cancel culture) в свете философии публичного пространства и этики дискурса	33
Волкова Я.А. Философия диалога Мартина Бубера («Я-ТЫ») и природа общения в мессенджерах и социальных сетях	38
Прокошина С.А. Воспитание без проекта: педагогика перед лицом радикальной неопределенности будущего	41
Гаврилова В.С. Предикатная неполнота персонажа: зачем нужен кинлист?	45
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Чепаксова Ю.А. Мотив узнавания в пьесах К. Гуцкова «Ричард Севедж» и А.Н. Островского «Без вины виноватые»	49
Иванова Е.Ю. «Язык цветов» и его значение в новелле Э. Т. А. Гофмана «Фалунские рудники»	52
Власова Е.А. Мотив «проклятого золота» в трилогии С. Лагерлёф «Перстень Лёвеншёльдов»	56
Голубева А.А. Развитие оценочных значений у этнонимов в современной речи	58
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бокарева М.А., Дубова А.В. Особенности профессиональной мотивации студентов педагогического университета	62
Лысенко Р.Н. Особенности ценностных ориентаций у подростков с интеллектуальными нарушениями	66
Горячева А.А., Горячева С.А., Лысенко Р.Н. Особенности использования методики «нарисуй историю» с детьми с нарушениями слуха	70

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Моряков А.А. Современные компьютерные вирусы	75
Ванаев В.В. Оценка эффективности автоматизированного переноса лидов из веб-форм в Google таблицы через мессенджер МАХ	78

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рогозина С.Р. Планирование и организация продаж финансовых продуктов в АО «Т-БАНК»	82
Спиридонова Д.В. Влияние цифровых валют на глобальную экономику	85
Заключительное слово	88

Научное издание

НЕОФИТ

**Сборник статей по материалам
научно-практических конференций студентов**

Выпуск 22